

Александр Иванченко

Вишни

Роман в двух книгах. Книга первая

Издательские решения
По лицензии Ridero
2023

УДК 82-3
ББК 84-4
И23

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

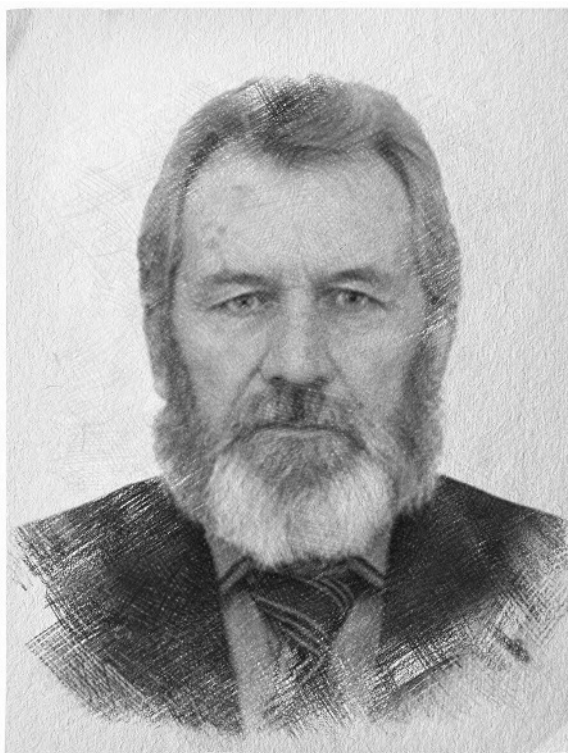
Иванченко Александр
И23 Вишни : Роман в двух книгах. Книга первая / Александр
Иванченко. — [б. м.] : Издательские решения, 2023. — 322 с.
ISBN 978-5-0059-5489-3 (т. 1)
ISBN 978-5-0059-5490-9

Роман «Вишни» представляет собой документально-историческую семейную сагу, где происходит переплетение исторических событий периода ВОВ с судьбами людей, на примере простой провинциальной семьи российской глубинки, без сложно завитых спиралью жизненных перипетий, с большой долей исторической достоверности. Он смог появиться на свет благодаря очень убедительной просьбе моей мамы, её воспоминаний, с желанием увековечить память героически погибшего во время Великой Отечественной войны её брата.

УДК 82-3
ББК 84-4

16+ В соответствии с ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ

ISBN 978-5-0059-5489-3 © Александр Иванченко, 2023
ISBN 978-5-0059-5490-9 © Александр Иванович Иванченко, дизайн
обложки, 2023

Александр Иванченко

Пролог

Когда зародилось казачество, даже сейчас с большой долей уверенности никто сказать не может. Но упоминание о существовании военизированной общины в Приднью относят к началу XIV века. Называют историки и 1265 год, когда Золотая Орда учредила христианскую епархию, охватившую территорию от Волги до Днепра.

Есть также в упоминаниях о событиях Куликовской битвы факт получения князем Дмитрием Донским от донских казаков иконы Гребневской Божьей Матери, которая в последствии стала называться Донской.

Эта летопись была составлена в 1471 году и в ней говорилось досконально следующее:

«...И когда благоверный Великий князь Дмитрий с победой в радости с Дону-реки, и тогда тамо, народ христианский, воинского чину живущий, зовомый казаций, в радости встретил его со святой иконой и с крестами, поздравил его с избавлением от супостатов агарянского языка и принес ему дары духовных сокровищ, уже имеющиеся у себя чудотворные иконы, во церквах своих. Вначале образ Пресвятой Богородицы Одигитрии, крепкой заступницы из Сиротина городка из церкви Благовещения Пресвятой Богородицы...».

Всё же историки сошлись на том, что пока нет более достоверного подтверждения иной даты официального признания территориального образования донских казаков, чем тот документ, который датируется январём 1570 года. Это грамота царя Ивана Грозного, от 5 января 1570 года, адресованная донскому атаману Михаилу Черкашину, стала официальной точкой отсчёта истории Области Войска Донского и в которой говорится, что донские казаки с этой поры являются подданными Москвы и стоят на охране южных рубежей Руси.

Конечно же этот документ говорит лишь о том, что казаки стали первыми пограничными военизированными подразделениями, охраняющие южные рубежи государства. Зарождение донского казачества произошло значительно раньше, а главная заслуга этого события состоит в том, что через некоторое время донское казачество стало главной вооружённой силой Российской империи. И этот факт, по большому счёту, в истории замалчивается, в отличие от восстания донского казаче-

ства на Дону, названная Гражданской войной на Дону в периоде с ноября 1917 по весну 1920 годов, более широко освещён в исторических документах.

Одно остаётся неоспоримым фактом — вольность казачества и любое притеснение или насилие над ним вызывало бунты, восстание и прочие несогласия, и неповиновения властям, начиная со Степана Разина и Емельяна Пугачёва. Вольные донские просторы, где гуляет ветер остьями ковыля и казак, на резвом донском скакуне, с неизменным военным атрибутом — шашкой, да ещё Дон-батюшка — это то, без чего нельзя представить донской край и донское казачество.

С 1786 года территория донских казаков официально стала называться Землёй Войска Донского, а позже Областью войска Донского. В 1802 году территория Области войска Донского, состояла из семи округов. Территория Примиусья, от шахтёрских городов и посёлков до Таганрогского залива, куда впадала река Миус, стала называться Примиусским округом с центром в слободе Голодаевка (впоследствии село Куйбышево). А в 1887 году в состав Области Донского было передано Таганрогское градоначальство и Ростовский-на-Дону уезд. Столицей казачества до 1806 года был Черкасск, а после Новочеркасск.

В Таганрогский округ, образованный благодаря отделению юго-восточных территорий Екатеринославской губернии, вошли земли от г. Таганрога, вдоль побережья Таганрогского залива, вплоть до г. Мариуполя, дальше границей стала, определённая ещё царицей Елизаветой в 1746 году между землями запорожских казаков и донских по реке Кальмиус. Граница на север, вдоль русла реки доходила до г. Юзовка и далее на северо-восток, севернее населённых пунктов Макеевск, Троицко-Царцызск, Грабовск на восток к Каменску и далее на юг, от Павловска, по территориям Дарьевского, Агрофенов-

ского, Большекрепинского и Петровского поселений к Самбеку.

Округ был разбит, по данным 1913 года, на 55 волостей. Большую часть населённых пунктов волостей именовались слободами. По переписи 1913 года на территории округа проживало 412995 человек, большую часть из которых составляли украинцы — 254819 человек, 131029 — русские и 18934 — немцы.

Немцами-колонистами была заселена значительная территория будущего Матвеево-Курганского района, где непосредственно территория Матвеево-Курганской волости, куда входил сам Матвеев Курган с прилегающими селами и хуторами, была окружена, двумя большими колониями. Первая, называемая Милость-Куракинская волость, называемая Александрфельд, где размещались поселения колонистов от берегов реки Миус, южнее Матвеева Кургана, вдоль реки Каменная, граничащие с Покровской и Советинской волостями и занимали восточные территории до границ с Лысогорской волостью.

Северо-восточнее от Матвеево-Курганской волости размещалась вторая Больше-Кирсановская волость с названием колонии Николайполь. Были, конечно и другие колонии, такие, как Клейн-Катериновка, в последствии Малая Екатериновка. Да и всё остальные колонии, после революции, до 1920 года стали колхозами и получили новые названия. Например, колония Ново-Ротовка стала колхозом «Коминтерн», Ново-Андриановка стала называться «Красным колонистом», Мариенгельм — «Колхозом им. Тельмана», а Александерфельд — «Ленинфельдом».

В артелях, товариществах и колхозах колонистов применялась повсеместно механизация и самые передовые по тем временам сельскохозяйственные технологии.

Возможно именно тот факт, что коренное население западных районов Области войска Донского было, в отличие от истинно казачьих донских станиц, расположенных от низовья до верховья Дона и Северского Донца, Хопра, Сала и Кагальника, было в значительной степени «разношерстным», не имеющих многовековых казачьих традиций и даже не относящихся к казачьим сословиям, то и территориальное деление и распределение земель несколько отличалось от тех, которые были определены ещё задолго до организации Таганрогского округа, в качестве вновь присоединённой территории.

Несколько иное положение было на территориях округа, вплотную граничащими с Черкасским округом, где и располагалась столица Донского казачества. Это были волости с центрами в населённых пунктах Петровск, Больше-Крепинск, Агрофеновск.

Поселение, впоследствии называемое слободой Больше-Крепинской, было равноудалено от административных центров: от Ростова-на-Дону на расстоянии 50 км, от столицы Области войска Донского, Новочерасска — около 60 км и столько же от центра нового округа, г. Таганрога, если добираться до них напрямик, просёлочными дорогами. И потому, жизнь в слободе Больше-Крепинской была максимально приближена к жизненному укладу и казачьим традициям, чем на территориях, заселённых из более западных территорий Новороссии и колонистов.

Отличить можно было на базарах Ростова-на-Дону, Нахичевани или Таганрога по внешнему виду и людей крестьянского сословия из Примиусья, и ремесленников-колонистов, и купцов Приазовья, и вольных казаков по отличительности одеяния и не только. Население большей части Таганрогского округа, за исключением городского населения и колонистов, можно было отличить от прочих, по характерному русско-украинскому речево-

му суржику; казаков нижнего Дона — по разговору на донской балачке, смеси местного и украинского языка, а казаки с более северных казачьих территорий гутарили на смеси языков, в котором преобладал белорусский язык.

При разговоре можно было безошибочно узнать и своего земляка, и жителя той волости, в которой человек часто бывал и привык к их отличительности и специфичности говора. Происходила миграция населения, и встречались здесь не только хутора, но и целые поселения, заселённые семьями из Нечерноземья и более северных и северо-восточных районов России. На Украине таких называли не иначе, как москалями, а украинцы-националисты ещё и кацапами. Здесь прижилось крайнее название — кацапы. Вот их «оканье» и высмеиваемый здесь говор, как что-то презрительно-унизительное и их даже сравнивали с колонистами-немцами, которые старались говорить на чистом русском языке, так как у них были хорошие учителя и в их школах обучали по особым учебным программам и не только потому, что они были не православные, как хохлы и кацапы, а потому, что у них ко всему был свой вымеренный и обоснованный подход и пунктуальность на грани с фанатизмом.

***

Отличившись боевыми успехами, войсковой старшиной Войска Донского, Иван Матвеевич Платов, с получением первого боевого ордена по Указу Екатерины Великой и чина генерала, а затем став наказным атаманом Войска Донского, получил также разрешение на постройку двух хуторов Птато-Ивановки и Большая Крепкая. И уже к концу 18 века имеются упоминания об этих населённых пунктах, увековечивших память будущего Героя Великой Отечественной войны 1812 года, наряду

с другими населёнными пунктами на территории Таганрогского округа и не только.

Слобода Большая Крепкая или, как она затем стала называться, слиянием слов, расположилась в живописных местах, на слиянии рек Тузлов и Крепкая. Эти две реки стали естественными границами поселению с запада и с юга, а с северо-востока от долины Тузлова стремительно поднимались вверх массивы Донецкого кряжа. На подъёме строились чаще всего административно-управленческие здания, помещичья усадьба, церковь, а позже и школа. Земельные наделы давались в пойме реки, но эти наделы часто заливались во время разливов, хоть и небольшой, но своенравной реки. И, так как долина была неширокой, из-за того, что с юго-западной стороны русло реки ограничивалось второй ветвью, ещё более высокого кряжа.

Из-за этого этот райский уголок, казалось, был забыт и спрятан от посторонних глаз недобрых гостей. Этот край и правда был затерян, так как не стоял напрямую на торговом пути, как и другие населённые пункты вдоль реки Тузлов. Но эта самая дорога проходила по вершине юго-западного хребта, на расстоянии трёх-четырёх верст от слободы. И только очень решительные купцы, рисковали спуститься гружёнными арбами или конными повозками по склону, где можно было, из-за большой крутизны и шею свернуть, и не только волам, с разницей уровней более 200 метров на подъёме не более 400 метров по наклонной вниз и затыжым ещё на полторы версты выше.

Часто, животные, запряжённые в повозки и арбы, оступаясь на каменистой дороге, ломали ноги при спуске и часто не могли вытянуть перегруженные товаром или продуктами в гору. Сообщение с центром Войска Донского и Ростовом-на-Дону осуществлялось через посёлок Родионов, основанный подполковником

Марком Родионовым на реке Большой Несветай. Это произошло по причине организации Миусского округа и массовым заселением территории казаками. Когда поселение разрослось на обоих берегах реки, его переименовали в слободу Родионо-Несветаевскую. До Новочеркасска большекрепинцам стало добираться даже удобнее через переправу в Родионовке, как слободу по привычке продолжали называть, а в Ростов, хоть и чуть дальше, но спуск с кряжа у той слободы был в разы проще, кроме распутицы.

Россия давно жила в переломное время введения реформ, начало которым положил Манифест, подписанный Александром II «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» от 19 февраля 1861 года.

Главное в крестьянской реформе было то, что: «...крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим имуществом; помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, однако обязаны были предоставить в пользование крестьянам „усадеб оседлость“ и полевой надел. За пользование наделной землёй крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели права отказа от неё в течение 9 лет. Крестьянам предоставлялось право выкупа усадьбы и по соглашению с помещиком — полевого надела, до осуществления этого они именовались „временнообязанными“ крестьянами...».

В результате реформы средний размер помещичьего надела пореформенного периода составлял 3,3 десятины на душу, что было меньше, чем до реформы. За душевой надел устанавливался оброк, так называемая барщина, в размере от 8 до 12 рублей, в зависимости от территории проживания. Барщину должны были отдавать все мужчины в возрасте от 18 до 55 лет и женщины от 17 до 50 лет. За полный надел крестьянину полагалось

отработать на барщине до 40 мужских и 30 женских дней.

Крестьяне могли выкупить землю наделов в собственную собственность, заплатив изначально 20% её стоимости и затем в течении 49 лет в рассрочку выполняя платежи, что в итоге составляло, без малого 300% от стоимости земли.

В Области войска Донского, состоявшим на службе были сделанные существенные изменения и казачьи наделы выгоднее отличались от крестьянских. Вся войсковая земля подразделялась на три основные категории: на юртовую, отводимая станицам, на частные наделы генералов, офицеров и чиновников Войска, на разные войсковые надобности и войсковой запас. Каждой станице отводился земельный участок (юрт), из которого давали казакам наделы по норме в 30 десятин на каждую взрослую мужскую душу войскового сословия. Все станичные земли не могли передаваться в чью-либо собственность. Из общего количества земли, также выделялись отдельные участки под общественные нужды, под сенокосы, выгоны для скота, дороги и прочее.

На самом деле наделы были меньше установленной нормы, но всё же больше крестьянских и особенно было выгодно тем семьям, в которых больше мужчин, состоявших в казачьем юрту.

Но не о том сейчас речь.

***

Неизвестно, чем руководствовались родители Лёвы, когда родившегося кроху назвали таким «грозным» именем, хотя парень в семье Михайла Домашенко, которого чаще прозывали Михась, родившийся с самый канун Рождества Христова, действительно был крепким малым и, как говорила заслуженный в слободе человек, при-

нявшая не один десяток детишек, бабка-повитуха: «В рубашке родился, быть ему царём!». Как понял Михась, которого тоже прозывали не Михаилом, из-за, как поговаривали, схожестью с ликом Бога, которому молились прихожане сельской, а с вхождением территории поселения в Таганрогский округ Области войска Донского, стала волостной, неизвестно, но он уперто отклонил все предложения по поводу других имен, подходящих по церковному календарю.

— Хай, буде Лёва! И баста! — ударив кулаком по столу, зарычал крепкий, среднего роста, выпивший по случаю рождения первенца.

Закон хозяина — закон, женщина должна знать своё место в семейной олигархии. Да, Наталья, молодая и счастливая мама была вовсе не против, пусть решает муж с папашей и мамашей Михась, в чьей избе она проживала со дня венчания уже более двух лет, но счастье материнства Господь ей подарил не сразу, видимо Богу было виднее, когда её молодой и не отличающийся статностью организм окрепнет в тяжёлом крестьянском труде.

Наталка, как её звали свекор и свекровь, была стройной девушкой со смолистой длиной косой и смуглой кожей. На слободе её ещё прозывали Наталка-смуглянка и Наталка-цыганка. Она и правда была сильно схожа на цыганочку и, даже заезжие табором цыгане, принимая её за свою, начинали говорить с ней по-цыгански, а она только стояла и растерянно и недоумённо покачивала головой. Поговаривали, что покойная мать Натальи, имела грех во внебрачной любви с цыганским бароном, ежегодно проезжающим «транзитом» с Украины в сторону Кавказа и облюбовавший для стоянки табора этот живописный уголок. Ушла Глафира, оставшаяся в памяти людей, как Глаша-цветочек, в мир иной, когда дочке не исполнилось и восьми лет, при загадочных обстоятельствах её

нашли бездыханной на круче правого берега Тузлова, с видом на слободу, с венком полевых цветов в руке.

Яшка, муж Глаши, которую он до безумия любил и даже в пылу ревности, однажды поднял на нею руку, за что себя казнил всю оставшуюся жизнь, супротив уговоров всех родных, велел похоронить любимую женщину на том же месте, где её нашли бездыханной. И её могилку можно было даже рассмотреть, при желании из расположенного на противоположном, восточном склоне кряжа, где располагалось их семейное подворье.

Выдав единственную свою дочь-кровинку, как две капли воды, похожей на маму, Глашу, замуж за парня, который долго добивался руки слободской красотки — это был Михась, добрый и работающий, отец Яков навсегда исчез из жизни дочери. Никто больше его не видел, но местные мужики, возившие товар на ростовский базар, видели на паперти, рядом расположенного собора бородатого мужика, который был очень схож с Яковом, но на разговоры не вёлся, жестами показывая, что их расспросов не понимает.

Семейства Куценко, как и Домашенко — появились и обжились на этих землях Миусского округа в середине XXVIII века, в результате реформ, проводимых российскими императорами и, наиболее вероятным это произошло в середине века, во времена правления Елизаветой Петровной. За более, чем вековой период, бывшие сословия запорожских казаков, глубоко пустили корни на благоприятной земле Приазовья, в анклав, между Примиусьем и бассейном Северского Донца, в долине небольшой реки Тузлов.

Здесь на родовых захоронениях, расположенных на каменистых плато кряжа, нашли свой приют предки молодых поколений, чья кровь мало-помалу смешивалась с кровушкой казачьей, но уже донских и местных

крестьян. Они в большей или меньшей степени получили гражданские права и свободы. Труд, умение трудиться на земле, заниматься ремеслом, которое в России не получало большого развития, а наоборот, постепенно искоренялось, было для этих людей тем единственным, благодаря чему, они и их семьи могли жить, а иногда и выживать. А до времён НЭП было, ох, как далеко, когда купечество и ремесленничество получит новый «живительный» глоток воздуха, что даст надежду на сохранение этого сословия.

В семье Максима и Марии Куценко на границе XXVIII и XXIX веков под столами уже ползали два малолетних сына, Степан и Прокофий, которых сейчас звали не иначе, как Стёпа и Проша. Старший, трёхлетний карапуз бегал в натопленной избе по мазанке, а меньший ещё на «четырёх точках опоры» познавал замкнутый мир хаты, крытой камышом и ничем не отличающейся от тех, в каких жили крестьяне украинских сёл и хуторов.

В начале 1903 года в семье было прибавление, родился третий сын Афанисий. Максим Фёдорович, довольно потирал усы и приговаривал:

— Любо, мать! Казака мне подарила. Скоро мы с тобой разбогатеет, скоко урожая вродэ. А там и ещё лошадку подкупим. Вот заживём!

— Дурак думкой богатие! — укачивая на руках Пана-са, с усмешкой ответила Мария. — Жаль папаша, дед Фёдор не дожил да такого счастья. Сколько помощников — казаки!

— Ну, да, сама себя не похвалишь — не ты будешь, — с укором отозвался Максим.

— Ну, ладно тебе, отец! Конечно, твои сынки, казачата. Полюбовно-то нагрешили столько, ты и передыху мне не даешь, рожай да рожай.

— Який тебе передых? Вот недельку две отдохнёшь и займёмся работать над четвёртым казаком...

— Да, прям! — не дав досказать, перебила его Мария, — труженик мне нашёлся, лучше подумай о подготовке к посеву.

— Ты, баба?! Вот и занимайся своими бабьими делами, а мы, мужики, в своих, казачьих, сами разберёмся. Да, Стёпа?

Стёпа, ковырявшийся с каких-то кухонным инвентарём, как с игрушкой, поднял к отцу голову, одобрительно кивнул, непонятно что-то ответил и продолжил своё занятие.

— Во, видала! Старший уже мне помощник. А как подрастут, начнут батьку сообща колотить — не отмахусь.

— Ты думал, кого крёстным возьмём нашему казаку? Ну скажешь тоже, казак, — усмехнувшись, кормя грудью карапуза, Маша.

— Знаю, конечно, окромя Левонтия я никого не хочу. Мы с ним с малства дружим, и наши дети пусть дружат. А ты, что против?

— Да, упаси, Господи! Домашенко, так Домашенко. Они люди хорошие, правильные, — ты бы, хозяин, своим казачатам салазки наладил. Не сидеть же им всю зиму у матери под юбкой. А-то будут из них, не казаки, а маменькины сыночки.

— Зроблю! Вот всё брошу и зроблю! — набив сигарку и одевая тулуп, добавил, — пойду, скотину управлю и покурю заодно. Всё ж лучше, чем с тобой лаяться.

— Ну и кто это, интересно, лаetaan? Иди уже! — увидев, что Максим замер, согнувшись в дверном проёме, думая, что ответить, — иди да салазки глянь, они в сарае рассохлись, да и яйца сними, щоб не подавили.

— Ладно, отаманша! — открыв дверь и впустив в хату порцию свежего морозного воздуха, от которого даже вздрогнул на земляном полу Стёпка, повернувшись, добавил, — а ты казачонка, что на руках, прогуляй, пусть закаляется парубок...

Через год с небольшим, а точнее на праздник Святой Пасхи, после праздничного богослужения, Мария Фёдоровна в церкви встретила куму, Наталью Яковлевну Домашенко и обратив внимание на её сильное пополнение фигуры, причина которого была ясна и не только бабам, приветствовала её с христосанием по традиции тройным поцелуем:

— Христосе Воскресе, кумушка!

— Воистину Воскресе! — ответила Наташа.

— Кума, казака к Троице, поди, подаришь Левонтию?

— Что Бог даст, кумушка! Да, должно быть. Хоть рано об этом говорить, но я б тебя хотела видеть в кумовьях, — улыбаясь своей ослепительной улыбкой, с естественным румянцем на щеках — о таких говорят «кофе с молоком», Наташа положила руку на плечо кумы и подруги, с таким видим, что ей так легче стоять.

— Так, мы же...

— Отговоры не принимаются. Сама знаешь, это святое дело. Ещё больше породнимся детьми, — Наташа сняла руку с плеча и медленно, осторожно ступая на пологом спуске от церкви, пошла домой.

***

По пыльной дороге, в ясный субботний день, накануне Великой Троицы, вниз с косогора, где ютились на плато под горой подворья семейства Домашенко, сломя голову в сторону поймы реки Тузлов, с криками и размахивая руками, мчался шестилетний пацан, до пояса голый в сшитых матерью шароварах и босиком — это был старший сын Леонтия, Николай. На нижней улице, ведущей в центр села, расположенного от этого перекрёстка в полутора километрах, он чуть не сбил Марию Фёдоровну Куценко, куму родителей, которая вела за руку, одетого, в отличие от Коли, в доб-

ротные, хоть и простые одежды, и обутого в лёгкие туфли, Стёпу. Они посмотрели вслед мальчугану и лишь потом Мария нашлась, чтоб спросить:

— Коля, что случилось? Пожар!?

— Не-а, — не оглядываясь крикнул Колька, — мамка рожает! Я за папкой...

— Мам, можно я с Колькой?! — дёргая за руку мать, спросил Стёпа.

— Беги, только в грязь не влезь.

Стёпа с трудом нагнал Кольку, уже метрах в трёхстах от того места, где они встретились.

— Ты, чего? — спросил Колька, когда Стёпка, догнав его, тронул сзади за плечо.

— Погодь, вместе побежим!

— Портки не потеряешь, не испачкаешь? — оценив чистый повседневный прикид, совсем не подходящий для тех мест, могли под ногами ощущаться пойменные солонцы, и сама трава оставить могла трудно оттираемые следы.

— Не! Бежим, спешить же нужно.

Отец издали увидел, «летающего на всех парах» сына и его товарища. Даже ещё не слыша слов Коли, но догадавшись о причине тревоги, так как жена была на сносях, и все ждали, что вот-вот должна разрешиться. Он быстро забросил пару навильников свежей травы, чтобы вечером положить в ясли, когда коровы будут на привязи, положил на бричку косу, вилы, и верхнюю свою одежду, запрыгнув на место ездового, и взмахнув вожжами, пустил, прытко сорвавшуюся в галоп лошадку.

Подъехав к тяжело дышавшим пацанам, кивком приказал запрыгивать в бричку и вновь припустил пегую лошадь по пыльной дороге.

Наталью Леонтий вёз и быстро, и осторожно, насколько это позволяла дорога и бричка, замощенная пуховой периной и подушками. Повитуха жила недалеко

от церкви, практически в центре села. Леонтий, человек среднего роста, но, видимо, недюжинной силы, подхватил жёнушку на руки и легко понёс тяжёлую ношу во двор. Коля, всю дорогу бежавший со Стёпкой за конной повозкой, кинулись открывать Леонтию Михайловичу калитку, а у двери в хату, улыбаясь ожидала, невесть откуда узнавшая и заблаговременно приготовившая «родильный дом» к приёму младенца, повитуха Серафима.

Леон занёс и аккуратно уложил жену на кушетку, поподавшую множество рожениц и где первые в жизни вдохли, огласив весь мир о своём рождении, новорождённые. Серафима, выслушав Наталью, приложила руку к округлому животу, прощупала осторожно её, потом увидела стоящего у дверного проёма отца, ещё не появившегося новорождённого, крикнула на него:

— А ты, чего выпялил зеньки! Ступай отсель, это бабье дело, без тебя разберёмся. Думаю, что раньше вечера рожать не будет, а-то и завтра утром. Ты уж, милоч, поверь моему опыту. А, если и начнёт рожать, то ты ничем ей не поможешь. Роды-то не первые, справится. Ступай! Если что, я найду кого к тебе послать. Ступай!

Леонтий помялся немного у двери, но не стал противоречить. «Группа сопровождения» ожидала у брички. В глазах обоих пацанов был один и тот же вопрос: «Ну, что? Родила?».

— Коля, Стёпа! — опустив руку в карман и достав монету, протянул сыну, добавив, — забежите в лавку, купите себе монпансье. Я чуть позже приеду. Ступайте.

Серафима была права, Наталью отпустило, и она даже уснула. Видя, что пациентка отдыхает, деревенский акушер вышла во двор и увидев, осаждающего бричку напротив двора Леонтия, без слов помахала обеими руками, типа «проваливай». Этот молчаливый жест был

убедительнее слов, и Леонтий, отвязав вожжи, медленно развернув «экипаж», конным шагом поехал, в нетерпеливых раздумьях домой.

Наутро, солнце не успело зазолотить купол церкви, коснувшись креста на вершине, а всю ночь не спавший, в ожидании стать папашей в третий раз, Леон, курил на бревне у калитки повитухи. Лошадка, дремля, жевала свежее сено, которое хозяин заботливо поставил перед ней.

И как только церковный колокол начал созывать прихожан слободы на праздничное богослужение, то даже сквозь колокольный звон редкие прихожане, подходящие к церкви, смогли услышать пронзительный крик новорождённого малыша. Этот человек появился на белый свет и желал, чтобы все об этом узнали. Он, в принципе, ещё никто, у него ещё нет имени, он ещё и не раб Божий, но он уже живет, он не видит, но чувствует грудь матери, которая прижимает его, после того, как повитуха сделало свое дело. Он не видит и не знает ещё, как мечется во дворе его отец и лишь, когда Серафима, выйдя из хаты, с улыбкой сказала:

— Поздравляю, отец! У тебя казак родился!

Леонтий, замешкался, не зная что делать, заметался, подбежал к Серафиме, обнял, прижав так крепко, что у пожилой женщины косточки затрещали, отпустил её, подпрыгнул вверх, как пацан и понёсся к бричке, за гостинцами, которыми, по традиции хотел отблагодарить повитуху за такое радостное известие.

И теперь, весь честной народ, собравшийся у церкви на праздничную литургию, после того, как колокольный звон, пройдясь эхом между западной и восточной ветвями кряжа вдоль пойменной долина реки Тузлов, стих, услышал схожий на рык, но не грозный а радостный крик души Леонтия — «С-ы-ы-н-н!!!! Ка-а-з-а-а-к-к!!! Благодарю Тебя, Бо-о-же!».

Крепкого и здорового сына Леонтия и Натальи называли Петром. «Пётр Великий!» — так гордо объявлял Леонтий односельчанам, когда те интересовались, как малыша назвали.

Через полгода, в начале декабря в семье Куценко был также повод пригласить кумовьёв Домашенко по случаю рождения уже второй дочери, после трёх старших сынов. И придерживаясь рекомендациям священника, девочке дали церковное, а заодно и земное имя, Варвара, так как приближался праздник Святой Варвары и она, как считалось и будет Ангелом-хранителем своей земной тѣзки.

В негласном соревновании двух семей, не раз породнившихся взаимообменом крещений детей, победил Максим Куценко, в семье которого было шестеро детей: трое старших сыновей и меньших дочерей, самая младшая, Наталья, родилась через три года после Вари, в 1907 году. А Домашенко остановился в вопросе продолжения рода на сыне, родившемся через два года после Петра, в 1906 году, которого назвали Сергеем. А старшую от Петра и единственную сестру назвали Акулиной.

Сказать, что жизнь в слободе, как и по всей крестьянской России была тяжёлой — ничего не сказать. Людей ждали и голод, и лишения, и редко в какой семье все дети выживали до взрослого возраста. Не голод, так болезни косили народ. Неизвестно, что стало основной причиной того, что обе семьи породнившихся, изначально землячеством их предков, а потом и кумовством, смогли вырастить всех детей, помогая друг другу во всём и делясь последним куском хлеба.

Как-то, засидевшись по поводу за столом и выпив крепкой горилки, кумовья заговорили за будущее детей. Тогда Максим и предложил, обращаясь к Леонтию, положив ему руку на плечо:

— Лёва! У тебя три парня и девица, скоро будет на выдане, а у меня три старших сына уже парубки. Вот пусть твоя Акулина любого выбирает. Сам знаешь, что парубки, как на подбор, казаки. Что? А после мои девки «дозреют», чем не чета твоим парубкам, а? Мы с тобой всю жизнь знаем друг друга, и наши батьки дружили, и деды... Чего молчишь? Гутарить не желаешь?

— Кум, да разве я что-то против имею?! Тебя силой заставляли на Марусе жениться? Нет! И меня на Наталке никто не заставлял. Сам знаешь, сколько я за нею с побитой мордой приходил, а не отрёкся и других сулили, не купился ни на что. Решат дети — совет да любовь им, а силою ни-ни, никогда.

— Та, какой же силою! Пуцая общаются и дружат. А там, глядишь и слюбятся. Вот гляжу я на других парубков и девчат и понимаю — лучше наших, моих и твоих, нет и краше нет! Кум, крепкой они у нас с тобой породы, и внуки будут крепкими. Давай за это, кум, выпьем...

— Наливай!

Прошло три-четыре года и это время старший сын Леонтия женился на девушке, взяв её даже не из местных, а из хутора Почтовый Яр, что недалеко от Большекрепинской, на противоположном, правом берегу Тузлова, также расположенном под горой. И кумовья помогали семье Домашенко отделить молодых, построив им уютное «гнёздышко».

Через полгода женился и старший сын Максима, взяв в жены местную казачку. А когда, неожиданно, родителям заявил девятнадцатилетний Пётр: «Папаша, мамаша, я буду жениться. Благословите ли вы меня или как?!».

Когда оторопевшие родители всё же пришли в себя, Леонтий Михайлович спросил:

— Сын, а не рано ли ты решил жениться? Погулял бы, нагулялся бы, чтобы потом на девок не тянуло,

а!? Да и девку, небось, вчера только где-то повстречал, мы и не духом и не слухом, даже бабки на майдане за тебе не «щебетали». Ты пошутил?

— Нет, батя, я серьёзно. Да вы знаете мою невесту. И хорошо знаете. Просто мы на показ не выставлялись. Не к чему нам разговоры и сплетни...

— Ну и чё ты тянешь этого, как его... быка за вымя...

— Батя, вы хотели сказать «кота за яй»...

— Цыц! Рано батю поучать. Сам знаю, как говорят. Сам знаю, что быка за рога тянут, а кота... туфу, отца взялся учить, сопля... Гляди, чтобы я тебе или, что ещё хуже, если кто-то не прищемит их, а оторвёт. Ты долго будешь тянуть? Или говори или проваливай, не зли!

— Батя, успокойтесь! Это Варя, Варя Куценко.

Леонтий сначала изобразил на лице мину, а потом она стала меняться и превратилась в добрую улыбку. Он подошёл к столу и с облегчением, не сел, а грохнулся на табурет.

— Фу, ты! Ох и заставил волноваться ты меня... паршивец! Низя же так... Ну, это другое дело. Хотя... Ну её-то в самый раз, девки раньше зреют, а ты?

— Батя, может померяемся с тобой силушкой?

— Шо? Я тебе сейчас покажу «с тобой», — Леонтий вскочил, как ошпаренный, — что женилка выросла, паршивец?!

— Батя, простите! Я с горяча... Батя! Не велите казнить, велите миловать! — умышленно изменил известное выражение, обращаясь к отцу на «вы».

Отец размяк, плавно опустился на табурет. Достал кисет, сложил сигарку, предложил Петру и после того, как тот отказался, закурил сам. Сделал несколько глубоких затяжек, комнату заволокло дымом. Прищурился, толи от дыма, толи хотел показать презрение к дерзости сына, потом пригласил знаком Петру присесть напротив и, выпустив большой клуб дыма так, что его собеседника

видно не стало, а его месторасположение можно было определить только по кашлю и засмеявшись заговорил.

— Жених мне нашёлся. Ты от пары рюмок ползать будешь, да и дыма не переносишь. Вот, если бы тебе, упаси. Господи, пришлось «отведать» газовую атаку германцев в Мировую, ты бы от маво самосада не кашлял. А знаешь, «жениться — не напасть, лишь бы женатым не пропасть». Мал ты ещё. Ну, ладно, кум будет рад, так думаю. Так, что посылать сватов? — глянув на сына и увидев растерянное лицо Петра с кивком головы, закончил, — добре, сын! Будь, по-твоему. Но упаси тебя Господь, если... Мне позор не нужен. Мать, а мать, ты где? Слышишь, что наш паршивец учудил? На Варьке жениться собрался.

Петр оглянулся на вошедшую в комнату Наталью и увидев в её глазах молчаливое согласие, вновь пристально посмотрев в упор на уже уверенный взгляд Петра, хлопнул ладонью по столу, произнеся:

— Решено!

Как только закончилась нелегкая пора жатвы 1923 года, после сопутствующих такому важному событию хлопот, в сентябре Пётр и Варвара сыграли свадьбу. Она была сравнительно скромной на угощения, но богатой на веселья и песни, которые эхом разносились всюду и на всё, ещё теплую и тихую сентябрьскую ночь вдоль по каньону между горными хребтами Донецкого кряжа, где в реке Тузлов плескалась, нагулявшая за лето жир, рыба и пересекали гладь реки, ставшие на крыло стаи уток, ломая волной отражение на водной глади растущий лунный диск луны, улыбающейся тому, как люди умеют пить за здоровье, за совет и любовь, петь казачьи, русские народные и украинские песни, до самого утра и перекрикая первых слободских петухов.

***

Часть первая

Примиусье

I

Василий мало чем отличался от своих сверстников, был таким же шустрым, пронырливым, непоседливым пацаном. Конечно, шkodливые дела, нет-нет да и имели место случаться, как и у большинства деревенских пацанов, вокруг которых не парки и театры, музеи и исторические достопримечательности, а вольные просторы южных районов России, именуемым Приазовьем и более

точным, с привязкой к местности, Примиусьем, по названию небольшой, строптивой речки Миус. И, если кто-то похвалится, что в детстве был мальчиком-паинькой, дайте мне камень — я первым в него брошу. Я таких не знаю, хотя, как говорят, всяко бывает.

Одно выделяло Васю и очень сильно от своих сверстников. Он не был похож на своих сверстников и в свои подростковые пятнадцать лет с небольшим «хвостиком» выглядел, едва-ли не 10-летним малым. Но это вовсе не значило, что Вася был «мальчиком для битья». Среди сверстников он пользовался заслуженным уважением. Если случись какая заваруха и друзья из его окружения спасуют, он мог сам двинуться на главаря-верзилу, приведшего свою толпу отвоёвывать новую территорию, на которой они собирались провозгласить свои правила и законы.

А в обычной, дворовой жизни, был Василёк, как его любили называть сёстры, старшая семнадцатилетняя Лида, девушка стройная с длинной плотной косой и гордой осанкой и младшая тринадцатилетняя смугляночка Маша, ростом «с ноготок», но породой пошла, как и сам брат, в отцовский род, обычным незадиристым, даже очень добродушным пареньком.

Лида нравилась парням взрослым и круг её знакомых и общения, конечно же, отличался от того, в котором «варился» Вася и сестрёнка Маша. Но брат успевал опекать обеих и ревностно следил, чтобы, упаси, Бог, кто-то не обидел ни старшую, ни меньшую сестренку. Всегда был готов за них драться до крови и больше, если потребовалось бы.

Вася окончил успешно семилетку и раздумывал, в какое ремесленное училище ему поступить. А пока ещё было время просто нагуляться от души, на улице лето и это прекрасно, лучшей поры для подростков не придумаешь.

— Василий Петрович, ты куда лыжи наострил? Не забудь хозяйство накормить. Кроликам корма наготовь, я уж, так и быть тут управлюсь. А-то знаю я тебя, на Миус замоешься с братвой и до посинения будете цыпки на ногах замачивать, — серьёзно, но с улыбкой дал наказ отец, коренастый плотного телосложения мужчина, возрастом под сороковник.

— Ладно, па! У меня на речке резачок прихован, с голodu не помрут, накошу сена, — также с улыбкой, на ходу отрапортовал Вася, выбегая на улицу, где его уже ожидала ватага из пятерых пацанов.

Петр Леонтьевич, отец семейства, был сапожником, но не только мог пошить или починить обувь, любая работа в его руках спорилась и за что не брался, все делал с огоньком и добротой. Ввиду того, что на дочек отец особых планов не строил, то на сына Василия возлагал надежды, что, окончив в Таганроге ремесленное училище, станет ему в семье помощником и опорой на старости лет, хоть ещё и в очень далёком будущем. А-то, что это будущее будет светлым, тогда практически никто не сомневался. Трудовой энтузиазм советского народа был на высоком уровне и основы социалистического общества были уже заложены.

Хоть город Таганрог располагался всего в 50 километрах от Матвеева Кургана, в котором и проживало все семейство Петра Леонтьевича, многие выпускники школсемилеток устремлялись в город, выгодно отличающийся от других близким расположением и не только. В городе открывались перспективы трудоустройства и получения рабочей профессии. Была и возможность поступить в техникумы, в одно из 11 ремесленных училищ или ФЗУ — фабрично-заводские ученичества, обучающих рабочих для своих производств. Были, конечно, и институты, для поступления в которые необходимо было окончить десятилетку.

Но и тут была одна заковырка. С 1 сентября 1940 года в 8, 9, и 10 классах средних школ и высших учебных заведениях, Совет Народных Комиссаров СССР, установил плату за обучение, для частичной компенсации государственных затрат на эти цели. Для периферийных городов страны и сельских школ необходимо было за ученика платить 150 рублей в год. Такую же сумму необходимо было вносить за обучение и учащимся техникумов.

Обучающиеся же в высших учебных заведениях в столице платили 400 рублей, а в других городах СССР — 300 рублей в год.

Конечно же, для большого количества родителей, желающих видеть детей образованными, стоял сложный вопрос — как быть. А когда в семье несколько детей, то и подавно. Оттого, Петр Леонтьевич, хоть и не делился со своей супругой Варварой о своих мыслях, но всё же, всячески предпринимал действия на то, чтобы направить сына в ремесленное училище и хорошо бы было, если бы он набрался ремеслу в ФЗУ при Таганрогском кожевенном заводе.

Во-первых, это его профессия, которая помогала семье выжить в самые тяжелые голодные годы. Во-вторых, быть сапожником более престижно, по мнению главы семьи, чем грязные профессии на производствах города: на металлургическом заводе, заводе «Красный Котельщик» или том же машиностроительном заводе им. В. М. Молотова. Кстати, в 40-е годы Таганрог стал городом самой развитой индустрии и машиностроения в области, а по некоторым производствам и по всему Союзу.

Ну и конечно, по-отцовски ему было жалко сына, когда он представлял его, ростом «метр с кепкой» где-либо на заводе у станка. Другое дело, когда работать придётся не молотом у наковальни, не крутить гайки и стоять у горячих мартенов на металлургическом заво-

де, а стучать легким сапожным молотком, сапожным ножом и шилом.

Но сейчас им не хотелось думать о будущей учёбе, хотелось просто насладиться началом лето и всеми прелестями, которые оно перед подростками раскрывало. Хотелось беззаботно пропадать на речке, катаясь на тарзанке, загорая и вместе с тем мечтая о светлом будущем, строя планы и поглядывая на изменившихся, и не только в нарядах, девушек, они летом и впрямь стали краше, как ягоды малинки. Но мысли о девушках приходили чаще под вечер, когда в сугубо мужской компании, если можно таковой назвать ватагу 15—16 летних пацанов, скорее всего, юношеской, идеи, как провести нескучно вечер.

По сути дела, вечерний посёлок отличался лишь тем, что преобладающим контингентом, снующим по улицам были группы девушек и парней, среди которых умели затесаться и совсем ещё «сопляки», которые успели зарекомендовать себя чем-то таким, за что пользовались уважением старших и особым статусом, приравнивающих их не по годам, а именно по заслугам к их кругу, чаще по территориальному принципу. Ещё год-два назад, Василий был в таком статусе, а сейчас, закончив «семилетку», шагнул одновременно с этим на ступень выше в дворовой олигархии.

Более старшие парни 17—19 лет, отличались степенностью, а некоторые из них, не находя особого положения среди сверстников, пытались добиться этого же особого статуса главаря или заводили в группировках как раз тех же 15—16 — летних подростков. Но даже здесь, если они не могли чем-то отличиться, что поднимало их авторитет, так и продолжали находиться в рядовых членах неучтённых никем, сформированных стихийно по тем же территориальным принципам организованным сообществам одногодок.

Вася не был вожакom и во многом это не давал ему сделать его уж слишком малый рост. Не солидно было представлять группировку такому «шкету», с миловидным, не отличающимся мужественными чертами, лицом, хоть и имел «стальные» мышцы и обладал примерной выдержкой и выносливостью. Но в определенных случаях мог замещать вожакa Мишку Протасова, по прозвищу Картавый, из-за речевой особенности. Мишка, семнадцатилетний рослый, с крепким телосложением, «кавалерийским» искривлением ног, с походкой в раскачку, был уже почти два года, как вожакom, единогласным голосованием заслуживший этот статус. И это уважение он заслужил тогда, когда его и неизменного кореша, Витьку Нецветая пытались «прессануть» колхозные парни, их могли называть «базарными» по названию улицы их кутка или ещё иногда звали «типографские», также по месту проживания, за железнодорожным полотном, вокруг типографии, а вернее между рекой Миус и железнодорожным полотном на северо-западе села. Мало того, что он не спасовал сам и не дал в обиду товарища, ещё сумел дать достойный отпор и обратить группу из пяти человек изначально на попятную, а затем и в спасение бегством.

Да и не только вожак Мишка мог похвастать «боевыми» заслугами, крещение приняли в стычках и показали себя все парни, каждый доказал, что по праву имеет право «центровать», т.е. быть хозяином центра села. Вообще парням из центра расслабляться было некогда, многие питали неизменный интерес потеснить «центровых» и установить свои права и порядки, как минимум иметь здесь свои интересы и привилегии.

Границы центра определялись улицами и объектами: с запада — железнодорожным полотном и вокзалом, а с востока — ул. Таганрогская; северными границами считалась ул. Октябрьская от аптеки до ул. Таганрогской, а южная граница проходила по балке, берущей своё на-

чало от х. Соседкин и через тоннель под железной дорогой, несущей дождевые воды после дождей в Миус. За этой балкой располагался элеватор от самой железной дороги, а чуть выше бойня.

***

Миус, река, берущая свое начало на Донецком кряже, своенравная и вьющаяся в низовье, с многочисленными водоворотами, местами с высокими крутыми берегами, в устье выходящая на равнинные просторы Приазовья, с правобережьем, охраняемым высокими кручами кряжа, с которых открывается прекрасный вид в долину Примиусья и на саму реку Миус, с берегами, поросшими ивами, дубками, тополями и кустарником. Старики говорили, что река была в петровские времена глубокой и полноводной, когда из Таганрогского залива в реку могли входить маломерные торговые суда.

Река была также излюбленным местом нерестилища рыб ценных осетровых пород. Купцы, скупая рыбу, пользовавшуюся большим спросом даже в золотоглавой столице, возили обозами рыбу, чтобы угодить изысканным вкусам московских дворян, купцов и прочей знати. В свежем виде, конечно, доставить товар за более, чем 600 вёрст, что равнялось почти 1000 км в современных мерах измерения не представлялось возможным.

Людей, занимающихся скупкой и засолкой рыбы, мяса и прочих продуктов, называли — прасалы или просолы. А вот в засоленном виде товар мог доставляться на любые расстояния и в любое время года.

Берега Миуса были заселены в основном донскими казаками, после победы русской армии и первой победы русского флота на море над турками, при блокаде Азова, по приказу Петра I, в знак благодарности и необходимости укреплять южные российские рубежи.

Летом природа вдоль миусских берегов дивная, растительность сочная и разнообразная. Молодежь собиралась группами, чаще от пяти до 10 человек и оправлялись, вдоль русла реки вверх, со стороны селения, выходя на просторы, расположенные между рекой и железнодорожным полотном на насыпи к железнодорожному мосту. Здесь располагались сады и в пору созревания фруктов, можно было поживиться сочными, часто недозревшими ягодами вишни или, позже, сливами или яблоками. Конечно, сады охранялись. Но, что могло остановить решительных и бесшабашных парней в возрасте «дай порвать»? Да ничего не останавливало. Даже отцовский ремень имел лишь временный успех в расстановке приоритетов в двух позициях с названиями «льзя» и «нельзя».

Если целью ватаги парней было желание просто искупаться и пошалить на тарзанке, то выбирали маршрут, перейдя через реку по мосту, прям в черте посёлка, напротив высокой кручи, которая по поверью легенд и баек и является тем местом, откуда и начиналось поселение. На этой круче был сооружен рукотворный курган, в котором бы захоронен казачий атаман Матвей. Отсюда и пошел название селения Матвеев Курган. Метрах в 200—300 от моста, вдоль реки направо начинались высокие крутые берега и на деревьях то тут, то там были изготовлены тарзанки, позволяющие, раскачавшись на них, нырять в глубины середины реки. Но и от берега, река резко набирала глубину и устоять на дне здесь, как в других местах, с низкими берегами, было невозможно — стягивало на глубину. Дно было здесь менее илистое, на глинистых обрывах раки устраивали «общезития», но для их отлова нужно было быть хорошим нырлящиком. И кроме того, нужно было быть смелым малым, так как в парубковой среде гуляли байки о сомах-людоедах, живущих в глубоких ямах и норах и, якобы, если, при ловле раков, ны-

ряльщик опускался глубоко, в надежде выдрать из норы крупного рака, мог, ощупывая дно, сунуть руку в пасть речного чудища.

Скорее всего эти байки запускали сами родители, дабы отпугнуть детей от совершения опрометчивых поступков. Хотя сомов крупных особей вылавливали и не раз в этих местах. Часто, пойманный сом, весом килограмм в 30, через неделю мог превратиться в монстра килограмм на 150. Все знают особенность рыбаков прихвастнуть. Местных рыбаков-сомятников все знали в лицо. Но они о своих «подвигах» доверяли рассказывать другим, у кого фантазия побогаче. И, если тех ловили на лжи, «рекордсмены» были не при делах.

— Васёк, ты слышал, что в наших краях обитает сом-людоед? Так вот он среди всех выбирает людишек поменьше, дабы не утонуть. Так, что ты хорошо делаешь, что с нами на речку ходишь, для нас хорошо, в первую очередь. Вот, к примеру, раздобревшего на домашних харчах Вовкой Захарченко или тем же Серегой Журавлёвым, зверюга речная точно утонет, а ты ей в самый раз со своим «бараньим весом», — поднимая босыми ногами пыль с накатанной дороге вдоль реки, положив руку на плечи Васи, с умыслом очень громко, чтобы слышали все из растянувшейся ватаги парней, делал попутку зашугать товарища и похохмить заодно, разглагольствовал весельчак по прозвищу Коля Каланча, рослый, но худой парень, выглядел «подстрелышем» в брюках с заплатами и изрядно короткими штанинами.

— Каланча, ты лучше за себя переживай. Я-то успею от сомяры увернуться и под водой долго находиться могу, а вот тебя этот «людоед» может сделать на 2—3 пряди короче, а, если голодный будет, то по самое «не хочу» оттяпает. С таким росточком перестанешь головой косяки выносить, — Вася гигикал, наблюдая за тем, как Каланча багровел, заливаясь краской от злости.

— Хорош вам лаяться, оставьте такое желание на потом, когда придется нам сообща честь отстаивать и свои приоритеты, — успокоил драчунов Витя Нецветай, — судя по шуму на реке, наше стойбище уже кто-то занял. Как бы нам не пришлось сегодня «махаться».

Все притихли и, ступая по-кошачьи бесшумно, стали улавливать, доносившийся шум за излучиной реки, где и располагалось их излюбленное место на реке, с поляной, закрытой со всех сторон высокими деревьями, сооруженным, для удобного входа в воду и ныряния мостком и парой тарзанок с обеих его сторон. Когда «центровики» подошли ближе, увидели дымок на поляне и ощутили запах запечённых мидий на костре.

— Нет, ну вы видели такую наглость, — не сдерживая раздражения, высказал не напускное негодование Мишка Картавый.

Свернув к реке раньше прохода, чтобы заодно разведать правый фланг противника и выйдя на поляну, увидели вольготно расположившихся вокруг дымящегося костра «базарных». Как и подобается, «наезд» начал Мишка, при этом, все остальные начали замыкать круг вокруг непрошенных гостей, оставив для отступления лишь берег реки:

— Сельпо, вы ничего не перепутали? Забыли, что ваша территория — левый берег, а наш правый, там мы можем напомнить и показать ближайший путь. Все плавать умеете? Сейчас проверим! — голос вожака был вызывающе-уверенным.

Внезапное появление хозяев поляны на время лишило нарушителей неписанного договора дара речей, а когда начали приходить в себя, появились, сначала робкие, а потом всё увереннее протесты и даже возмущения. Пришлые, осмотревшись, поняли, что хозяев ничуть не больше, даже меньше на пару голов, чем их и, видимо у кого-то из их главарей появилась в голове дерзкая

мысль отвоевать новую территорию с выгодной инфраструктурой и месторасположением и другими явными плюсами.

— «Барыня встала — место пропало», — пытался язвить заводило пришлых, выпячивая грудь и всем своим видом показывая, что уступать они не намерены, — река большая, поищите себе другое место, — ставя, как он предполагал, на конфликте точку.

Кто мог потерпеть такую наглость, переходящую в борзость. Пошла перепалка и между «рядовыми» членами группировок, что создало гул и напряжение, при котором маленькая искра могла стать началом большого пожара конфликта, а проще — драки.

Картавый так увлёкся перепалкой с долговязым заводилой «базарных», что не заметил, как его попытались отрезать от товарищей, взяв в окружение. Нужно что-то было делать. И тут произошло то, что стало ключевым событием, определившим исход конфликта. Неведомо откуда появившийся Василий, с криком, словно пушечное ядро с разбегу врезался в заводилу пришлых. Тот, не ожидая такого, точнее и не скажешь, сногшибательного удара в грудь одновременно двумя руками, взятыми в «замок», потерял равновесие и проваливаясь на спину, полетел с кручи вниз, в реку, а Василий, сумевший после удара, ухватить соперника в захват вокруг пояса, летел сверху его в ту же бездну, где хозяйничал сом-убийца.

И вот, почему-то в этот момент он и вспомнил спор с Колей Каланчой незадолго до этого. В такие моменты мысли летят быстрее скорости света и может за секунду полжизни перед глазами пролететь. Пока они в «мёртвой» хватке летели к воде в воздухе, у Васи возник дерзкий план, который по его задумке должен и определить победителя в споре с Каланчей и эмоционально воздействовать на соперников. И он сделал следующее.

Успев сделать глубокий вдох, перед самой водой, освободив хватку, с силой оттолкнул долговязого от себя. Раздался оглушительный всплеск в результате падения в воду двух тех, с той лишь разницей, что соперник шлёпнулся в воду спиной, а Василий, как и при нырянии с мостка, выставив вперёд руки. Оказавшись в воде, долговязый быстро вынырнул с широко раскрытыми, испуганными глазами и стал барахтаться, как брошенный в воду шенок. Все, кто наблюдал за происходящим, замерли на несколько минут и было слышен, лишь душевраздирающий крик перепуганного жожака оцепеневшей стаи жалких щенят, оставленных без кормящей сучки на произвол судьбы.

Отойдя от оцепенения, они начали отступать от берега и, так как напротив них уже надвигались на них воодушевлённые «центровые», им пришлось пятиться над самым обрывом в сторону течения реки. При этом уже никто и не помышлял о нападении, единственно о чём они думали — спастись бегством. «Центровые» быстро вытеснили «базарных», которые отделились легкими пинками под зад и тычками в спину. За жожака они и не вспомнили, тот выкарабкался по крутому косогору берега с опущенной головой и поднявшись наверх, побрёл не за свой бандой, которая была гонима наступающими уже метрах в пятидесяти от места начала конфликта, а вышел напрямую на дорогу.

Когда противник был обращен в бегство, все вспомнили о Васе. Бегом вернулись на поляну, вглядываясь вниз на слегка крутлявую водоворотами на излучине гладь воды. Васи нигде не было. Парни всполошились и начали кричать, но безуспешно.

Что же в это время делал Вася? Его план имел двусмысленное значение. Первая часть у него блестяще получилась, практически он один своим поступком сломил «боевой» настрой противника, опустив дух «базарных»

до уровня сверкающих, при убегании пяток. А для выполнения второго, чтобы одержать победу над Каланчой, Вася, нырнув на глубину, стал энергично помогать, относившего его и так течению. По его подсчётам, он был под водой около полутора минут и за это время смог отплыть, завернув за излучиной реки, где деревья своими ветвями опускались низко к воде. Вынырнув ближе к берегу и посмотрев вверх по течению, он понял, что место конфликта закрыто берегом, подплыл к берегу и с помощью косичек-ветвей выбрался на берег. Поднявшись наверх, увидел только пятки убегающих соперников, своих не было, они оставили погоню, вспомнив о своем товарище.

Подойдя по берегу к поляне, увидел неопишемую картину. Все суетились, кричали, ныряли и выныривали из реки. В этом хаосе парни не сразу заметили подошедшего, улыбающегося Васю, который остановился за спинами тех, кто был на берегу со взглядами, устремлёнными вниз, и спросил:

— Чё, решили раков подрать? Получается?!

Что было потом, лучше и не рассказывать. Хорошо, что Васю не побили сообщая, в виде компенсации за моральный ущерб. А, когда успокоились, стали восхищаться, обсуждая его решительность и смелость, ставшую залогом победы.

— Ну, ты дурило! Мы тут с ума сходим, думаем, куда он делся, утонул, наверное, а он... еще и лыбится, — с какой-то даже злостью сказал Коля Каланча.

— Молодец, Васёк! Задал ты им жару, до сих пор, наверное, бегут без оглядки, — крепко пожимая руку, благодарил Мишка Картавий.

Вся ватага разлеглась на прибрежной травке, продолжая обсуждать сегодняшнее происшествие. Много было эмоций, много хохота. А, когда чуть успокоились, Вася сказал, обращаясь в Каланче:

— Знаешь, Коля, я всё дно обследовал, под каждую корягу заглянул, в ямы спускался — нет нигде сома-лю-доеда. Я тебе ответственно заявляю. Не веришь?! Можешь сам нырнуть и проверить.

— Да ему слабо будет. Он трепаться только горазд. Или я не прав? Нырнёшь?! — с издёвкой спросил Миша Картавый у Каланчи.

— Да идите вы... Пристали. Я же шутил, а вы...

По дороге домой, Вася, без малого не забыл об задании, которое дал отец. Пришлось у моста распрощаться с друзьями и нырнуть под мост, вправо, вниз по течению, где он припрятал в укромном месте, в траве косу-секач. Быстро накосил в низинной пойме реки сочной травы. Привычно и умело сплёл из длинных стеблей куги плетённую верёвку и увязал, сложенную в увесистую охапку, траву. Спрятал в густой траве косу, перебросил охапку через плечо и двинулся через мост, мимо старого кладбища-кургана домой. Весь путь занял не более десяти минут.

— А, явился! Я уже сам собирался идти по траву, — бурчал отец.

Вася развязал охапку травы и разложил, чтобы не «сгорела» и чуть подвятилась, как учил отец, чтобы сочную кролика не давал. Мать на грубе, сложенной во дворе и прикрытую небольшим навесом от солнца и дождя, готовила обед. На этой печи готовили с весны и до ноябрьских морозов. Топили я этих печках, называемых, как и на Украине грубой, кизяком, спрессованным в кирпичики и высушенным коровьим навозом.

Меньшая сестрёнка, Маша, суетилось возле матери и помогала в меру способностей и в зависимости от потребности в оказании посильной помощи. Маша была, как говорят, пацанкой и ей больше нравилось общаться с парнями на равных, а куклы и другие увлечения девочек, её мало интересовали. Когда ватага собиралась где-то

на улице, то у нее была возможность пробраться, под прикрытием брата и под его ответственность, но до тех пор, пока дела не приобретали какие-либо элементы криминала или опасности. Тогда её, чуть-ли не со слезами отправляли домой.

II

После недельной 30-градусной жары, когда детвора и молодежь свободное время старалась провести у речки или водоёмов, с 20 июня зашли дожди, которые значительно уменьшили жару и изменили распорядок дня беззаботной детворы. Нужно было искать себе занятие. В селе увеселительных занятий было не так много. Кто-то ходил в колхозную бригаду, с надеждой, что им удастся уговорить конюхов, ухаживающих за лошадьми, покататься на них и, если повезет, то и покупать на мелководье реки в районе железнодорожного моста через речку. И, конечно, за это они должны были отработать, помочь взрослым в посильной работе на ферме.

Двадцатого числа дождь был сильный и шёл целый день, с малыми перерывами. В этот день те, кто не имел трудовой повинности, не нужно было идти на работу, сидели в основном по домам и, в лучшем случае, выполняли домашнюю работу, если была в том необходимость или указание старших. На другой день дождь был менее интенсивным, а уже 22 июня день выдался пасмурным, с небольшим количеством осадков, с довольно свежим ветерком и температурой в пределах 20 градусов.

Изрядно занудившиеся сидением дома дети и подростки рвались куда угодно, лишь бы развеяться. Маша с интересом наблюдала за своим братом, чтобы не упустить возможность прицепиться к нему «хвостиком», ко-

гда он решит куда-то пойти. Хотя и ему для этого одного желания было мало, нужно ещё и получить «добро» родителей.

Отец, по обыкновению, сапожничал. Выполняя ответственную работу в пошиве сапог, он низко склонился над приспособлением с колодкой, на которую выполнял затяжку вырезанных заготовок кожи. В такие моменты его отвлекать нельзя было. Любая ошибка могла стать неисправимым браком и могла дорого стоить. Материал стоил деньги и, по тому времени, немалые. Домашние все это понимали и старались отца не отвлекать от дела. Хоть сегодня был выходной день, но Петр Леонтьевич выполнял срочный, а значит и хорошо оплачиваемый заказ.

Вася выполнил всю работу по хозяйству, что предписана негласным распорядком дня и естественными потребностями домашней живности. Маша ещё вчера выполнила уборку по дому и во дворе. Сегодня у нее была минимальная загруженность в случае просьбы матери в чём-то помочь. Но, Варвара Максимовна, без особой необходимости, старалась не нагружать меньшую дочь, откровенно жалела. Она хлопотала над приготовлением обеда. Груба, толи от отсыревшего кизяка, толи от низкого атмосферного давления и плохой от этого тяги, изрядно дымила и супруг бурчал себе под нос, высказывая негодование или неумением жены ликвидировать этот дискомфорт во дворе, или ещё чем, что никто не мог понять, да и похоже, он того не добивался, его успокаивал сам процесс ворчания.

Как только отец закончил выполнять ответственную операцию и устроил перекур, Вася подкатил к нему с вопросом:

— Па, можно я пару часиков погуляю? Хозяйство в порядке, к обеду буду.

— И я, папа, с Васей, можно?! — вдогонку выпалила Маша.

Петр Леонтьевич улыбнулся, прищунив глаза и резко хлопнув обеими мозолистыми руками с короткими пальцами по кожаному фартуку, закрывающему в сидячем положении и его колени:

— Сегодня же воскресенье?! Сходите, развейтесь. Вася, а ты за сестрой смотри, не бросай нигде. Смотри у меня! — его наказания, хоть и были серьёзно сказаны, но с неизменной улыбкой.

Маша, подпрыгнула на месте, хлопнула громко в ладошки и уже Васе, тихо, почти шепотом спросила:

— Ты же не против?! Папаня разрешил...

Вася развёл руками. Хоть ему это была обуза, но против слов отца не попрёшь, да и Маша, если прицепится, ничего не поделаешь, что клещ, цепкая такая:

— Пошли, Дюймовочка!

— Ой, Илья Муромец отыскался! На себя-то посмотри..., — парировала усмешку брата Маша. И была права, так как иногда люди принимали их, когда были вместе, за двойню и давали возраст года на два меньший, чем им было.

— А ты куда? — спросила, еле поспевающая за быстро идущего, без оглядки, брата.

— А ты куда хотела? Прости, я не спросил! — немного с ехидством, а вернее с иронией спросил Вася.

— Куда ты, туда и я. Я просто спросила, интересно знать.

— На вокзал я иду. Скоро московский приходит, хочу поглазеть. Я вот подумал, а может мне на машиниста пойти учиться, а, Малявка?

Маша не ответила, просто опустила голову и следом поспешала за братом. Она знала, если с ним много спорить, то тогда, когда она станет проситься взять её на то мероприятие, которое предполагает присутствие только пацанов, она может остаться не у дел. А, проявив покорность, у неё есть вариант, что Вася, если

нужно будет за нее слово замолвит. И так уже не раз было.

Начинался дождик, и брат с сестрой перешли на бег. До вокзала было рукой подать, они забежали под навес на платформе со складом, где хранились товары и посылки, отправляемые и прибываемые железнодорожным транспортом. Приближение пассажирского поезда можно было предвидеть по оживлению именно здесь. Грузчики начинали суетиться, перекачивали ручные тележки к месту остановки головных вагонов, где находился багажный и почтовый вагоны.

Вася не раз наблюдал за процессом разгрузки и погрузки посылок и товаров и это зрелище ему очень нравилось, хоть он и не мог объяснить. Маше же нравилось всё, что нравилось брату и то, что она была вместе с ним и сейчас, ей казалось, что никто и ничто ей больше не нужно. Что нужно для счастья 13-летней девочки? А больше ничего и не нужно. Такими были её запросы, да и не только её. Счастливое время, детство.

Один грузчик, загрузив посылки, тронул свою тележку на место загрузки, второй громко гремел, бросая на металлическое дно тележки, громко отзываемые металлическими «проклятиями» какие-то коробки и ящики. Со стороны Бумфабрики послышался гудок паровоза и через две-три минуты, из-за поворота в клубах дыма, проявилась звезда того самого паровоза и раздался предупредительный гудок.

Вася уселся на ограждение, отделяющее эстакаду от железнодорожных путей, сестра присела рядом. Издали они были похожи на двух воробышков, сидящих на веточке. Сидели молча, наблюдая за приближением поезда. Заскрежетали тормозные колодки, послышалось характерное шипение воздуха. Поезд замер, встречающих заволочло клубами пара и дыма, досталось и нашим зрителям. Вася полной грудью вдыхал все эти запахи, ко-

торые ему очень нравились, как многим нравился запах бензина, когда мимо проходил шофёр. Запах на железной дороге особый. Его создают сами шпалы, специфической пропиткой, дым и пар паровоза, запах другого, чуждого мира, в котором живут люди, ехавшие в этих душных вагонах, запах столичный и запах нечерноземья, запах лесов и степей и всё это вместе можно было бы назвать единым определяющим словом, назвав все запахи, «запахом Родины».

Открылись двери вагонов, зашумели проводницы и пассажиры. Кто-то бежал по перрону, выставя вперёд огромный чемодан, за ним семенила полная женщина, явно задыхаясь от бега и таща за собой ничего не принимающую девочку лет пяти-шести. Грузчики принялись за привычную работу, перебрасывая в вагоны и принимая из них товары, посылки и почту.

— Поберегись! Поберегись! — кричал грузчик, толкая перед собой заполненную тележку с грузом и разгоняя пассажиров, провожающих и просто зевак.

— Вот бы, сесть на поезд и уехать далеко-далеко, чтобы весь мир посмотреть. Интересно, как там люди живут. Хочу море увидеть, настоящее, Чёрное море. А может быть, сестрёнка, мне в мореходку пойти, а? В Ростове же есть мореходка!?

— Ты полчаса назад хотел машинистом стать. Уже не хочешь, Вася? — с прищуром и глядя прямо в глаза, сидя на ограждении и перегнувшись так, чтобы видеть брата глаза-в-глаза. Подумав немного, продолжила, — Я, как школу закончу, пойду учиться на киномеханика. Представь, кино можно смотреть бесплатно и по несколько раз — класс.

Вася закатился хохотом и без малого не свалился с металлического ограждения, но вовремя успел ухватиться рукой за верхнюю трубу, только и успел при этом произнести:

— О-о-о-х! Ё-моё!

Вокзальный шум и грохот затих. Объявили отправление поезда. Проводница штабного вагона, стоя на трапе, выбросила из проема вагонной двери свёрнутый жёлтый флаг, ответив тем самым дежурной по станции, стоящей на перроне с таким же сигнальным флажком. Паровоз дал гудок, заскрежетали металлические части колёсных пар и подвести и поезд медленно начал набирать скорость. Часов через пятнадцать, примерно, в открытые окна, запылённых пылью российских дорог, вагонов будет поступать свежий влажный морской ветер и пассажиры увидят яркое солнце «купающееся» своими лучами в море и слепя всех своим ярким отражением от морского бриза или от гребней набегающих волн прилива. «Это так красиво!» — мечтал, сидя на том же месте ограждения, Вася, словно боясь потревожить красивые грёзы.

— Вася, пошли! Ты заснул, что ли? — стоя напротив и дёргая на руку, спрашивала Маша.

— А? Да, да! Сейчас, пойдём, — прогнав дымку грёз, ответил Вася и оттолкнувшись от ограждения, решительно двинулся в сторону вокзала.

Когда проходили мимо входной двери в вокзал, сверху что-то затрещало, зашипело и заработал радиорепродуктор. Но в нем не было объявления дежурной по вокзалу о прибытии очередного поезда или другого объявления. Это было нечто другое, что заставило всех, кто услышал начало обращения, остановиться на тех местах, где были, как в том случае, когда рвётся киноплёнке, а крайний кадр продолжает проектироваться на киноэкран.

Вася с сестрой машинально подняли головы, как будто они хотели не услышать, а увидеть того, кто начал произносить речь, часы, висевшие рядом с репродуктором показывали 12 часов 15 минут.

«Граждане и гражданки Советского Союза! — услышали все, кто «замер» в предчувствие чего-то значимого

и страшного, голос заместителя Председателя Совета Народных Комиссаров Союза ССР и Народного Комиссара Иностранных дел товарища В. М. Молотова, — Советское правительство и его глава, товарищ Сталин, поручили мне сделать следующее заявление:

Сегодня, в 4 часа утра, без объявления каких-либо претензий к Советскому Союзу, без объявления войны, германские войска напали на страну, атаковали наши границы во многих местах и подвергли бомбёжке со своих самолётов наша города — Житомир, Киев, Севастополь, Каунас и некоторые другие, причём убито и ранено более двухсот человек. Налёты вражеских самолётов и артеллерийский¹ обстрел были совершены с румынской и финляндской территории.

Это неслыханное нападение на нашу страну является беспрецедентным в истории цивилизационных народов вероломством...»

Люди стояли молча, вглядываясь в глаза рядом стоящих знакомых и незнакомых людей, пытаясь найти ответ на вопрос — «Что это такое? Как всё это понимать? Война?!...»

— Братик, это что, а? — ухватившись обеими руками за косички чёрных, как смоль волос, переброшенных вперёд, с широко открытыми немигающими глазами, спросила тихо, даже как-то жалобно у брата Маша.

— Война, сестрёнка! Война!

«... Правительство призывает вас, граждане и гражданки Советского Союза, ещё теснее сплотить свои ряды вокруг нашей славной большевистской партии, вокруг нашего Советского правительства, вокруг нашего вождя товарища Сталина.

Наше дело правое. Враг будет разбит. Победа будет за нами».

Наступила гробовая тишина, как раздумье перед тем, какие эмоции в таком случае станут естественными,

не театральными, как у артистов на сцене. Но это же не театр — это жизнь. Когда минута оцепенения прошла, женщины завопили и запричитали, мужики начали рассудительно говорить друг с другом, внешне не высказывая видимых эмоций. По большому счёту, дух войны давно витал над головами, только каждый его отгонял, как надоевшего гнуса, не веря в его реальность.

— Побежали домой, Маша! — строго, командным голосом приказал брат сестре, помня, что он несёт за неё ответственность и не потому, что отец приказал, а потому что он и без этого с трепетной братской любовью относился к сестре и готов ради нее на все был. Заметив, что сестра находится в абстракции, взял её за руку и дернув, сказал громче, — ты оглохла, что ли? Побежали!

Маша, бежала со всей прыти, её косички с простенькими бантиками, как ленты бескозырки развевались за спиной, но угнаться за братом никак не могла. На развилках, Вася, останавливаясь, оглядывался назад и когда сестра его нагоняла, вновь «включал крейсерскую скорость».

Первой запыхавшихся детей увидела мать:

— О, Господи! Спаси и сохрани! Что стряслось? — спросила она и предусмотрительно присела, если не сказать упала на табурет, добротный сделанный хозяином.

— Мама, война! — без подготовки, как охотники гонят, «навскидку» выпалил Вася и, увидев, как побелело лицо матери, подошёл, положил руку на голову и уже по сыновьи, спокойно спросил:

— Мама, ты что? Наша армия самая сильная, мы враз немчуру разобьём.

Вышел из хаты отец, услышав шум, но не поняв суть разговора:

— Чего шумим? Что случилось?

— Петя, война! — вытирая фартуком, невесть, когда появившиеся слёзы, сказала жена мужу, — Как же это, а?

У нас же с Германией Пакт о ненападении Молотовым подписан?

Муж ничего не ответил, присел на колоду рядом с грубой, на которой рубались дрова, неспешно достал кисет, бумагу, скрутил самокрутку, закурил, сделал пару глубоких затяжек и потом начал говорить:

— Немец — враг серьёзный, дисциплинированный и организованный, и хорошо вооружен, до зубов. Посчитай, всю Европу уже под себя подмял. Видимо, теперь аппетит разгорелся, на наш могучий Союз рыпнуться решил. Мы, конечно, его место укажем, но до того кровушки нашей, русской он может много испить. А откель такие сведения, не сорока же на хвосте принесла?

— Молотов по радио выступал. Мы на вокзале были. Вот давеча и объявили, — ответил Вася.

— Ну, что же, отцы в Первую мировую воевали, честь не посрамили. Видать, теперь и наша очередь.

— Петя, может обойдутся кадровой армией, вас не тронут. От кадровых-то проку больше, чем от резервистов, так ведь?

— Не знаю, не знаю. Может им ещё там, на границе надают по сопатке, и они, юшкой умывшись, в конуру спрячутся? Ну, а коли нет, то тогда придётся повоевать. Ты ж смотри, если чё, остаешься единственный мужик в семье. Мать слушай и на рожон никуда не лезь.

— Ой, отец, ты никак уже на войну собираешься?! — скрестив руки на груди запрочитала мать.

— Хорошо, батя! Я всё понимаю.

Одна только Маша, присевшая рядом с матерью и склонившая ей на колени голову, смотрела на всех своими большими зелёными глазами и пыталась из разговора родных понять главное — что будет завтра и будет ли вообще завтра. Она, конечно, не могла даже представить, что эта, так называемая война, как мясорубка изуродует человеческие души, а кому-то и в прямом смысле, тела,

её жернова, как и шнек мясорубки переломает судьбы, а у кого-то заберёт самое дорогое — жизни.

Настала тишина. Никому не хотелось говорить, все думали, хоть и об одном и том же, но совершенно по-разному, каждый со своей позиции, на основе имеющегося жизненного опыта и знаний, информации из газет и радио, а также слухам, которыми был наполнен жизненный ареал. Ещё вчера все жили планами и надеждами на счастливое будущее, а сегодня, когда война стоит на пороге Родины и завтра ждёт неизвестность. И никто не знал, сколько дней, недель или месяцев придётся всем прожить в такой неизвестности, ожиданиях и желаниях, чтобы кошмар войны быстрее закончился.

Но это будет потом, а сегодня он только начинается. Для кого-то война сегодня началась и сегодня же закончилась, так как для них никогда не будет завтра и потому, что их завтра уже не будет, они остались сегодня или в списках убиенных, а большинство даже в списках безымянных жертв. Какая судьба уготовлена выпускнику школы, мечтающему получить в ближайшем будущем рабочую профессию, Васе, пойдёт ли в школу 1 сентября Маша в школьной форме и будет ли их отец сапожничать и тем самым принести в семью основной доход, сможет ли старшая дочь Лида получить специальность, которая даст самоудовлетворение и стремление добиваться в профессиональной сфере прогресс в карьере и успех в личной жизни? Вопросы без ответов. И сейчас в таком положении находилась каждая советская семья, где начинали рушиться жизненные планы.

***

Война приближалась семимильными шагами. На фронт уходили всё новые и новые партии военнообязанных. А новости с фронтов были всё тревожнее. Люди,

затаив дыхание, прислушивались в сводках Совинформбюро, надеялись услышать сообщение, что произошёл коренной перелом в войне и советские войска перешли повсеместно на всех фронтах в контрнаступление, но увы, этого не происходило. Потери в живой силе, технике, городах и областях — вот что было в ежедневных сводках.

16 июля, поцеловав детей и простившись с женой Варварой, был призван в ряды Красной Армии Петр Леонтьевич. Время шло в двух измерениях: первое — это молниеносное наступление немецко-фашистских оккупантов и неминуемое приближение фронта на Примиусье; второе — это невыносимо-тягостное ожидание перелома в войне, её завершения и возвращения живых и здоровых родных домой. Применив математические методы сведём временной показатель к нулю, т.е. пропустим временной период до середины октября, когда война вплотную подошла к родным сердцу и взору местам, малой родине, где проходило до некоторых пор счастливое детство и которое закончилось после экстренного сообщения по ретранслятору о начале войны. И с этого момента в глазах детей невозможно было увидеть той искорки беззаботности, «искорок-бесинок», веселья и радости жизни. Пошёл отсчёт, отсчёт дней войны и дней надежд и ожиданий её окончания.

Даже на шумевших, в жаркие июльские и августовские дни, берега Миуса, если и приходили парни и девочки, гуртовавшихся чаще уединённо, то лица их были серьёзными, за короткое время повзрослели, став серьёзнее их взгляды и рассуждения, а интересы перестали сводиться только к вольности времяпровождения. От более взрослых парней всё чаще слышны были высказывания желания пойти на фронт добровольцами и даже те, кто по возрастным показателям ещё для этого не подходил, предпринимали попытки прибавить се-

бе год, а иногда и больше. И у некоторых это получалось.

Витя Нецветай тоже предпринял такую попытку и возможно его авантюра удалась бы, если бы в коридорах военкомата его не заметила его соседка тётя Нюра, работающая сотрудником РВК. Она самолично вытолкала парня и пообещала вечером «порадовать» родителей его поступком. Парни чаще теперь стали собираться там, где собирался народ и где обсуждали ситуацию на фронте, у репродукторов, ожидая важные правительственные сообщения голосом всеми узнаваемого диктором Юрием Левитаном.

Как-то сама по себе ушла, как будто её и не была, проблема дележа и господства над территориальными районами поселка. Парни, которых пока по возрастным параметрам или по состоянию здоровья не могли призвать в ряды Красной Армии, копили злость на врагов, закаляли свой дух и продолжали развивать и закалять тело. И всё чаще в спорах присутствовали такие условия как, кто больше раз гирю «жмёт» или «толкает», кто быстрее пробежит контрольную дистанцию, кто дольше пробудет под водой, дальше выпрыгнет на тарзанке и нырнёт на большее расстояние.

У Васи, хоть он был по возрасту, пока ещё, безнадежно мал, в отличие от своих сверстников, его рост не превышал 145—147 см. Конечно, в таком юном возрасте подростки, обычно, растут, «как грибы после дождя», но это не о Васе. Его рост затормозился и явных причин никто не видел, скорее всего — это гены. Рост отца также едва доходил до 160 см.

Отец, уходя на фронт говорил: «Хорошо, что ты ещё мал и возрастом, и ростом — не придётся хлебнуть из солдатского котелка в военное время и лиха. Пока ты вырастешь, война закончится...».

Матери на свою небольшую зарплату трудно было прокормить семью. Лида, вместо получения высшего об-

разования, уехала в Ростов, где поступила на краткосрочные курсы швейного производства, где училась в вечернее время, без отрыва от работы на швейной фабрике №2. Для проживания ей было предоставлено общежитие. Фабрика до войны специализировалась на изготовлении мужских костюмов и Госзаказа. С началом войны фабрика стала выполнять только продукцию Госзаказа, это было военное обмундирование в основном. Лида начала зарабатывать и обеспечивать себя таким образом сама.

Машенька с началом учебного года вместо занятий в школе привлекалась, совместно с детьми 11—13 лет на легкие и вспомогательные работы, например, сбор колосков, в результате потерь на полях. Фронту важна была любая помощь тыла.

Вася привлекался на более серьёзных и трудоёмких работах. С приближением же фронта появлялась необходимость в рытье окопов и организации различных заграждений и коммуникаций. Дома, кроме общественных работ, на Василия легла забота главного и единственного мужчину, как бы это смешным не звучало, в 15 лет, да ещё ростом с ноготок. Хорошую помощь оказывало подсобное хозяйство: огород, небольшой сад, куры и кролики. Это всё было в основном под началом парня. Теперь ему не нужны были указания отца — «сделай то-то», он прекрасно владел ситуацией и мать, любящая со стороны малого ростом, но проворного сынишки, не могла не радоваться, думая — «дождалась помощника».

Убрали огород, сделали некоторые заготовки на зиму и спустили в подвал. В свободное время Вася часто бегал на вокзал, на бойню в заготконтору, где у него часто получалось получать разовую или краткосрочную работу по договору. Заработанные деньги он не тратил, все отдавал маме, лишь изредка баловал меньшую сестренку сладостями. Курить он не начал, а за спиртное и говорить не приходилось и потому эти, небольшие деньги, честно

им заработанные, пополняли скудный семейный бюджет.

III

Как-то быстро наступила осень. Всё чаще и чаще в небе стали появляться немецкие самолёты, осуществляющие разведку, а затем и бомбежку важных стратегических объектов, а в дальнейшем и военных. В октябре месяце фронт вплотную подошёл к Донбассу. По ночам отчётливо прослушивалась артиллерийская канонада. С 10 октября воинские соединения, ведя оборонительные бои и не успевая закрепиться на новых рубежах отступали в двух направлениях: первое — на Сталино; второе направление — севернее Таганрога, т.е. непосредственно на Матвеев Курган и населённые пункты выше по течению реки Миус: Петрополье, Куйбышево и другие, и ниже, в сторону Таганрога: Ряженое, Покровское, Федоровка.

14 октября 1-я немецкая танковая армия группа «Клейст» вдоль побережья Азовского моря подошла к реке Миус.

Повсюду слышался запах войны с видением её неизменных атрибутов: от оружейной смазки и выхлопных газов военной техники, перебрасываемой, изначально на железнодорожных платформах, а затем и перегонялась своим ходом; передвижение воинских подразделений; начавшаяся эвакуация предприятий, с погрузкой оборудования на железнодорожные составы, автомобильный и гужевого транспорт.

С Украины гнали стада животных, эвакуируя их в далёкий тыл, но он становился всё менее и менее далёким. Через село гнали истощенным длительным перегонном,

разноголосые стада и это зрелище действовало на людей угнетающе. Таких зрелищ никому еще до этого видеть не приходилось. Хотя ещё в августе из многочисленных немецких поселений района — Ротовки, Селезни, Новая Надежда, Ново-Андриано и других в принудительном порядке выселяли давно укоренившихся, ещё со времён царицы Екатерины трудолюбивых немцев целыми семьями. Их местом жительства станет Казахстан. И это зрелище было несколько не менее, а более трагическим, чем перегон скота и даже временная эвакуация местного населения на десятки километров от дома.

Эвакуацию населения спешно осуществляли часто под покровом ночи на восток района, в села Кубрино, Марьевка, хутор Бутенко и в соседний Родионо-Нецветаевский район: с. Греково-Ульяновка, х. Почтовый Яр, сл. Большекрепинская.

Вася с семьей, мамой и сестренкой Машей был эвакуирован в ночь с 15 на 16 октября в хутор Крюково Куйбышевского района, что рядом с границей Родионо-Нецветаевского района. Дорога на упряжке волов была очень утомительной. Расстояние в 35 км и ехали, и шли пешком в темноте по разбитой, в ухабах и колее, образованной после дождей дороге. Утром семью, с нехитрым скарбом в виде узлов из шалей и платков, в которые наспех собрали вещи первой необходимости. Конечно, никто не мог и предположить, насколько затянется эта эвакуация с проживанием в чужом краю, в чужих домах и семьях.

Семью расквартировали вначале средней улицы хутора, которая протянулась от церкви, вдоль реки Тузлов на север. Верхняя улица являлась одновременно и дорогой, проходящей через всё село с юга на север и соединяло с. Каршенно-Анненку с с. Лысогорка. Нижняя улица от южной окраины хутора была образована благодаря изгибу реки в виде петли и в отличие от верхней и средней

улиц была небольшой протяженности. Нижние усадьбы огородами выходили прямо к реке, а за рекой, практически сразу возвышался Донецкий кряж. И казалось, что они попали в какую-то райскую долину, война осталась там за горой, которая не пропустит фашистов сюда. Если бы всё было так.

Мать с братом и меньшей сестрой не знали, что в это время, Лида, работающая в Ростове на фабрике, вместе с оборудованием, грузилась на эшелоны и их эвакуировали в г. Ашхабад, далёкий и незнакомый. Ведь фронту было потребно не только вооружение, но и обмундирование, которое и будет шить, но теперь уже в далёком Ашхабаде старшая сестра Васи и Маши. Об этом родные узнают нескоро, получив письмо весной 1943 года, но до этого нужно было ещё дожить. И какие испытания подстерегали людей, никто, конечно же, не знал.

Находясь в эвакуации, в непосредственной близости от театра боевых действий, где шла битва не на жизнь, а на смерть, где сотни и тысячи советских солдат ценой своей жизни останавливали вероломное продвижение врага на рубеже «Миус-фронта», Василий и все, кто находился в своих скромных жилищах или вынужден был проживать волею судьбы или лучше сказать, волею войны, могли отчётливо слышать продвижение фронта. От села, которое вопреки привычным критериям, что если в населённом пункте есть церковь, то это село, а если нет церкви, то называли хутором, Крюково называли всё же хутором, от него до Матвеева Кургана напрямую было чуть больше, чем 30 км и потому, вечерами были отчётливо слышны артиллерийские канонады, это обстреливали Матвеев Курган, занятый советскими войсками Красной армии с неприступных высот Донецкого кряжа, с правобережной стороны Миуса.

Из матвеево-курганского элеватора частично успели вывезти зерно нового урожая, а оставшееся долго-долго

горело, умышленно подожжённое по приказу руководства, при отступлении или загорелось от авианалётов противника. С элеватора станции Успенская ещё 13 октября успели вывезти 17 вагонов зерна с местного элеватора.

На 120-й день войны, 17 октября немецкие войска вошли в Матвеев Курган. 22 октября советские войска Южного фронта оставили город Таганрог, 24-го был оставлен Харьков, а 26-го и Сталино. Открывалась дорога на город, являющимся воротами Кавказа, это был Ростов-на-Дону.

Красная Армия отступала с тяжелыми оборонительными боями в сторону Ростова через села: Марьевка, Политодельское, Советка, Генеральское, Большие Салы. Командование, для обеспечения отхода войск Красной армии, оставляло заслоны артиллерийских батарей. Воины-артиллеристы героически стояли насмерть, сдерживая ошеломительное наступление 1-й танковой немецкой армии. На подступах к с. Марьевка батарея советских артиллеристов двое суток сдерживала непрерывные танковые атаки. Воины героически погибли, обеспечив отход основных войсковых подразделений к г. Ростову-на-Дону, для организации его обороны.

Противостояние защитников столицы Дона с отборной 1-й танковой армией генерала Эвальда фон Клейста длились около месяца, с 20 октября по 21 ноября 1941 года. Наступление немцев со стороны Таганрога изначально не имело успеха. Им противостояли воины 343-й Ставропольской, 353-й Новороссийской стрелковых и 68-й Кушевской кавалерийской дивизий, героически неся потери и обескровливая немецкие войска. После этого отборный немецкий 3-й моторизованный корпус в составе двух танковых и двух моторизованных дивизий понес значительные потери и был вынужден отказаться от наступления на Ростов со стороны Таганрога.

Новое наступление было произведено на город 17 ноября, нанося танковый удар с севера, через село Большие Салы, по еще не обстрелянной в боях 317-й Бакинской стрелковой дивизии полковника Ивана Середкина. 16 артиллеристов ценой жизни отразили атаку 50 танков, 12 из которых сожгли, а 18 подбили.

За три дня боя Бакинская дивизия потеряла 8971 человека бойцов и командиров, включая и самого комдива; были потеряны и все артиллерийские орудия, миномёты и пулеметы. Большие потери понесли и полки 31-й, 353-й, 343-й дивизий, батальоны 6-й танковой бригады, курсантов военных училищ, ополченцев. К 16 часам 21 ноября 1941 года соединения и части 56-й Отдельной армии отошли на левый берег Дона.

***

Конечно, ни Василий, никто другой этого пока не знали, а лишь могли догадываться, где остановился фронт. А это означало, что пока ни о каком возвращении домой речи не шло. И, опять же, а сохранится ли их дом, после массированных артиллерийских обстрелов. Об этом не хотелось думать. Хотелось думать о том, что их отец, возможно где-то недалеко сражается за то, чтобы быстрее разбить врага и его родные могли вернуться домой, а затем и он, героем и, главное, живой и здоровый. И они снова заживут семьёй счастливо, как раньше. Так думал Вася, забравшись, вопреки предостережений старших далеко не ходить, вместе с местными пацанами, примерно такого же возраста на высокую гору, расположенную сразу же за рекой Тузлов, по её правобережью. Сюда можно было взобраться, перейдя реку в двух местах: первый неглубокий брод располагался в северо-западной стороне селения, где дорога пролегла через реку в гору, строго на запад; второй переход, а вернее переезд,

так как представлял собой небольшой деревянный мост через реку в южной части села, по которому проходила дорога соединяющая село с соседним селом, расположенным в 1,5—2 км на правом берегу Тузлова.

Первая дорога, соединяющая хутор Крюково с внешним миром «за бугром» проходила прямо через перекат, который и стал круглогодичным бродом через реку, устроенный искусственно в виде насыпи из крупного бутового камня. Но этом участке реки могли свободно переезжать по 15-20-метровой переправе и гужевые повозки, и автомобили. Можно было и перейти здесь вброд, лишь повыше закатав штанины, если не считать того, что сейчас была уже глубокая осень и по утрам трава покрывалась изморозью и даже на камнях плеса легкие волны воды, образованные перекатами, оставляли красивые кристаллические узоры на тонких обледенениях. Глубина же вверх по течению была только в редких местах до двух метров, а чаще и того меньше. Ниже по течению от моста, что напротив центральной части села был плёс, река расширяла своё русло и в средней её части была довольно глубокой, как говорили местные, «не умеющий плавать утонет».

За переправой дорога шла круто в гору, затяжной подъём длился около километра, а затем рельеф переходил в равнинный. Километрах в двух отсюда располагался хутор Решетовка, а чуть левее, в сторону Ростова хутор Русско-Сидоровка, они представляли одну улицу с двумя десятками домов в каждом, по ту и другую сторону. А сама улица была одновременно и дорогой, связывающей г. Ростов-на-Дону с Ворошиловоградской областью Украины и первое село, к которое попадаешь по этой дороге, было Дьяково. Село стоит на слиянии двух речек, Ореховая и Юськина, которые затем впадают в более крупную Нагольную, но всех их объединяет то, что все они относятся к бассейну реки Миус.

Кто вырос на Миусе, знают, что Миус, берущий начало на склонах Донецкого кряжа и протекает по территории двух областей Украины, Сталинской и Ворошиловградской, а также трёх районам Ростовской области: Куйбышевскому, Матвеево-Курганскому и Неклиновскому, впадая в Таганрогский залив Азовского моря. Река, небольшая по протяженности во время войны стала символом мужества и стойкости воинов Красной армии, покрыв её немеркнувшей славой на все времена. Но это всё ещё должно было случиться.

Фронт растянулся от г. Сталино, с. Сауровка, с. Куйбышево, п. Матвеев Курган до г. Таганрога вдоль линии реки Миус.

Василий со своими новыми товарищами взбирались на сарматский курган, сопку, расположенную посередине в треугольнике между хутором Крюково и селом Каршенно-Анненка, расположенных в долине реки и хуторами Решетовка и Русско-Сидоровка на возвышенности, соединённые дорогой Ростов — Дьяково. Этот курган, как и множество тех, что расположены, как на миусской земле, так и по всем донским просторам, был искусственно сооружен скифами и представлял собой погребение знатных воинов-кочевников. Конечно, увидеть Матвеев Курган не представлялось отсюда возможным, из-за рельефа местности и оттого невозможности видения всего ландшафта в перспективе. А вот обзор на север и северо-запад, если смотреть в бинокль, был намного лучшим, так как та местность, располагалась на Донецком кряже, была предпочтительно возвышенна. А увидеть можно было не только картину возвышения ландшафта, но и терриконы шахт Донбасса. Но трофеев, позволяющих улучшить распознаваемость интересующих их объектов, у парней, пока не было и приходилось довольствоваться прикладываем руки, как козырьком выше глаз, для обострения зрения, и чтобы не было попадания солнечных лучей в глаза.

Увидеть получалось только зарево пожарищ, если им удавалось сбежать из дома вечером или, наоборот, рано утром, сказав, что на зорьке рано пойдут на речку, на рыбалку. А гул канонады давал представление о том, в каких направлениях ведутся боевые действия. И уже опытным глазом и, главное слухом, они определили, что фронт остановился на месте и там, скорее всего очень жарко, идут ожесточённые бои.

Горстка отважных пацанов от 14 до 17 лет, проходила спокойно по улице, не вызывая ни у кого особого интереса, у церкви сворачивала вниз к реке и затем по берегу реки вниз по течению, доходили до моста. Перейдя мост ватага сворачивала вправо, в гору с проездной дороги через соседнее село Каршенно-Анненку, в сторону хутора Почтовый Яр, где какое-то время жила семья Петра Леонтьевича с тремя детьми, расположенном на правобережье реки, под горой и далее, через слободу Большекрепинскую, одноименного района, где родились и родители Василия и он, и его сестры, в сторону слободы Родионо-Нецветаевской.

Все эти села и хутора располагались в живописной долине реки Тузлов, справа ограничивающейся крутыми склонами кряжа, а левобережье имело плавное возвышение, лишь у слободы Большекрепинской, где долина резко сужалась, и левая сторона становилась ещё более неприступней, чем правая. На одном из косогоров и размещался небольшой хуторок и десятка хат, где и проживало некогда семейство Петра Леонтьевича с женой Варварой и тремя детьми. Вася, в отличие от меньшей сестры, Маши, довольно отчётливо запомнил жильё и условия быта в то довоенное время.

Проживание на косогоре имело и свои плюсы и минусы. Основной плюс — это то, что здесь, в отличие от низины, где располагалась частично слобода, не затапливало дворы и огороды разливавшейся речкой

Тузлов. Минус в том, что здесь земли не были такими плодородными, не чернозёмы, а суглинки и для питья и хозяйственных нужд, необходимо было рыть колодцы намного глубже, когда в низовье воду можно было черпать ведром, перегнувшись слегка через сруб колодца. На юго-западной окраине слободы, противоположной от проживания семейства Домашенко, происходило слияние двух рек и, благодаря подпитке левого притока р. Крепкой, Тузлов становился полноводней.

На хуторе Почтовый Яр, где в течение около трёх лет прожила семья до переезда в Матвеев Курган, был, хоть и небольшой, но добротный домик из белого камня, известняка.

— Эй, соня, подтянись! — кричал Васе Витя Мясо-едов, 16-летний парень, проживающий, практически, в самом конце сельской улицы Тузловской, которая начиналась ниже церкви и шла на протяжении речного завитка, с приближением реки к хутору заканчивалась, соединяясь с нижней улицей, протянувшейся на север до самой окраины.

— Не командуй, Мосол! Не в армии, — огрызнулся с некоторым негодованием Вася, не столько из-за того, что тот обозвал его соней, а больше из-за того, что прервал сладкие воспоминания о малой родине.

«Интересно, что там сейчас делается, стреляли во время сражений за Ростов в стороне слободы Большекрепинской, а вот хутор Почтовый Яр расположен под самой горой, а потому наступательно-оборонительные операции в том районе мало вероятны...» — продолжал размышления, как начинающий военно-начальник, Василий. Одно дело — когда читаешь в книге о стратегии и тактике военных операций, опирающихся в основной на полученный опыт во время Первой мировой или Гражданской войны уже в советской республике, другое дело — крупномасштабное наступление немецкий войск,

хорошо вооруженных, обученных, имеющих опыт, хоть и маршевых захватах стран западной и восточной Европы. Его пытливый, уже не детский, но ещё и не взрослый разум закипал от нехватки жизненного опыта и специальных знаний и часто не находил ответа.

— Слышь, ты, «пришелец»! Ты, чё, самый умные чи шо? — не мог уgomониться обиженный и тем, что его эвакуированный сюда за десятки километров обозвал его Мослом, а также ещё и тем, что он ставил под сомнение его статус вожака, чьё слово для остальных было авторитетным.

Остановившись, Витя повернулся к отставшему, как он выразился «пришельцу» и, возможно, что скоро это прозвище прилипнет к Васе, если другие подхватят его на уста и тем более его обладатель начнёт возмущённо реагировать на него, и не дожидаясь, когда обидчик подойдёт наконец-то к основной группе ватаги, сам двинулся навстречу с вызывающим видом, сжав кулаки и сделав два-три решительных шага, остановился.

— Во-первых, не Мосол, а Масёл, понял? Мослов тебе в котелке не видать потому, что тебя-то и в армию не возьмут по росту, так? А Масёл меня зовут из-за того, что я, в отличии от тебя рослый и сильный. Во-вторых, раз тебя ни в армию, ни на фронт не возьмут, то и командовать неким будет, понял, Пришелец инопланетный! Там у вас все «метр с кепкой»?

— Слышишь, большой, сильный и такой же глупый, по всей видимости, человек, ведь должен знать, на какой день жирафе доходит...

— Пацаны, прекращайте! Придёт время если, на немцах свою злость сгоните, не давайте фашистам брать нас голыми руками, якшо вы друг друга изувечите, — встал между спорящими Иван Усатенко, одногодок Вити, среднего роста и с заметной худобой тела, только благодаря теплой одежды с чужого плеча, его ху-

доба была не так явно выражено, — хорош! Нашли время и место.

— Ванька, уйди! Да не буду я его бить. Шо тут бить? — продолжал насмехаться Мясоедов, — ударь и рассыпится.

— Гляди, чтоб сам не рассыпался. Если бы не были с тобой земляками, я бы тебе показал кто тут есть Пришелец, — не сдавался и Васёк.

— Кто тут земляк? — закатился смехом Витька, — с якого перепугу?

— Ты на Тузлове родился?

— Конечно, я местный! — подтвердил заводило сельской ватаги.

— Я тоже на Тузлове родился. Только я родился от Крюково на расстоянии менее 20 километров, в Большекрепинской. Знаешь такую слободу?

— Знаю и был там не раз.

— А знаешь, что она стоит сразу на двух речках сразу? В Тузлов её черте впадает река Крепкая, оттого и называется так слобода. А, если будешь спорить, не советую, правда, в «метрике» доказательство записано. Ещё хочу добавить, что мы жили потом ещё и в х. Почтовый Яр, а это совсем рядом, километрах в десяти всего. И какой я после этого Пришелец?

— Ну, ладно. Но, а по поводу командирства, я-то смогу им стать, если не сейчас и война не закончиться, то весной пойду в армию. У меня и рост и вес, всё в норме. Умник нашёлся, — уже успокоившись, решил поставить в споре точку.

— Зёма, не хочешь доказать свою сообразительность? — теперь уже не хотел оставлять спор вот так, на неубедительной ноте Вася.

— Чего ещё тебе? — с опаской спросил Витька.

— Ты был когда-нибудь у нас в Матвеевом Кургане?

— Ну не был, а чё? Слышал, что у вас поезд ходит и на Ростов, и в Москву можно уехать. С батей как-то ез-

дили в город, я думал учиться, но дорого это удовольствие и в городе не остался, но мы ездили через Политодельск и Покровское, напрямую.

— У нас течет река Миус, побольше Тузлова будет, пошире и поглубже. Ты можешь мне сказать, какой у неё берег круче? — прищулив один глаз, спросил Вася.

— Ну, откуда я могу знать, я же не был у вас?

— Не верный ответ. А тебе и быть там не нужно, чтобы ответить на этот вопрос. Вот я, даже если бы не был в этих местах, смог бы ответить, какой берег у Тузлова круче и на Дону не был, но тоже смог бы ответить.

— Ага, хитрюга, в школе, наверное, проходили, — высказал догадку Витя.

— Школа ни при чём. Не знаешь? Сдаёшься? — с издёвкой спросил Васёк.

— Ну... это, наверное... — ища ответ в глазах давних друзей и товарищей, но не находил, те только обиженно опускали глаза или отворачивались, — ну, а сам-то, кроме твоего Миуса, откуда знаешь?

— А это проще простого. Книжки нужно читать и не только школьные. Есть такой закон, по которому можно безошибочно сказать за любую реку, определив какой берег круче, а какой более пологий. Одну географию нужно знать, то, в каком полушарии река протекает.

— Ага, но реки могут бежать и с севера на юг, и наоборот, и на восток, и на запад. Нельзя один закон для всех применить, везде рельеф разный. Нет, не верю, — пытаюсь поддержать своего главаря и друга в одном лице, смотря Витьке прямо в глаза, начал спорить с Васей Сергеем Пономарь, — не-а, не верю!

— По этому закону, закону Бэра, реки Северного полушария больше подмывают правый берег, и он становится круче, а реки Южного полушария — левый. Тут замешаны силы Кориолиса, которые способствуют ускорению движущихся точек вправо в нашем полуша-

рии, а в Южном — влево. И в каком направлении текут реки не имеет значение. Ведь мы определяем, где правый берег, а где левый как? Становимся по ходу течения реки и все дела.

Наступила тишина и было видно, что добрая половина присутствующих при споре, повернулись, как по команде по направлению течения Тузлова, а для убедительности кто-то машинально начал выставить правую руку в сторону, соображая, работает ли закон. Видимо, многие сообразили в правильности закона, а кто-то и ничего не понял, но как быто не было, конфликт был исчерпан.

— Ну мы идем сегодня или нет? — опомнившись, показывая всем, кто тут главный, стал подталкивать идти дальше Мясоедов, скоро темнеть начнёт, — пошли!

— Витя! — добродушным тоном сказал Вася, — сила — это хорошо, но для командира голова имеет главенствующее значение. Помнишь, во сколько лет писатель Аркадий Гайдар полком командовал и его назначили на эту командную должность не потому, что он быка кулаком сшибал. Держи, зёма! — Вася с улыбкой протянул Вите свою маленькую, но крепкую руку для рукопожатия.

Витя растерялся изначально, не все ему тут нравилось, но принял предложение, вложив в рукопожатие практически всю свою силу, приплюсовав злость. У другого ладонь, скорее всего от такого тискового сжатия должна была свернуться в трубочку и от боли, обычно те, кто слабее или приседал, или делал движения, подобные борцу, хлопающему ладонью на ковру, означающую сдачу, чтобы противник ослабил хват, что означало окончание поединка, но не у этого низкорослого, но крепкого парнишки.

Долго горстка, выстроившись как-то самопроизвольно в две шеренги и это видимо потому, что первым приходилось пробивать дорогу по целине, покрытой доволь-

но глубоким снегом. Кто шёл вслед, было уже легче. Это, так называемая волчья привычка, идти след в след.

Ноябрь 1941 года отметился на донской земле, в отличие от предыдущих лет, рано установившейся морозной погодой и снежным покровом. Морозы доходили до значений — 20⁰ С. Тузлов практически весь уже был покрыт льдом, за исключением переката с переездом через реку, где было стремительное течение и множества промоин в узких местах реки и в тех, где были мощные родниковые подпитки, подающие «на гора» ключевую воду с температурой, превышающей температуру воды в реке.

Парни, поднявшись на курган, разинув рты и от того, что тяжело было дышать после затяжного подъёма сюда по заснеженной целине, и от того, что они теперь не только слышали, но и смогли воочию увидеть. Их взгляды на этот раз были устремлены не на запад, как в месяц назад, когда на рубеже «Миус-фронта» шли ожесточённые бои, а вниз в долину реки Тузлов на юго-восток, чуть правее Большекрепинской отчётливы были видны залпы артиллерийский орудий и по долине, как по водосточной трубе разносилась эхом канонада, раскатом поднималась вверх, туда, где горстка патриотически настроенных юнцов, не просто, как болельщики на трибунах, во время футбольного матча, переживают за исход матча, они, если бы могли, то и сами бы приняли в той ожесточённой битве участие, и будь в их руках «трёхлинейки» с пятью патронами в магазине, не раздумывая бросились бы с громогласным, разноголосым криком «Ура!» атаковать немцев с их левого северного фланга, откуда не ожидали. Несомненно, в успехе их дерзкой атаки никто не сомневался. Может быть так думали не все, но большинство точно и Вася в том числе.

— Братцы, наши наступают! Ростов, не иначе освобождают. Дед Гришка Кушнарёв гутарил, он от подпольщиков узнал, что немцы в Ростове неделю назад бойню

устроили и наши за Дон отступили. А раз бахают со стороны Аграфеновки, значит наши наступают, — как знающий стратег, Коля Свиридов.

— Ты, прям всё знаешь, знахарь, — поддел Колю Витя Мясоедов.

— Да, серьёзно. Дед врать не будет. Он с соседом говорил, я подслушал случайно.

— Ладно, поглазели, хватит. Сегодня радость домой принесем. Глядишь, теперь попрём немчуру в его поганую Германию, — констатировал увиденное и явно на душевном подъёме подытожил Витя, — все на месте? Пошли по проторенной тропе, быстро дома будем.

Проявившиеся звёзды терялись на юго-востоке неба в моменты вспышек, фронт, как паровоз железнодорожного состава, при трогании делал пробуксовку ведущих колёс, приводимых шатунами, относительно рельсов с грохотом, скрежетом и паровозным гудком, только вместо гудка артиллерийская канонада.

***

В конце ноября битва за «ворота юга России» возобновились, наши войска атаковали захватчиков, которые восемь дней удерживали город и этот период вошёл в историю, как «кровавая неделя». В результате противостояния и ожесточённых боёв обе стороны понесли большие и невозполнимые потери в живой силе и военной технике, пострадал при этом очень сильно, конечно, и сам город.

При этом хочется отметить, что победоносный запал и наступательная мощь 13-й и 14-й танковых, 60-й и 1-й «Лейбштандарт СС Адольф Гитлер» моторизованных дивизий, штурмовавших донскую столицу, была подорвана так, что вести дальнейшее наступление на Кавказ они были уже не в состоянии.

Вскоре началась Ростовская стратегическая наступательная операция (17 ноября — 2 декабря 1941 г.) войск Южного фронта. И уже с 27 ноября тремя оперативными группами войска Южного фронта перешли в наступление и во взаимодействии с Новочеркасской группой войск 9-й армии 29 ноября освободили город Ростов от врага. Наступление было успешным, в результате чего войска Южного фронта и 56-й армии отборные танковые и моторизованные дивизии армии барона фон Клейста были разбиты и отброшены на рубеж реки Миус. На продолжительное время установился «Миус-фронт».

Согласно историческим документальным данным — «Под Ростовом вермахт потерпел первое крупное поражение, а его 1-я танковая армия была отброшена на 70—80 км на запад. Были разгромлены 14-я и 16-я танковые дивизии, 60-я и „Лейбштандарт Адольф Гитлер“ моторизованные дивизии, 49-й горнострелковый корпус. Враг потерял свыше 5000 grenадеров убитыми, около 9000 ранеными и обмороженными, уничтожено и захвачено в качестве трофеев 275 танков, 359 орудий, 4400 автомашин различных марок и назначения, 80 боевых самолетов и много другого военного имущества и вооружения».

В результате этой наступательной операции положение на южном крыле советско-германского фронта стабилизировалось, что способствовало успеху контрнаступления Красной Армии уже и под Москвой. В директиве Ставки Верховного Главнокомандования указывалось, что целью действий советских войск на ростовском направлении является «разгром бронетанковой группы Клейста и овладение районом Ростов-на-Дону, Таганрог с выходом на фронт Ново-Павловка, Куйбышево, Матвеев Курган, вдоль реки Миус».

IV

Иногда жители селений, где в непосредственной близости проходили бои, наблюдали в небе воздушные сражения. Но чаще всего малозумные ночные бомбардировщики, словно цикады в летнюю южную ночь пролетали на запад, где минут через двадцать можно было слышать приглушенные взрывы авиабомб и тем отчетливее были эти звуки в тихую морозную ночь, когда артиллерия отдыхала от дневной «разминки» по расположению укрепленных позиций противника.

Бомбили чаще всего аэродромы немцев, расположенные в окрестностях г. Таганрога и крупную железнодорожную станцию Матвеев Курган. Но, к сожалению, авианалёты были малоэффективны, так как аэродромы очень хорошо защищались зенитными подразделениями немцев, а в самом Матвеевом Кургане крупных соединений вражеских войск не было, они дислоцировались на правом берегу Миуса на возвышенностях кряжа, с хорошим обзором подступов на несколько километров. Их оборонительные сооружения из бетона выдерживали и артиллерийские обстрелы дальнобойной артиллерии, и взрывы авиабомб. А вот самому Матвееву Кургану досталось и сильно досталось. Немцы, при отходе сожгли много домов жителей, находящихся в эвакуации, а кто переживал эти страшные моменты жизни на прифронтовой территории, прячущихся во время обстрелов и авианалётов в подвалы или уходящие подальше от обстреливаемых позиций наших частей подальше в поле, куда снаряды фашистской артиллерии не долетали. Но много жилищ пострадало и от авианалётов самих освободителей, что было вдвойне обидно.

Варвара Максимовна, оставшаяся после ухода мужа на фронт главой семьи, дала указания, собрать нехитрые

узелки и готовиться к возвращению домой. Правда, никто не мог гарантировать, что их дом уцелел и будет где жить, после возвращения. От мужа и отца семейства успели получить всего два письма. В первом письме он сообщал, что попал в состав мотострелковой дивизии 12-й армии Юго-Западного фронта и своё боевое крещение получил в сентябре месяце на Днестре в районе г. Запорожье. Во втором письме, которое было написано им уже на Донбассе, где бойцы фронта героически сдерживали врага в октябре 1941 года в Донбасско-Ростовской оборонительной операции и воевал в каких-то 100—150 км от родного дома.

Родные написали с места эвакуации, не зная дойдёт ли оно адресату или нет, да и сколько они здесь пробудут, тоже никто знать заранее не мог. Возможно, когда они окажутся дома и по месту проживания, когда наладится обстановка на фронте, получают долгожданное письмо от мужа и отца. Одно только могло радовать домашних, что их Лидия была далеко в тылу и ей там ничего не грозило, но писем от неё они не получали, будучи в эвакуации.

События конца ноября, начала декабря вселили в людей надежду на то, что, возможно, скоро наступит перелом в войне. Немецкие дивизии были остановлены под Москвой, противостояние по всей линии фронта от Ленинграда до Таганрога, хоть и везде и не на постоянных рубежах, но установилась. И тому, не в малой степени способствовали небывалые даже для наших русских зим, первая военная зима 1941—1942 годов.

Немецкая техника, не рассчитанная на низкие температуры, часто давала сбой. Лёд установился на реках, даже в южных районах страны, включая такие крупные, как Дон и более мелкие, как Северский Донец, Миус и Тузлов. Благодаря этому Красная Армия, форсировавшая по льду в дельте реку Дон, смогла отеснить немцев,

на их неприступную оборонительную систему, которую они сами и называли «Миус-фронт».

Масштабных боевых действий не происходило и гражданское население в декабре месяце начало возвращаться в освобождённые сёла. Возвратилась и Варвара Максимовна со своими детьми, Василием и Марией, а лучше будет сказать, Васей и Машей. Их возраст и рост «метр с кепкой», а для Маши «с бантом», если бы он был вплетён в её толстую чёрную косу, не позволяют как-то называть их так официально, по взрослому, когда запрашивается еще и добавление отчества Петрович и Петровна.

Не только у Васи, за два месяца пребывания в Крюково появилось много новых друзей, но и у Маши также появились подруги, расставаться с которыми было нелегко, но они пообещали встретиться, обязательно встретиться в этих живописных местах, но уже после войны. Вася со своими товарищами думали не о встрече после войны, а о том, как бы им поскорее попасть на фронт, где бьются их отцы, чтобы побыстрее разбить ненавистного врага, освободив Родину от захватчиков. Глядя им в лица, было заметно, что они повзрослели, даже как-то возмужали за 5—6 месяцев войны, в их глазах исчезли искорки шаловливости, даже хулиганского задора, а появилась строгость и ненависть к врагам их любимой многонациональной Родины, с желанием мстить и непременно победить врага, во чтобы-то не стало.

***

Первая декада декабря выдалась очень холодной, морозы в ночные часы доходили до -25°C , затем отступили, а 16 декабря прошёл снег и, если бы не война, то какую радость доставил бы детворе, превратив уже улегшийся, уплотнившийся в результате изменений по-

годы, в девственно белый покров, серебристого, блестящего на солнце кристалликами, наполняя детские души восторженной радостью и счастьем трудноописуемого состояния, присущего беззаботному детскому возрасту. Но этого не было. Радость была омрачена теми событиями, которые были предметом разговора всех, от мала до велика — о войне.

Сами боевые действия мало коснулись этого затерянного, если можно так сказать мира между, расположенного в живописной долине между мирной жизнью в недавнем прошлом и войной в настоящем. Колонны бронетехники и передвижение живой силы противника происходило в основном по дороге, связывающей Ростов-на-Дону с селом Дьяково на Украине, т.е. в трёх километрах в стороне и лишь небольшие их воинские подразделения, на автомобилях и мотоциклах появлялись в селе во время Ростовской оборонительной операции, двигаясь с севера на юг, в сторону Ростова.

Старшие жители села в такие минуты старались спрятать детей в сараи или подвалы, чтобы не подвергнуть всяческой непредсказуемой опасности, которую всегда можно было ожидать от неприятеля. И когда это происходило, Василий с кем-либо из своих новых товарищей взбирался на чердак, откуда через щели и небольшое чердачное окошко вели наблюдение за действиями фашистов. Их чуткие органы обоняния улавливали неприметные для других запахи оружия, смазки оружейной и начищенных, до отражения солнечных зайчиков, сапог, запахи топлива и выхлопных газов, запах нового и незаношенного обмундирования, и, что трудно объяснить — запах вражьего духа, раздражающего не только органы осязания, но и сам разум, вызывая желание броситься на них, вцепиться неокрепшими ещё подростковыми руками им в глотку, загнав пальцы в поганую плоть, вырвать кадык, через

который часто вырывался фанатичный клич «Хайл Гитлер!»

Можно только представить, какой ненавистью к врагу, каким желанием истреблять фашистов, не давая им марасть нашу святую русскую землю кованными, залитыми кровью славянских народов, сапогами, были полны солдаты Красной Армии многонациональной Советской республики. Какая боль и вина отражалась в их лицах, когда они были вынуждены сдавать позицию за позицией, селение за селением, город за городом, пока случилась, пусть пока первая, но не последняя и не главная Победа над врагом, до которой ещё были тысячи километров и тысячи трудных фронтовых дней и ночей, тысячи лиц погибших на глазах однополчан. Тот, кто видел эти мужественные и решительные лица наших бойцов во время наступления, с боевыми кличами «За Родину», «За Сталина!», тот никогда не будет сомневаться с нашей победе, победе русского оружия и ещё в большей степени победе русского духа.

Двадцатого декабря семья Домашенко и ещё несколько семей конно-санным обозом возвратились домой в Матвеев Курган. В отличии от эвакуации, проводимой в ночное время, сейчас это производилось с утра в дневное время. Зимний день короток и ближе к вечеру, ещё издали, с пригорка были заметны повсеместно струйки дыма, поднимающего в морозном воздухе вертикально вверх. Но они, зачастую говорили не о мирной жизни посёлка и не о том, что в натопленных домах, а зачастую, в ухоженных, убранных и натопленных хатах не печи пылают на дровах, угле или кизяке, а тлеи и дымились до конца не потушенные пепелища строений мирных жителей.

Сердце тревожно билось. Мать, сидевшая в конце саней, незаметно крестилась и шептала какую-то молитву. Хотелось плохие мысли гнать, но не получалось. Напря-

женную обстановку разрядил вопрос Васи, который он задал, не поворачиваясь, сидя рядом с кучером, обращённый матери:

— Ма! От бати могло уже прийти письмо? Наши-то уже, поди, как две недели Курган взяли. А может он в тех частях служит и домой заходил?!

— Может быть, может быть! — с улыбкой, не желая разочаровать сына, да и себя заодно обратным, отвечала мать — приедем, увидим.

— Хорошо, если будет где жить, — не сдержался огорчить всех кучер, — кто возвращается, половина точно уже без жилья осталась. Немцы сожгли или разбомбили. А, может-быть, вам и повезет — целёхонькой хатёнка останется, — увидев недовольные сказанным, поспешил ретироваться успокоением пожилых лет мужчина, двумя руками держа крепко вожжи и не вынимая изо рта дурно пахнущую плохой бумагой самокрутки.

— Лучше в подвале жить, но дома. Папаня добротный подвал выстроил, жить можно. Думаю, подвал-то уцелеет, однозначно!? — поспешил успокоить, не столько мать, сколько сестрёнку, которая сидела с широко открытыми глазницами, шмыгала носом и вот-вот могла заплакать, — всё хорошо будет! Вот увидишь, Машук!

На затыжном спуске к Матвееву Кургану, где неизбалованным скудным военным пайком притомлённым лошакам стало легче и ощущение близости и видимости родного села, поддало кучеру, а через него с помощью кнута, легким шлепком по бокам, они выпустили одновременно в морозный вечерний воздух из двух пар ноздрей пар, которым заволокло всех, кто находился в санях влажным конским выдохом с фырканием, что, естественно, привело к покрытию их инеем.

Первым возвращенцев встретил соседский парень, товарищ Васи, который был от него на год старший, это был Вова Цымбал:

— С прибытием, соседи! А мы два дня, как приехали, в станице на реке Кундрючке за Красным Сулином были эвакуированы. А вы где квартировали? — явно обрадованный тому, что в «нашем полку прибыло», как говорят, баламут Вова.

— Здорово дневали, соседи! Так казаки здороваются на Кундрючке? Да мы-то поближе были. Как тут? — спрыгивая с саней, которые ещё двигались за переминающимися в нерешимости тормозить или как, лошадьми, — поприветствовал Вася Вовку и выглядывающей из-за угла соседней хаты, бабы Глаши, бабушки-соседки, опирающейся на посох.

— Да, мы, слава Богу! А у вас стену «глухую» наполовину разворотило бомбой. Я мамке скажу, если чё, у нас покудова перекантуется, — так же улыбаясь, как будто принёс соседям радостную новость, констатировал факт, сосед.

— Спасибо, Вова! Здравствуйте, тётя Глаша! — ответила мама Васи, встав с саней и разминая отёкшие ноги, — ваши все живы?

— Все, тётя Варя!

— А писем не было вам или нам, не знаешь? — со слабой надеждой, но всё же спросила напоследок мать Васи.

— Не-а, почта пока не работает, обещают наладить, мы тоже от бати ждём. Его же разом с дядей Петей забрали. Ни одного письма не было. А ваш писал? — поинтересовался Вова.

— Два письма написал, но о твоём отце ни слова. Видать, не вместе попали, в разные части, — ответила Варвара Максимовна.

Сняли нехитрые узлы и лошади двинулись дальше по пустынной улице, а приезжие побрели, цепляя снег узлами во двор.

Зайдя во двор и обойдя хату, которую они оставили в добротном, даже примерном состоянии, увидели то,

что увидели. Рядом со стеной прихожей комнаты, хоть и присыпало изрядно снегом, но была видна воронка от разрыва бомбы. В стене зияла пробоина метра на два в ширину и без малого не под самый потолок, скорее всего, образованная сильной взрывной волной и осколками. Саманная стена обвалилась, образовав холмик, который также занесло снегом. Судя по отсутствию следов на снегу, мародёров в хате не было, как минимум последнюю неделю.

Зашли в хату, в прихожей стены были изрешечены осколками. Печь, сложенная традиционно в углу кухни, сопряженному с перегородками в центре хаты, служащими одновременно и обогревательными щитами с дымоходами, от кухни прихожую и перпендикулярно для обогрева зала и спальни. До войны в жилище располагались следующим образом: Васина кровать стояла в прихожей, сестры обитали в зале, а родители в спальне. По тем временам, это были ещё шикарные хоромы. Соседняя хата Цимбалов была вообще двухкомнатная и в ней, кроме родителей, жила бабушка и сын Вова.

Хоть соседи жили дружно, но стеснять их сейчас было не решением вопроса. Нужно было обживаться в своей хате. Когда осмотрели жильё и сарай с дровяником, мать приняла решение:

— Ох! Надо было нам хоть одну икону в святом углу оставить. Глядишь бы и спасла при бомбежке от разрушения. Маша, ты пойдёшь, наверное, ночевать к Цымбалам, раз пригласили. А мы с Васей попробуем дыру залепить и натопить в хате. А завтра, Бог даст день, тогда уже и будем все вместе.

— Ма, а, Ма! Ну, можно, я с вами? Вам помогу и не замерзнем мы, если вместе будем, вместе теплее. А, ма?

— Ладно, потом решим. Пока ещё не стемнело, нужно делом заняться, — отвечала мать, не глядя на дочь, суетилась по хате и что-то делала.

Дрова, что наготовлены были на зиму, хоть и поределели, видимо те взяли «в долг», кому они были нужнее, но остались и уголь под ними, который Вася успел заработать в качестве натуроплаты, работая на железнодорожном вокзале. Вася занялся растопкой печи, мать нашла старые одеяла, которыми намеревались заделать, временно, дыру в стене. Через полчаса в печке уже потрескивали дрова. Вася пошёл в сарай, принёс гвозди и молоток. Вдвоём с сестрой, пока мать занималась приготовлением ужина, натянули и прибили к стене рогожки и одеяла и навесили на дверной проём между прихожей и залом простой коврик, снятый со стены у кровати.

Разобрали узлы, с которыми приехали и утомлённые присели на кухне за стол. Поели нехитрый скарб и кое-какие припасы из подвала, и с большим удовольствием, радуясь не столько тому, что утолили голод, а тому, что они, наконец-то, дома, а «дома и солома едома».

— Мама, в хате уже не так и холодно. Можно я дома с вами останусь, я, не раздеваясь буду спать, а? — присев перед уставшей матерью и положив ей на колени свои маленькие ручонки, как это делает щенок, когда ластится к хозяйке и не мигая смотря ей в глаза.

— Ой, ну что мне с тобой делать. Оставайся. Вася, ты тогда скажи соседям, что мы дома заночуем и поблагодари, тётю Таню за приглашение, — мать не успела давать Васе наказ, а он уже был за дверью.

Началась новая жизнь, хоть на старом месте, в своём жилье, но в других условиях, в условиях войны в прифронтной зоне. А это значило, что нужно было привыкать к периодическим обстрелам и бомбежкам.

На следующий день Вася накопал в подвале глины, перебрал кучу руин с разрушенной стены и отобрал несколько практически целый кирпичей самана и куски, пригодные для кладки. Затем разобрал основание печигрубы, установленную во дворе, которое было также сло-

жено из самана и использовал собранный строительный материал для ремонта стены. Кирпичи сложил на глиняном растворе. И это было очень кстати. Буквально, с Рождества по старому стилю морозы, как по заказу снова усилились, но они были уже не страшны, в отремонтированном жилье из саманного кирпича было тепло. Правда взрывной волной выбило практически все стёкла. Но и это не стало проблемой для парня, который многое перенял от мастеровитого отца.

Перед Новым годом, как подарок от Деда Мороза пришло письмо от отца. В письмо он сообщал, что жив и здоров и в его жизни произошли серьёзные изменения в лучшую сторону, как бы это не было неправдоподобно читать в письме от бойца с фронта, но так все и было. Командование узнало о профессии Петра Леонтьевича, а такие специалисты и на фронте дороже золота, а потому он был переведён из первого эшелона фронта в ремонтную мастерскую интендантской службы. Здесь под его началом были подмастерья, бойцы, выполняющие трудоёмкую несложную и подготовительную работу, и через какое-то время могли сами сносно ремонтировать обувь и форменную одежду.

***

Выйдя 2 декабря на линию Миус-фронта, боевые соединения Красной Армии, без поддержки танков и артиллерии попытались «с пылу, с жару», пока немцы не опомнились, атаковать их 3 — 5 декабря, но попытка была безуспешной. Противник успешно отбивал все атаки, используя артиллерийский, миномётный и пулемётный огонь по наступающим из хорошо оборудованных укреплений и окопов во весь рост.

Вторая попытка с 10 по 15 декабря 56-я и 9-я армии предпринятая с целью ликвидации таганрогского плац-

дарма противника также не имела успеха. При этом Красная Армия несла очень ощутимые потери.

Третью попытку пробить немецкую оборону «Миус-фронта», которая происходила 25—29 декабря, Василий, со своими товарищами, которые в это время находились дома, могли воочию наблюдать с наполовину разрушенного высотного здания элеватора. Особенно ожесточённые бои происходили левее по линии фронта от Матвеева Кургана, в районе с. Ряженое. Справа, в стороне с. Куйбышево также слышны были отголоски боевых действий. Потери наших войск исчислялись десятками тысяч только в результате этих декабрьских боёв.

Неудачные попытки прорыва линии фронта и большие потери послужили смене командующего Южным фронтом, вместо генерала-полковника Я. Т. Черевиченко был назначен генерал-лейтенант Р. Я. Малиновский. Сменился не только командующий 56-й армией, но и многие командиры дивизий и бригад. Нужны были, конечно, какие-то изменения и политуправления, естественно разбирались в причине неудач, если ничего не сказать, но от этого существенного на фронте ничего не происходило и пока не могло произойти. Только после войны историки смогут сопоставить все факты и сделать какие-либо выводы об этих событиях. А пока, просто гибли люди, советские люди, ставшие на защиту своей земли, своей Родины и потери были огромные. Это потом те же историки назовут «Миус-фронт» вторым Сталинградом, из-за ожесточённых боёв и колоссальных потерь живой силы и техники, конечно.

Вольготно себя чувствовали немецкие бомбардировщики Ю-88, He-11, Do-217, сеявшие смерть и разрушения не только на линии Миус-фронта, но и бомбили железнодорожные узлы Ростова-на-Дону, Батайска, Матвееву Кургану тоже доставалось. Таганрогский аэродром был мощной авиационной базой, откуда немцы даже долета-

ли и бомбили Сталинград и Астрахань. В небе господствовали истребители Ме-109 и штурмовики Ю-87. И не всегда в воздушном бою их встречала наша авиация. А, если это случалось, то парни, являющиеся невольными свидетелями, помогали всячески нашим лётчикам и жёстами, и проклятиями в адрес «гансов». И, как им казалось, их помощь имела определённый успех, но не всегда.

Дома, Вася, да и его товарищи, конечно же, получали нагоняй, но что могли сделать матери или бабушки? Да ровным счётом ничего. Отцы, слово которых было закон у большинства были на фронте и уже некоторые успели получить «похоронки» на них.

За два-три дня до приезда Васи с родными из эвакуации, ушёл добровольцем на фронт Мишка Протасов и Колька по прозвищу Каланча. Мишке шёл уже восемнадцатый год, а Николаю и 17 ещё не было, потому оба, для убедительности приписали себе годик-другой. И особых возражений не было, так как рост у них был довольно внушительный и как говорится «кости есть, а мясо растёт».

Вася сильно жалел, что не успел проводить друзей-товарищей. Когда с матерью заговаривал о фронте, мать сразу обрывала сломали:

— Рано тебе об этом думать... Мал ещё!

Васе, после этих слов не начинал спорить, помня наказ отца, что он остаётся старшим в семье и он — единственная опора матери. Но мысли о том, чтобы попасть на фронт, но не в армейскую мастерскую, где ему пришлось бы чинить обмундирование, как его отец, а в передовые отряды, чтоб иметь возможность уничтожать фашистов, тех, кто разрушил города и села, под бомбами, снарядами и пулями которых гибли не только солдаты, но и много мирных людей и об этом не нужно было слушать по радио, читать в листовках, информационных ли-

стах и редких газетах, а видеть воочию и осознать всю трагедию войны, когда хоронили как попало и в чём попало убитых военных и гражданских людей и, случалось, что и детей.

V

Школа, в которой Вася закончил 7 классов полгода назад, была оборудована под госпиталь и там было круглосуточное оживление, туда постоянно привозили раненных и часто тяжелых. Тех, кто не смог противостоять и бороться с теми увечьями, которые им доставались в боях, порой зловещие, на которые, непривычный к такому зрелищу человек не мог даже смотреть, пока это не входит в привычку, тех, кто, отдав Богу душу и жизнь «за Родину!» и «За Сталина!», без особых почестей хоронили здесь же невдалеке, в парковой зоне селения, недалеко от самой школы.

Разве было тогда время думать о почестях или о том, чтобы после войны эти захоронения были в подходящих для этого мест, над ними установили надгробья и памятниками с имена героев? Конечно, нет. Это хорошо, что они были преданы земле, в отличие от тех, кому судьба быть погребенным взрывом в окопе, блиндаже, просто на поле боя, где, из-за сложности боевой обстановки, собрать погибших бойцов и захоронить по-человечески было невозможно.

Но не это привлекало молодых парней к школе, где располагался госпиталь. Им хотелось из первых уст, как говорится узнать побольше подробней о войне от тех, кто участвовал непосредственно в «постановке» театра боевых действий. Когда им счастливо поговорить с бойцом, у которого ампутировали ногу или руку, кото-

рый весь в бинтах, но его состояние позволило упротить санитарок выйти самому или помочь им выйти на улицу, чтобы подышать свежим морозным воздухом и, просто увидеть белый свет, после бессознательного мрака и времени прихода в такое состояние, когда говорят: «Жить будет! Его жизни ничего не угрожает...». Как знать, подлжит ли он списанию под чистую, комиссуют его, как инвалида или он сможет уговорить комиссию, что «я ещё повоюю, только дайте мне такую возможность, мстить ненавистным фашистам за все их преступления и жертвы в результате их...».

Как правило, одного-двух бойцов можно было встретить, куривших самокрутки, аппетитно причмокивая, явно получая удовольствие и от курева, и от мысли «я ещё повоюю!». А так как парень обладал способностью интуитивного мышления, то он очень быстро смекнул, как облегчить процесс вхождения в доверие, чтобы разговаривать бойцов, и они были с ним откровенным, а не отправили туда, откуда он только пришёл.

Вася вспомнил, что мать, борясь с молью, рассовывала в сундук и комод приоткрытые и завязанные в платочки пачки табака. Моль, тварь «некурящая» и мало того, не переносящая резкие запахи, в отличие от людей. Воспользовавшись отлучкой матери по делам, достал из известных ему мест табак, отправился сначала к соседу Вовке, чтобы тот составил ему компанию и затем, уже вместе в госпиталь, который располагался от них метрах в четырёхстах, не более того и-то, если идти по улице, а напростец и того меньше.

Вовка с радостью согласился, и парни двинули, средав дистанцию, почти вдвое. Увидев, недалеко от входа со двора школы, сидевшего на ящике из-под боеприпасов солдата. Он сидел задумчиво, установив перед собой костыли, положив руки на перемычки для упора рук при ходьбе и склонив голову на свои же руки, находился

в неподвижном положении, если бы не открытые глаза, то можно было подумать, что он спит.

— Здравствуйте, дядя! — произнёс более смелый из двух парней, Василий.

Боец не спешил с ответом, медленно повернул голову в сторону окликнувших его, оценил их с ног до головы, при этом одновременно поднимая голову и прямо глядя в глаза, ответил:

— Здравствуйте, здравствуйте! — и видя внимательно уставившиеся, как на заморскую диковину две пары глаз, спросил, — вы что хотели?

— Ой, извините, — спохватился Василий, — вы курите?

— Нет у меня курева, да и вредно вам молодым курить-то. А вот сам закурил бы, но не знаю, у кого бы «стрельнуть» табачку.

— Так мы не курим, а табачком, вот, пожалуйста, угощайтесь, — и Вася второпях достал из кармана пальто и протянул солдату пачку табака.

— Шикарно живёте, пацаны! И не курите?!

— Не-а! Не балуемся, — хором ответили Вася с Вовой.

— От этого подарка грех отказаться, приму с удовольствием, — служивый отстегнул пуговицы ватника, под которым у него был байковый госпитальный халат, из кармана которого достал кисет.

Рассупонив кисет, боец аккуратно пересыпал в него часть табака из пачки, и протянул пачку назад Васе:

— Спасибо за новогодний подарок! Очень кстати, — улыбаясь, произнёс военный.

— Забирайте весь, мы и правда не курящие, а наши отцы на фронте, — спрятав руки за спину, для убедительности, ответил Вася, может где-то и наших батькив угостят.

— Может быть, может быть, грустно произнёс боец, о чём-то думая, — а твой товарищ, случаем, не немой? —

улыбаясь, отбросив первоначальные мысли, спросил солдат.

— Не-а! — ответил, наконец-то, Вова.

— Ну, хорошо, я с братвой в палате поделюсь, — высыпая оставшийся табак, с явно приподнятым настроением, разрешил таким образом неловкую ситуацию военный.

— Дядя, можно спросить, как вас зовут? — уже более уверенно продолжил беседу Вася.

Солдат заулыбался и от этого, и от прищура глаз у него по лицу побежали мелкие морщинки. По всему было видно, что парни развеселили его и он уже почти гоготал, забыв про перебитую и сложенную кое-как правую ногу и вынутые осколки от мины из голени левой ноги.

«Сколько же ему лет? Такой, как отец или моложе чуток?» — глядя в смуглое лицо фронтовика, гадал Вася.

— Ну, вы даёте — дядя. А как вы думаете, сколько мне лет? — чуть помедлив и увидев, что его собеседники пожимают плечами, продолжил, — мне ещё и двадцати двух лет нет, это меня война успела так состарить, да пороховая копоть в кожу въелась. Я срочную проходил на больших сборах, войну встретил на Северной Буковине. И как-то Бог миловал, полгода как воевать довелось, сколько верст протопал и отступали и из окружения выходили, а везение закончилось ось туточки, на донской земле. Сам-то я с Тамани. Пришлось и Киев оставлять и Ростов вот, на Дону, который, а потом освободить, а теперича, для меня война может и закончится. А вы мне — дядя, та дядя. Какой я вам дядя? Собираются меня куда-то на Кавказ отправлять, в Майкоп или Кисловодск. С гипсом не повоюешь, а-то бы я им... Макаром меня зовут и без дяди. Сами, небось, если война затянется скоро нас на смену придёте. Скажу вам, будьте осторожны. Молодые гибнуть чаще всего в первом-втором

бою. А, если выживают, то ещё повоюют — факт неоспоримый, убедился не раз.

Макар неспешно, достал из того же кармана халата бумагу, свернул самокрутку и, закрыв глаза, сделал первую глубокую затяжку. Наступила тишина, боец наслаждался куревом, а парни боялись его потревожить.

— Я тут уже третью неделю почиваю. Как немцев за Миус прогнали, командование, видимо в запале азарта, приказало двигать дальше. Думали одним махом и Миус форсировать и фрицев из их «щелей» выкурить. Да, где там. Они как начали из пушек, миномётов и пулемётов по нам пулять, а нам и спрятаться негде, и кочки нет. Когда меня ранили, я пришёл в себя и понял, что помощи ждать не приходится, перетянул ремнем ногу выше колена, но в сапоге уже хлюпало... начал сам врываться в снег и, хватаясь за бурьян и за что придётся, пополз к своим, пока силы были. А потом, под покровом темноты, меня вытащили. Повезло, опять повезло. Жив остался. Видимо я военврачу понравился, пожалела меня и ногу не отхватила, оставили до выяснения... И слава Богу, гангрены не было и верю, что еще смогу без костылей ходить по нашей, свободной от фашистской нечисти земле, хлеб растить, детей рожать и воспитывать. Я же ещё молодой и неженатый.

О чём-то задумался, погрустнел солдат и продолжил:

— Заболтал я вас пацаны. Как дома побывал, душу отвёл. Спасибо вам! Да, чуть не забыл, — он расстегнул верхнюю пуговицу стёганного ватника, запустил руку за воротник и достал крестик, — вот, если придётся и вам повоевать с этим отродьем, — и он кивнул головой в сторону линии фронта, — пусть матери повяжут нательный крест. Верите вы в Бога или нет, но Он меня спасал и не раз, поверьте мне, врать для меня резона никакого нет.

Боец поднёс крестик к губам, поцеловал и осторожно вернул на место, а после этого непроизвольно, отстра-

нившись мысленно от посетивших его гостей, перекрестился. Наступила минута молчания, каждый думал о своем. Макар, взявшись за шапку, начал её быстро перемещать, то на лоб, то на затылок и было ощущение, что он ищет что сказать, как обычно, человек в таких случаях чешет затылок или темечко.

— Ой, простите! Совсем забыл. А вас-то как зовут, комсомольцы?

— Вася!

— Вова!

Ответы прозвучали «дуплетом» и напоминали ответ подчиненных на обращение командира, чётко и громко.

Макар заулыбался и протягивая для рукопожатия свою большую руку, добавил:

— Вот теперь полный порядок.

— Дяд... Макар, вы-ы.. ну, ты, это, — заговорил осмелевший Вовка, — выздоравливай. Может ещё вместе повоюем?!

— Держи! — Вася достал вторую пачку табака, о которой чуть не забыл, — угостишь товарищей.

— Эй, Макар! Вот ты где, я с ног сбилась по палатам тебя искать. Бегом в палату, — скрипнула, толи от мороза, толи потому, что навесы давно не смазывались, двери и появилась добрая фея, иначе и не скажешь, молодая красивенькая девушка, видимо, медсестра, в белом полушубке, наброшенном на плечи поверх медицинского халата, в валенках и у неё из-под белого платочка выбивалась волнистая прядь светлых волос и её строгость сменилась на добродушную улыбку, когда она представила, как Макар побежит в палату на костылях и для острастки, уже не строго, а шутя прикрикнула, — бегом я тебе сказала.

— Не бегу, а лечу на крылышках любви, моя спасительница дорогая, — Макар, опёршись на костыли, быстро поднялся, поправил костыли, опёрся на них и прежде,

чем «бежать», повернулся к друзьям, подмигнул и уже им сказал, — каково вам? За такой не то, что побежишь... Ух, с такой красотки портреты писать, а не с нами, бездвигательными и контуженными таскаться. Прошевайте, братцы!

Сестричка, улыбаясь придержала дверь, чтобы Макар прошёл, быстро стрельнула своими красивыми глазками на оцепеневших на месте парней и скрылась вслед за пропавшим, но к счастью найденным её пациентом госпиталя.

Друзья шли домой молча. Они не знали даже, как им расспросить солдата о войне его глазами, а получилось как-то само-собой. Возможно, Макар, прочитал их мысли? Но это уже не важно.

***

По всему было видно, что фронт остановился надолго. Одной из причин была непривычно холодная, даже для русских земель зима. Сказать то, что фронт был «заперт на замок» с вывеской «закрыт до весны», такого не было, но масштабных операций не проводилось ни одной, ни другой стороной. Так как одним из проблемных вопросов для нашего командования была ликвидация вражеских аэродромов, располагавшихся в окрестностях Таганрога. Неоднократно предпринимались попытки силами морского пехотинцев под руководством И. Г. Старинова и Ц. Л. Куникова, в январе-феврале — по льду, а весной — по воде со стороны Таганрогского залива. Диверсанты совершили более сотни рейдов в тыл противника, причиняя ущерб вражеской силе и, главное, технике, но вывести из строя работу аэродромов, к сожалению, не удалось.

На март 1942 г. командование советский войск приняло ряд разработанных операций, целью которой ставился разгром покровско-таганрогской группировки

противника на линии «Миус-фронта». Главные удары предусматривались нанести из Матвеева Кургана и села Ряженое. Планировалось операцию провести за два-три дня, совершив прорыв и захват Волковой горы и других господствующих в этом районе высот, а затем с обходом и ударом с севера этими силами и вторым направлением удара с востока со стороны Самбека взять в тиски таганрогскую группировку противника. Но, как говорится, «на бумаге всё хорошо, а деле...». А на деле произошло то, что произошло.

Подготовка заняла четыре дня и велась с нарушением скрытности. Немцы следили за всеми передислокациями, и группировка противника «Макензен» приняла меры для отражения наступления советских войск. Наступление началось рано утром 6 марта 1942 г. в составе четырех стрелковых дивизий и шести бригад. Но погода внесла коррективы, густой туман не давал возможность выполнить артиллерийскую подготовку и затруднял действие танков, операция была перенесена дважды и всё же состоялась, но только 8 марта.

***

Утром матвеево-курганцы были разбужены громогласным «будильником», роль которого выполнили орудия батареи, расположенной на восточной окраине поселка, в аккурат напротив улицы, где проживал Вася с родными. Снаряды на взлёте издавали характерные звуки, которые «догонялись» грохотом выстрелов, которые отставали на сотые доли секунд и от того образовывали «музыку» артподготовки, которую лучше никогда в жизни никому не слышать. Но человек ко всему привыкает. Когда всё это видишь и слышишь впервые — очень страшно, вторично — неприятно и волнительно, а в третий раз — привычным становится.

С рассветом сотни глаз были устремлены на запад, за реку, где на заснеженном пространстве балки Широкой, проходящей изначально вдоль поймы Миуса, а затем уходящей на запад и северо-запад, тем самым очерчивая собой два выступа кряжа: справа высоту 101,7 м, называемую местными Волковой горой; слева возвышалась гора с отметкой на карте 105,7 м, под которой располагался хутор Грунтовский. Даже с небольших высоток Матвеева Кургана была видна вся, можно было бы сказать красивая панорама происходящего, если бы она не была страшной, кровавой и трагичной.

Такие события не могли оставить друзей-товарищей без внимания. Сначала Вася вызвал из дома соседа, затем правдами и неправдами обманули серьёзную, даже сердитую бабушку Нюру, бабушку Вити Нецветая, которая считалась в семье не просто старшей, а главной, хоть ей и было в отличие от матери Вити около семи прожитых десятков лет. В такое беспокойное время, когда все понимают, что обстрел позиций противника неминуемо приведёт к ответным действиям, просто может пройти какое-то время, а чувство самосохранения терять никогда нельзя было. Но как вышло, так вышло — женщина потеряла бдительность и отпустила своего любимого внука через «КПП» в виде калитки с выходом на ул. Таганрогскую.

Троица не забыла и тёзку Цымбала, Вову Захарченко и уже вчетвером, где открыто, но чаще перебежками добрались до высоток развалин элеватора. Здесь их ждало разочарование. Там наши координаторы артиллерийского огня устроили наблюдательный пункт и нашим разведчикам пришлось ретироваться «несолоно хлебавши».

— Есть ещё один вариант! — словно прошибленный током, вскрикнул Захар, как прозывали чаще Вову Захарченко.

— Шо, за вариант? — заинтересовался Витя и все, остановившись, пристально смотрели на Вовку.

— Во-первых, во! — и он с гордостью достал из-под, давно просившего замены, пальто, полевой армейский бинокль.

— Ух, ты! Откуда? Где взял? Стырил? — сыпались вопросы сияющему от гордости Вовке.

Сделав значительную выдержку, чтобы завести друзей завидками, неопределённо ответил:

— Там, где взял, уже нету!

— А, шо ещё за вариант, Захар? — поинтересовался Вася, — не «трёхлинейка» у тебя там за пазухой?

— Нет. Я предлагаю, если у Миуса на водокачке водонапорная башня не «обжита», захватить её. Как мой план?

— Хороший план, но рискованный. Немцы же не дураки, бьют по высотным ориентирам. Но, айда, чё стоим, проверим, — поставил точку в нерешительности друзей Вася.

Подойдя к кирпичному сооружению, высотой в 3-х этажный дом, сложенного в виде треугольной башни с закруглёнными углами, кирпичи на которой, особенно с западной стороны были сильно изречены пулями и осколками, а кое-где и серьёзные разрушения кладки. Двери были наполовину открыты и в таком положении занесены снегом, по проходу внутрь было видно, что имелись следы входящих и выходящих, но не свежие, уже припорошенные свежим снегом.

— Нам повезло, там никого, — с выдохом и облегчением произнёс Захар, — за мной, банда!

И действительно, сегодня Захар был «на коне», как говорят, чего раньше особо не наблюдалось за постоянно «ведомым», крупным и довольно медлительным парнем.

Поднявшись по спиральной металлической лестнице, четвёрка оказалась на деревянной площадке, установ-

ленной на рельсы, применяющиеся в качестве опорных балок и одновременно для трёх цилиндрических ёмкостей, предназначенных для поддержания запаса воды и бесперебойной подачи потребителям и паровозов, а также, при необходимости пополнения запаса воды в пассажирских поездах. Отсюда, только с восточной стороны башни, через окно, как на ладони располагался железнодорожная станция с вокзалом. Если «на глаз» сказать, то емкости для воды были кубов по пять каждая. Вниз уходили трубопроводы для подачи воды от насосной станции и расхода её. В каждой из трёх плоских стен башни были выполнены небольшие оконца, стекла в двух из них были полностью выбиты, а в одном только наполовину. Всё это создавало сильный сквозняк морозного воздуха. Через окошко, выходящее на запад, был отличный обзор и все сразу прильнули к нему.

— Тихо-тихо, разошлись! — разводя собравшихся по сторонам скомандовал Вася, — на вас есть нательные крестики?

Вася улыбался и при этом смотрел на Вову Цымбала, который, конечно, понял о чём речь. Он тоже вспомнил слова Макара, раненного солдата из госпиталя.

— Откуда? Мы же все комсомольцы, да?! — с сарказмом произнёс Цымбал и достав, продемонстрировал всем, блеснувший серебром на простой суровой нити, а затем аккуратно вернул его на место.

Смеха не было, все замолчали и наступила минута тишины, которую разрядил, теперь уже не Захар, который оставался до сих пор в ступоре, а Вася:

— Захар, если ты не против того, чтобы твоим трофеем временно попользовались поочередно все, то разреши Вовке первому, как хранимому Господом, опробовать в «боевых условиях».

— Да, я... ну, это..., — начал подбирать Вовка Захарченко слова.

— Цымбал, бери! Вова не против, — скомандовал Вася и взяв из рук, не понимающего до конца в чём дело, Захара, передал бинокль Вове Цымбалу, — а мы давайте разойдёмся по сторонам. Она и шальная пуля, хоть и дура, но у кого потом спросишь почему и за что.

— Ну, да. Это точно, всем высовываться нет резона. Нужно очерёдность установить, — предложил Витя Нецветай.

— У меня батины часы есть, через сколько меняем наблюдателя? — спросил Цымбал, закатив рукав и тыкая всем отцовскими часами, которые он оставил сыну, уходя на фронт.

Договорились, что минут по десять для начала хватит и бдение за полем боя началось. Наблюдающий комментировал то, что происходило за Миусом с 6-тикратным увеличением объектов.

Изначально сообщения были радостные, но потом становились всё волнительнее и волнительнее. А, что же происходило там, в пойме реки со слов наших наблюдателей и с корректировкой их данных, с сопоставлением военных сводок о тех событиях, мы вкратце проследим.

— Братцы, морячки атакуют со стороны х. Колесниково в сторону горы влево, а другая бригада краснофлотцев движется на Волкову гору, — начал комментировать увиденное через бинокль Вова Цымбал.

Все стояли молча, как провинившиеся и за это поставленные в угол или присев, опирались спиной в стену башни, не перебивая наблюдателя, лишь изредка задавая вопросы типа — «а что там сейчас делается...?».

Поле битвы всё гуще покрывалось воронками от снарядов, а заодно и сраженными пулями, и осколками мин и снарядов, моряков, раненных или тех, чья жизненная стезя так рано и резко обрывалась здесь на подступах к неприступным рубежам «Миус-фронта».

Следующие наблюдатели сообщали о том, что чёрные бушлаты уже мелькают на вершинах и вот-вот враг будет сломлен. Советские части 68-й и 76-й морских стрелковых бригад, а также 2-й гвардейской стрелковой дивизии проявили невиданный, как минимум на «Миус-фронте» героизм, но этого было мало для победы, они попали под сильный минометно-пулеметный и артиллерийский огонь, а после оттеснены и отброшены назад танками противника.

***

Горько было смотреть на то, что вызывало большую надежду и так она оборвалась вместе со страшными невозместимыми потерями бойцов. Попытки атаковать немцев повторялись, но не было ни факта внезапности, ни тактического преимущества и, возможно стратегической компетентности командования. Всё в совокупности привели к плачевным результатам. За три дня попыток взять миусские высоты, в боях 8–10 марта 1942 г. потери РККА в районе Матвеева Кургана составили свыше 13 тыс. человек.

Стрелковые части боевых соединений наспех доукомплектовывали и вновь бросали туда, где уже павшие днём ранее боевые товарищи или незнакомые вовсе бойцы, пали в смертельном бою с врагом, по сути дела в открытом поле, становились им единственным укрытием и их обездвиженные тела ещё какое-то время, принимая на себя град пуль вражеского обстрела могли защитить их временно до следующего, уже смертельного броска на ненавистного врага.

В марте были предприняты еще две попытки прорвать немецкую оборону, но и они не дали результатов, вынуждены были возвратиться на свои позиции неся большие потери. Только убитыми потери 56-й армии

превысили 20 тыс. человек, 68-я, 76-я и 81-я морские стрелковые бригады морских пехотинцев, которых командование использовало на направлении главного удара, потеряли около 70% всего личного состава.

Какие чувства и эмоции испытывали 15-16-летние пацаны, видя, как на их глазах гибнут люди, те, которые ещё весной сеяли пшеницу, в июне месяце косили сено, работали в колхозах и на заводах, женились, любили и воспитывали детей, мечтали и строили планы и всё. Всё! Они есть, они лежат на поле, сраженные кусочком металла, пули или осколка, изготовленной из стали, выплавленной их руд Рура, они есть и их уже нет. И ещё неизвестно, узнают о их последнем бое их же родные, а может быть, если получат, то это будет извещение с формулировкой «пропал без вести». Десятки тысяч павших солдат, из которых только меньшая часть будут захоронены в братских могилах.

Убитых, а порою и раненных, но не способных самостоятельно двигаться, выносили с этих мест, обильно пролитых кровью бойцов, не только те, кому это входило в обязанности, но собрать столько людей и тем более в то время, когда бои не прекращаются, очень трудновыполнимая задача. Многие из местного населения, взрослые и подростки добровольно оказывали помощь, подвергая и свои жизни опасности.

Подростки, юноши и девушки, те, кого не страшили и не вызывали психологические реакции, виды убитых, а иногда с оторванными конечностями и другими страшными смертельными ранами, что и бывалым было не по себе, предлагали свою помощь тогда, когда на фронте было затишье и похоронные команды, организованные командованием частей, выходили на тяжёлую и физически и, особенно, морально, работу.

Конечно, существовали правила захоронения советских офицеров и бойцов рядового состава, утверждён-

ных в приказе №138, от 15 марта 1941 года, но он не мог всё предусмотреть. Порою, личный состав оставшихся в живых, после ожесточённых боёв был количественно меньше, чем требующих оказания помощи из-за ранений и просто захоронения, так как отвоевались. Кроме этого, в приказе указывалось в каких местах стоит захоранивать убиенных и то, что офицеров надобно хоронить отдельно, рядовой состав допускалось захоранивать в братских захоронениях. Разрешалось хоронить на гражданских кладбищах, в скверах и парках. Что и выполнялось в Матвеевом Кургане, но не везде и не всегда.

Часто, как и повсеместно, убиенных, не взирая на звания и на то, какой армии принадлежал, хоронили в братских могилах, в лучших случаях, да и такое часто случалось, убитых просто сносили, свозили и стаскивали в воронки, окопы, канавы и присыпали землёй. Пока стояла морозная погода, поле боя представляло собой своеобразный морг под открытым небом, но весна приближалась не только календарная, которая уже началась, а природная с теплыми солнечными лучами, таянием снега и не только... Вот тогда-то и начнутся проблемы.

После трагических мартовских событий на «Миус-фронте» вновь наступило затишье. Но затишье, как известно бывает и перед грозой. И первый гром грянул, да так грянул, что Харьковская операция дала такую трещину советской обороны на Южном фронте, что инициатива полностью перешла германской армии. Германское руководство приняло решение о стратегическом наступлении по двум направлениям — на Волгу и на Кавказ.

***

Несмотря на то, что Миус-фронт потерял своё предназначение, на его рубежах, благодаря предусмотрительности германского командования, продолжалось строи-

тельство оборонительного укрепрайона. Выгодный, в случае временных неудач немцев, рельеф местности, позволял им снова закрепиться на тех рубежах, которые сам Гитлер назвал «новой границей Третьего рейха».

А, что же наше командование, высший командный орган, Ставка Верховного Главнокомандования? Конечно же, они не бездействовали и все изменения на фронтах были отражены в их приказах и разработках Генерального штаба Ставки Верховного Главнокомандования по стратегическому планированию и руководству вооруженными силами на фронтах. Насколько стратегия советского командования была верной и всегда ли было так — это вопрос не нашей компетенции, тем более что весь советский народ свято верил в правильность стратегии и тактики ведения боевых действий, хотя и были инакомыслящие. Как с ними поступали, тоже все были наслышаны и старались об этом вслух не говорить.

Ошибки, допущенные при обороне Ростова-на-Дону осенью 1941 года, давали возможность исправить их в дальнейшем. Вот только, верили ли в той-же Ставке, что придёт время снова отступать и сдавать город, который из-за этого на долгие годы, с подачи руководства страны был покрыт позором. Можно подумать, что те, кто так думал, не допускал ошибок, которые с учётом занимаемых должностей, значили намного больше, чем те, что допускались здесь, непосредственно в армиях и дивизиях.

Пока на Миусе стоял фронт, а он стоял долгое время, почти восемь месяцев, в окрестностях донской столицы строились оборонительные сооружения. Но, как уже отмечалось, зима 1941—1942 гг. была экстремально холодной, что в конечном счёте повлияло на ход зимней кампании на фронтах. Не только зима, начавшаяся не календарно, а в ноябре снегом и морозами, но и в марте месяце, вплоть до 25 числа морозы в низо-

вье Дона и Миуса не спадали. Весна запомнилась невиданным половодьем рек. К тому же в июне-июле прошли сильные дожди, что привело к размыву дорог и не только.

Большая часть оборонительных сооружений «ворот Кавказа», как называли г. Ростов-на-Дону, находившиеся в низменных местах дельты Дона, оказались затопленными. Ко всему, в июле-августе в южных районах установилась изнурительная жара, со значением температуры, приближающейся к $+50^{\circ}\text{C}$.

В результате решительного наступления Миус-фронт был прорван немцами и 22 июля они вытеснили советские войска из Матвеева Кургана, а уже 24–25 июля 1942 г. части 17-й полевой армии под командованием Р. Руоффа заняли города Ростов-на-Дону и Новочеркасск. Хотя бои ещё несколько дней продолжались на улицах в донской столице, но основные силы Южного фронта под командованием генерал-лейтенанта Р. Я. Малиновского, неся огромные потери, отступили за реку Дон. Потери 56-й армии за пять суток сражений были настолько огромные, что из личного состава в 100 тысяч человек, в ней насчитывалось всего 18 тысяч рядовых бойцов и командиров.

После этого драматического события был издан известный приказ Наркома обороны СССР №227 от 28 июля 1942 г. «Ни шагу назад!» В нём говорилось так: «Часть войск Южного фронта, идя за паникерами, оставила Ростов и Новочеркасск без серьезного сопротивления и без приказа Москвы, покрыв свои знамена позором...».

Этот приказ послужил основанием для создания заградительных отрядов, штрафных рот и батальонов. Задачей данных нововведений была попытка остановить стремительное продвижение немцев на Кавказ и на Волгу.

VI

Жизнь в немецкой оккупации не то, что мёдом, назвать жизнью можно было чисто условно. Но справедливости ради нужно сказать, что в самом Матвеевом Кургане немцы особо не зверствовали, как в некоторых ближайший сёлах, таких, как Троицкое, расположенное километрах в пятнадцати от Таганрога. В Матвеевом Кургане располагались воинские соединения обеспечения и различных тыловых интендантских служб.

Основная проблема заключалась в том, что люди жили в нечеловеческих условиях из-за того, что жильё было разбито или сожжено, в пригодных домах поселились немцы, потеснив хозяев или просто выжив на улицу, в непригодные для этого сараи, подвалы или что-бы они, в свою очередь потеснили соседей. Жильё семьи Домашенко в настоящее время, хоть и было изначально неплохим, по довоенным меркам, а после того, как сильно пострадали от бомбежки стены и крыша, немцы на него не позарились. А вот холодной зимой им приходилось приютить и обогревать всех в том нуждающихся.

Этот год был отмечен и тем, что все имеющиеся продовольственные припасы были или съедены, или розданы нуждающимся и частично немцам, которым как откажешь, ведь теперь они были хозяевами положения и неповиновение могло дорого обойтись. Военное положение и обстановка в близко прилегающих к фронту районов и населённых пунктов не позволяли с приходом поздней весны заняться посадкой огородов, а посевных площадей в колхозах под строгим учётом местного самоуправления, под пристальным присмотром германских ставленников, старост, бургомистров и комендатур. Что было делать, как минимум очень рискованно, если не сказать, что невозможно и по большому счёту нечем,

из-за практического отсутствия посевного и посадочного материала у населения.

Фронт ушёл далеко на восток и на юг. Немцы любовались видами матушки-Волги, хоть и через линзы биноклей и заснеженными вершинами Большого Кавказа.

Последнее письмо от отца, датировалось концом июня. Его письма были сухими, как сводки Совинформбюро. Иногда писал, что воюю, бью ненавистных фашистов, а заканчивал словами «Мы победим! Победа будет за нами!», как будто выступал перед новобранцами с напутствием.

Но все домашние понимали, что он вместо винтовки, чаще всего держит в руках сапожный молоток, шило, суровую нить и скорняжную иглу. Хотя, по большому счёту, в глубине души были рады этому — больше надежды, что придёт не похоронка на отца, а он сам живой и здоровый.

Одно могло радовать, если так можно сказать, что весной, хоть и с опозданием от обычных сроков, зацвели сады, хотя и деревья, как люди, какие не перенесли сильно холодной зимы, другие по той же причине пошли в топку печей, но что-то и осталось. Радости от цветения деревней было мало, даже не все этого замечали, их мысли были заняты другим. Не где-то далеко, а здесь и сейчас была война и, что самое страшное, люди начали уже к этому привыкать, привыкать к обстрелам, виду раненых и убитых к «похоронкам» и сообщениям о пропаже отца или сына без вести на одном или другом общевойсковом фронте, от Карельского до Кавказского. Но чаще всего эти потери земляков наблюдались на Южном и Юго-Западном фронтах. И этому было простое объяснение. Воинские подразделения формировались из призывников и резервистов вблизи расположенных областей и районов. Иногда новобранцы не успевали изучить ни Устав, ни матчасть, ни научиться просто стрелять из вин-

товки и уже х бросали в бои, так как фронт задыхался нехваткой живой силы, необходимо было из-за больших потерь постоянно пополнять боевые формирования и соединения.

Вишни начали созревать в самый канун прорыва фронта, как будто их наливные кроваво-красным соком ягоды были сигналом начала следующего этапа кровопролитных событий на Миус-фронте и второй обороны г. Ростова-на-Дону от массивной и хорошо организованной наступательной операции войск вермахта. Нетерпеливые дети срывали кислыми ягоды, которые, хоть и имели светло-красный оттенок, но были ещё далеко незрелыми и кислыми. Дети кривились, но отказать себе в том, чтобы с каждым днем не опробовать всё новые, медленно зреющие ягоды.

Люди, живущие в оккупации, осознавая нелегкое свое положение, всё же взбадривали себя тем, что их брэнное существование и близко нельзя сравнить с тем, что приходится ежедневно испытывать их родным и незнакомым совершенно воинам, под ежедневными обстрелами, бомбежками, в смертельных сватках, когда только Богу известно, кто сможет из этой кровавой бойни сегодня вернуться живым и невредимым. Все мысли и разговоры, конечно, были о войне, о положении на фронтах по проверенным информационным сообщениям, чаще всего из листовок, чудом просочившихся в, уже глубокий немецкий тыл, территорию занятую ими и где, по понятным причинам хозяйничали и распоряжались новые хозяева по новым законам и правилам, установленным ими. Но больше всего информация доходила по слухам, быстро распространяемым в народе, производимым осторожно и шепотом.

Вторым источником информации служили сами немцы и доводимая населению через организованные ими же органы местного управления, комендатуры, по-

лицейские и карательные органы. Но для исполнения всей «грязной» работы все органы использовали «русскую вспомогательную полицию». Чаще всего в этот, как в народе называли «халуйский орган» по прозвищу тех, кто добровольно вступал в неё, принимали тех, кто пытался всячески очернить социалистический строй, предать и выдать местных руководящих работников райкомов партии и комсомола и тем самым облегчить собственную жизнь, выходя преданными слугами перед германскими «работодателями».

Находясь под покровительством немцев, они, естественно, не бедствовали, как большинство населения оккупированных германскими захватчиками территорий. Были, конечно, и среди обычных граждан «стукачи», чаще всего из тех, кто при Советах «стучал» на «инакомыслящих», на тех, кто подходил к определению «враг народа» в большей или меньшей степени, как «вредители социалистической собственности», теперь, поменяв «квалификацию», вернее — приоритетность, а проще сказать, «перекрасив» себя в ярых противников того, чему еще вчера молились и восхваляли.

Эти «холуи» были страшнее, чем открытые враги, чем те, кто, возможно, стрелял в бою в наших советских бойцов, а при общении с хозяйкой русской хаты, где им приходилось квартировать, делились мнением, глядя на детей хозяйки и иногда даже угощая их шоколадками: «krieg ist schlecht... ich habe auch Kinder zu Hause...» — ругая Гитлера и Сталина заодно в развязывании этой кровавой бойни. Дискутировать даже с такими откровениями немцев могли разве такие бесстрашные и молодые, знающие более-менее значение немецкой речи, как Василий. Но это всегда было рискованно, хотя бы из-за того, что говорить на русском языке, если немец тебя не понимает — бесполезно, а составлять фразы на немецком чреватые непоправимыми ошибками, когда

из-за них мог теряться даже смысл сказанного. Но слыша родную, хоть и корявую речь от русского юноши, всегда приветствовалось.

Лучше всего было — понимая то, что тебе говорят оккупанты, отвечать конкретно и то, что от тебя требуют, не вызывая раздражения оппонента, тем более, что ты с ним выступаешь в «разных категориях»: он хозяин — ты слуга; ему позволительно всё — тебе только то, что не оскорбит его; он — представитель привилегированной расы, а ты — сын врага, стреляющего в солдат рейха из окопов по ту сторону фронта.

Но когда постояльцы, пусть и солдаты войск захватчиков, но не передовых строевых частей, а частей обеспечения, в которых даже большинство офицеров — не кадровые военные, а бывшие гражданские специалисты, инженеры, строители, снабженцы, врачи и прочие специалисты, вынужденные одеть шинели, то даже это можно было понять. Конечно, даже их взгляды сильно отличались от тех, кто каждый день мог ощущать на себе ненавистные взгляды защитников своей земли, пусть не лоб-в-лоб даже, а через прицельную планку винтовки, слышать запах пороха и присутствия, даже в нём и в беспримерном героизме, «русского духа».

И население, вынужденное проживать на оккупированных немцами территориях, быстро привыкли и к установленным порядкам, и к тому, что можно, а чего категорически нельзя делать, а главное то, что фронт ушёл далеко на восток и на юг, что способствовало тому, что наступил период затишья, без обстрелов и бомбёжек. Хоть и говорят, что «можно привыкнуть ко всему, кроме мысли о смерти», но во время войны, даже мысль становится намного актуальней и ещё из-за того, что не только слышишь и видишь «похоронки», приходящие знакомым, соседям, родственникам, но и воочию видишь смерть и не однажды, а очень часто.

Место отдыха населения до войны, парк и территория школы были изрыты и их «украшали» захоронения советских воинов, погибших во время противостояния на Миус-фронте и тех, кто умер от ран уже в госпитале. К тому же были и захоронения немецких солдат. Германских офицеров было принято отправлять на родину, где они предавались родной земле, а рядовой солдатский состав такой привилегии не имел. К тому же в боевых частях немцев воевали итальянцы и венгры, румыны и болгары, и представители других народов центральной и восточной Европы. Вся Европа снабжала Германию не только вооружением, материалами, продуктами питания, но и огромными пополнениями армий живой силой союзников.

Родные давно уже не получали писем и известий от отца. Мать, Варвара Максимовна, при детях не подавала вида, держалась, насколько это было возможным бодро и непринуждённо и главным для себя считала — сберечь своих детей, по возможно накормить их и пережить тяжелые времена. А сколько этим тяжелым временам ещё суждено было продлиться, никто не знал. И главное, нужно было не терять надежду, не паниковать.

С начала 1942 года, руководство Германии, решая вопросы дешевой рабочей силы, начало вывозить из оккупированных районов СССР, в основном Украины и Белоруссии молодых людей. Изначально вывоз был под девизом сознательности и добровольности, возлагая надежды на то, что молодежь позарится за привилегии возможности жизни в цивилизованном обществе. Но вскоре эту акцию назвали «угон» в рабство.

Несмотря на то, что не только дочь Маша, но и сын Василий не высказывали своим видом того, что они являются подходящим «товаром» рабочей силы и возрастом, и ростом, но, когда услышала о первых отправлениях

в Германию, волнение, переходящее в страх, усилилось. Она старалась держать детей подле себя и прятать от глаз захватчиков, насколько это было возможным. Если с Машей, в большинстве своем, ей это удавалось, то с Васей было намного сложнее, он был трудно управляем. Неподчинение своё он часто оправдывал необходимостью содержать семью и часто во многом был прав, так как невероятным образом мог заработать или достать хотя бы элементарный кусок хлеба.

С наступлением холодов, особенно зимы, стало особенно трудно и не столько от холода, так как добыть тех же дров на развалинах строений и остатках сожжённых хат ещё было возможным, а вот с пропитанием становилось всё хуже и хуже. Купить что-либо или обменять тоже стало проблемно.

Альфред Розенберг, прозванный «министром восточных территорий», объяснял, как нужно заставить граждан оккупированных территорий работать на вермахт, ещё задолго до нападения Германии на СССР, ещё 1 июня 1941 года в своих «12 заповедях» для немецких властей оккупированных территорий: «...Нищета, голод, неприязнительность — удел русского человека уже многие века. Его желудок переварит всё, а потому — никакого ложного сострадания. Не пытайтесь подходить к нему с германским жизненным стандартом в качестве меры и изменять русский образ жизни...».

И власти местного управления примерно так и поступало. Люди, которым нечего было кушать охотнее соглашались выходить на работы, именно, не принудительно, а даже добровольно, чтобы получить малокалорийный, но паёк, позволяющий частично восстановить силы. Василий подходил по возрасту для обязательного привлечения к работам, хотя и выглядел по-прежнему, как ребёнок лет двенадцати-тринадцати. В этом невысоком пареньке было не столько физических сил, сколько упорства, ду-

ховной силы и желания во что быто ни стало доводить задумки или поставленные ему задачи до конца.

Несколько раз он совместно с другими людьми, в большинстве своём с группой женщин, юношей и девушек он доставлялся на рубежи укрепрайона Миус-фронта, где им предстояло выполнять тяжелые работы по усилению уже имеющихся оборонительных сооружений и строительства новых. Они представляли собой несколько заградительных линий оборонительных сооружений, от Донбасса до Азовского моря. Конечно, он этого не знал, но даже потому, что видел, понял — «Э, брат-Кондрат! Фашист мне — не камрад! Придётся, видимо, тебе ещё взахлёб напиться миусской водицы. Не уверен ты в своей победе, хоть и кричите, что Москва уже практически взята и Волга скоро за спиной вашей окажется. Врёшь, немец — нас так просто не возьмёшь!..».

И он уставший, изнеможенный, радовался тому, что увидел. Если строятся и усиливаются оборонительные линии, значит он совсем не исключает возможности вскорости оказаться в этих окопах вместо того, чтобы испить волжской водички и маршировать дальше на восток.

Сейчас даже пожалел, что он не воюет, как его старшие товарищи, с которыми он до войны не раз бывал в этих местах, созерцая с Волковой горы на Матвеев Курган, как они мечтали — кем станут после школы и большинство высказывали желание остаться дома, отслужить и, возмужавшими, жениться, создать крепкие семьи, пахать и сеять, растить детей и радоваться счастливой жизни в свободном обществе. Подумал о том, что было бы хорошо сделать схему укрепрайона с расположением долговременных оборонительных точек (ДОТ). Представил себя разведчиком, которому командование дало такое важное задание.

— О чём задумался, кормилец? — спросила мать сына, возвратившегося с работы с выданным скудным пайком, который она, конечно же разделить на троих, но работнику, конечно же, больше.

— Да, ничё, ма! Что тут слышно? — отвлекая мать и себя от засевших в голове мыслей, спросил Вася, хотя знал, что мать могла ему ответить, когда люди или сидят, как мышки по домам, или боятся поделиться теми новостями, которые по какому-то счастливому случаю узнали.

А по большому счёту, все знают, что идёт война и, в отличие от первых дней, когда войне предрекали быструю победу, конец его не быстрый и ещё много людей она погубит, эта война.

— Ничего нового, сынок, не случилось. Ты береги себя, Вася. Не прекословь начальству, коли говорят, что делать. Сам понимаешь, мы подневольные. Когда же закончится эта проклятая война?! — Варвара Максимовна отвернулась и поднесла фартук к лицу, делая вид, что нос вытирает, но Вася-то знал, что она вытирала слёзы.

— Ты не знаешь бабу Марфу Левченко? Должен знать, у неё внук, кажется, на год от тебя меньше, она недалеко от школы живёт, у них немцы поселились, дом уцелел и добротный. Так её немец до полусмерти чуть не забил за то, что она готовили на плите стряпню и, чтоб скорいш управиться, разожгла утюг гладила постиранную форму. Им, немчуре, подавай побыстрее. Бельё-то ещё сырое, сейчас сохнет плохо, а они чё: «Бабка, шнель! Шнелер арбайтен!».

— Баба Марфа заспешила к плите, где в казане готовка начала бурлить, шоб конфорки переставить на меньший огонь, в второпях утюг поставила неудачно, он и свалился набок, — продолжила рассказ Васина мать, — уголёк выпал и прожёт немцу китель. Шо там було! Короче, если бы на крик не вошёл ихний офицер, грешнице не жить бы.

— Мам! Немцы, видать, сами в победу не верят. Знаешь, яки там, на Волковой горе укрепления готовят на случай отступления. Може, и батя вернётся?

— Да, скориш бы война закончилась. Сколько похоронок пришло, а тут сколько полягло... Земля им пухом. Вот то ж и кажу тебе, шоб свой характер не высказывал. Терпеть нужно, сынок, потерпеть немного.

— Ну, да! Ну, да! — Вася произнёс эти слова с такой задумчивостью, что было понятно, что внутренне он всей душой противится, но не может расстроить мать.

А когда ночами мать слабо всхлипывает, стараясь не разбудить детей, он тоже не спит, понимая свою мать, не стараясь успокоить, так как знает, что это приведёт к обратному результату, она ещё больше и уже, не скрывая слёз расплачется. Эх, эта женская доля. Мысли о муже, молитвы за него, чтобы Господь спас и сохранил его, ради трёх его детей, чтобы не оставить их сиротами. Молится и за детей: за старшую дочь Лиду, которая в далёкой чужой стороне и тоже давно от неё нет никаких сообщений; за меньших, которые вместе с ней, но чтобы с ними не случилось ничего плохого; за себя, чтобы Бог дал сил пережить все тяготы и лишения жизненных ситуаций в условиях войны.

Мать старалась не показывать свои слёзы и стенания, молиться укромно, когда дети спят. Конечно же любопытные и чуткие дети не могли этого не замечать, но не подавали виду, что всё слышат и видят. Лишь, когда оставались одни, шушукались друг с другом и придумывали, чем можно мать отвлечь от грустных мыслей и ничего не приходило на ум. Пока идёт война, это сделать, наверное, невозможно.

Мать, как и другие трудоспособные женщины также привлекались к тяжелым работам, совсем не женского труда, где приходилось работать чаще киркой, ломом, лопатой и ручной тележкой. А рабочий день, в зависимости

от продолжительности светового дня, мог быть 10—14 часов. За каторжный, иначе не назовёшь, труд, привлекаемым на работы выдавали по миске супа и 150—200, реже 250 грамм хлеба. На иждивенцев паёк не распространялся, а потому, каждая мать оставляла кусочек хлеба детям, которые с нетерпением ждали свою мать, в надежде, что хоть корочку, да принесет домочадцам.

Детей старались оставлять под присмотром пожилых людей, которых на работы не привлекали и у них была возможность временно разместить одного или нескольких соседских ребятишек. Маша, чаще всего, когда мать и Вася были на работах, она не оставалась сама дома, а по договорённости с соседской бабушкой Глашей, находилась у соседей. Чтобы себя занять и побыстрее прошло время, Маша старалась занять себя работой, а если соседка в её помощи не нуждалась. То сама себе находила занятие или, как мышонок, забившись в уголок сидела неподвижно там часами и о чём-то думали. Конечно же, это не были девичьи грёзы, это были не по-детски серьёзные размышления о происходящем вокруг в том мире, который, если она и не знала, потому что никогда там не бывала, но представляла.

Все малыши школьного возраста, 8—12 лет, с 1 октября 1942 года обязаны были ходить в школу и не по желанию, а обязательно, им должны были дать начальное образование по разработанной немецкими специалистами программам. Обязательными предметами были немецкий язык и биография Адольфа Гитлера, основной упор был на воспитание верных слуг, чернорабочих для работы на благо «великой Германии».

Из Германии были присланы для преподавания учителя. Занятия проводились в здании конторы на территории нефтезаправочной станции, которая располагалась в непосредственной близости с железной дорогой и недалеко от железнодорожной станции. Было собрано

около 30 человек из тех, кто на данный момент проживал в Матвеевом Кургане и подходил по возрасту. Для обучения использовались и некоторые учебники, по которым занимались до войны советские школьники, но с той разницей, что предварительно, под контролем немецких учителей дети заклеивали различные изречения, призывы и лозунги, а также упоминания о И. В. Сталине, коммунистической идеологии ВКПб и прочие тексты в учебниках. Занятия начальной школы были прерваны в канун нового года, из-за наступления Красной армии, в результате разгрома немцев в Сталинградской битве.

С наступлением морозов и когда лёг снежный покров на остывшую, выстуженную зимними холодами землю, стало ещё труднее. В декабре месяце всё чаще доходили слухи, что грядёт наступление Красной армии, о том, что немцы получили хороший урок под Сталинградом и нужно ещё немного подождать, чтобы встречать своих освободителей, и каждый не терял надежду их мужа или отца, обязательно должны участвовать в этом освобождении, и они, наконец-то, смогут обнять их, дав тем самым им веру и импульс движения на запад, который неминуемо приведёт к окончательной победе на врагом.

***

Всё местное население обязано было в обязательном порядке регистрироваться в полиции, не разрешалось покидать место постоянного проживания без специального разрешения и всем вменялось беспрекословно повиноваться всем указам и другим нормативным документам управления оккупированной территории. В селах были организованы сельские общины, в которые входили все жители села во главе со старостой. Хоть староста и был избираемой должностью, но их практически все-

гда назначили германским командованием или районным бургомистром.

Формально выборы старост проводиться могли, но немцы представляли своего кандидата и мало кто мог осмелиться проголосовать против него. Иногда свою кандидатуру предлагали или бывшие председатели колхозов, или другие руководящие работники, пользовавшиеся у населения авторитетом. С одной стороны, они могли и сами вводить в ряды населения смуту, а с другой стороны такой староста мог умело управлять сельской общиной, его охотнее слушали и выполняли его указания, чем тех, кто был представлен немцами, на 95% это был тот человек, у которого были проблемы с советской властью или преступления, караемые уголовным кодексом.

Старосте подчинялся писарь и два-три полица, и с помощью своих помощников староста проводил политику, которую доводили ему сверху, вел строгий учёт населения и, ведя разъяснительную работу, должны были выявлять саботажников, появление в селе чужих людей и открытых врагов рейха, партизан и активистов. Староста получал жалование от 300 до 450 рублей, полицейские в пределах 240 рублей, но к нему ещё и ежемесячный продуктовый паёк.

Всё же быть старостой — было опасным занятием, они были подвергнуты постоянному контролю и тщательной проверке, а также попадали в поле зрения советского командования и партизан. Некоторые из них, наоборот, всякими методами продвигались в старосты именно нашим руководством оккупированных территорий и были хорошими помощниками, как люди, осуществляющие связь и передающие правдивую информацию от самих верхов руководства.

Район был разбит на волости, к которые входило несколько сёл одного колхоза или даже нескольких кол-

хозов. Волостями управляли старшины, имеющие больше полномочий, чем старосты сёл. В районном центре располагалась управа. На сельских старост и волостных старшин возлагалась обязанность, в соответствии с установками германского руководства, производить посевы и уборки урожая для покрытия нужд германской армии. Они вели учёт земли, животных, находящихся во владении граждан, посевного материала и другого.

Бургомистр и на должности всех структурных подразделений районной управы назначались лица из местного населения, чаще из советского или партийного руководства. И, если местные старосты не все беспрекословно выполняли всё указания новых хозяев и своего вышестоящего руководства, и чем дальше от полицейских комендатур и районных управ, тем больше у них была возможность, хоть чем-то помочь своим односельчанам хоть тем немногим, что, хоть и не решала «продовольственной программы» гражданского населения, но облегчала жизнь, то бургомистр, при всей своей добропорядочности, такое себе позволить не мог. Пост ответственный и к выбору кандидатуры германские власти подходили скрупулёзно и основательно.

Таких, бесстрашных старост было мало, но по слухам, которые невероятным образом распространялись на десятки километров, люди узнавали и такие вещи, узнай которые карательные органы, могли бы они не то, что должности лишиться, а жизни, без суда и следствия. Они, рискуя собственной жизнью спасали десятки жизней односельчан. Но и, к сожалению, были такие, которые ради своего благополучия, и чтобы быть у хозяев жизни на счету благонадежных, готовы были и мать родную продать за булку хлеба, шмат сала и просто хвалебную, лестную речь в их адрес. Скорее всего ими руководил животный страх, страх за свою жизнь, и они были уверены, что новая власть надолго здесь обосновалась, навсегда.

VII

Лида начало войны встретила в городе Ростов-на-Дону, отучившись до этого на курсах при производстве и теперь уже, работая на швейной фабрике швей, показала хорошие результаты, что не могло остаться незамеченным и была назначена на самые сложные и ответственные операции сборки готового изделия. Семнадцатилетней девушке думать бы об удовлетворении сердечных потребностей, о том, как познакомиться с толковым парнем, с которым было бы весело и приятно проводить свободное от смены и в выходные, время, как это делали её многочисленные подруги, но нет.

Несмотря на то, что она была, не просто симпатичная, а очень красивая девушка, стройная, с уверенной и привлекающей взгляды походкой, особенно, когда она шла в лёгком ситцевом платье собственного пошива по цветущим июньским улицам вечернего Ростова — Мэрилин Монро отдыхала и в прямом смысле, так как ещё была никому неизвестной Нормой Джин и училась ещё в школе, и в переносном, конечно, смысле. Не обратить на такую красивую девушку внимание, для молодых людей, как минимум, было бы преступлением. Но, те, кто пытался сделать больше, чем просто одаривать девушку восхищёнными взглядами, ждало разочарование — она их «отшивала» быстро и бесповоротно, что не вязалось с понятиями швеи, которая чаще пришивает, а не наоборот.

Как быто не было, Лида поставила цель добиться высокого профессионализма в работе и потом уже выбрать высшее учебное учреждение по профилю. Ей нравилась та работа, первые навыки которой ей дала ещё мама, которая обшивала и ремонтировала одежды для всей семье. Жизнь в общежитии не была скучной, она больше была

похожа на улей или муравейник, где все, на первый взгляд хаотично двигались, казалось, что они просто засились и сновали без дела, чтобы размять ноги. Ей, с одной стороны нравилась такая жизнь, а с другой стороны, когда нужно было заниматься серьёзными делами, то этот шум и суета не могли не отвлекать и даже раздражать. Поэтому, если Лиде нужно было готовиться к занятиям, то она это делала в то время, когда «муравейник» затихал. Молодому организму хватало 4—5 часов сна, которые оставались до утренней пробудки, для которой не нужно было включать будильник, так как в коридорах поднимался шум, смех, стук дверей и всё остальное, что говорило о том, что «муравейник» зашевелился и пора это делать самой, иначе кто-то из подруг в шутку может и водой окатить.

Лида, к тому же была комсоргом, сначала участка, а затем и комсоргом швейного цеха, одного из трёх цехов швейной фабрики, выполняющей пошив женской верхней одежды. Молодость, патриотический порыв и желание сделать мир лучше на фоне постоянных призывов и лозунгов, делали своё дело. Лида была активисткой и всё работу выполняла с огоньком и задором. Комсомол в те годы был одним из рычагом воздействия на молодых людей и кроме воспитания и развития патриотических убеждений и основ коммунистической идеологии, выполнял и функцию производственную, которая заключалась в организации социалистических соревнований, развитие стахановского движения и других, повышающих производительность труда на производстве. У многих молодых работников, даже лучше сказать, работниц, так как контингент был сугубо женский, кроме наладчика машин, дяди Коли, его иначе называли только Василич, рабочие места украшали вымпелы и флаги передовиков производства и победителей социалистических соревнований.

Учёба, производственная работа и общественная занимали много времени, в том числе и личного, а точнее сказать, его практически не было. Если и шли в кино, то чаще всего, это были компания девчат комнаты в общежитии или тех же комсомолок из их цеха. А, если кто-то из девчат встречался с парнем, то делали это как-то непоказательно, а тихо и без особого афиширования. А «разбор полётов» начинался, когда счастливая девушка, а иногда вся в слезах приходила в общежитие. Кто жил в общежитии, тот знает, что в нем существует режим и к тем, кто не успевал к моменту закрытия его дверей, могли применить не только профилактические меры на комсомольском собрании, но и даже, если эти случаи повторяются неоднократно, то ставился вопрос о пребывание вообще жильца в «муравейнике». А желающие занять освободившееся место находились быстро. Квартирный вопрос был и оставался пока ещё серьёзным. Производства росли, молодые люди ехали и оставались в городе, а жилищные фонды не безразмерные. В таком случае мог выручить частный сектор.

***

Начало войны привело не только к тому, что все больше и чаще начали говорить о положениях на фронтах, об Указах правительства и различных правовых актах, принимаемых в виду новых условий и сложившихся обстоятельств. Промышленность переключалась на производство военной техники, боеприпасов и на обеспечение армий всем необходимым. Основным девизом стало «Всё для фронта!», «Всё для Победы!». Не остались в стороне и производства лёгкой промышленности. Швейные фабрики приняли большие объёмы Госзаказа, включающие в себя пошив формы и обмундирования для военнослужащих.

Усилилось значение партийной и комсомольской работе на местах. Ситуация требовала, кроме грамотного доведения положения на фронтах, чтобы не допускать в коллективах панических настроений, а наоборот, мобилизовать все силы на своих рабочих местах, для увеличения производительности, перевыполнения плана во имя главной цели — победы над врагом. А паника, паникёрство были главным врагом и не только на фронтах. Комсорг и здесь должна была подавать пример и в патриотичности и в неподкупной вере в нашу победу, даже несмотря на то, что германская армия уже в середине осени стояла на подступах к тому населённому пункту, который долгое время был её малой родиной, где она пошла в школу, где её принимали в пионеры, а после и в комсомол, где жили родные ей люди, мама, брат и сестра.

В начале августа Лида узнала о том, что отец ушёл на фронт. В сентябре она узнала адрес его полевой почты и сразу написала письмо. Теперь ежедневно с нетерпением ожидала от него письмо. Пока она была первой дочкой, была самой любимой, а с рождением наследника и меньшей дочурки, для матери что-либо не изменилось сильно, а любовь отцовская переключилась во многом на меньшую дочь. Лида не высказывала свою обиду внешне, но было, конечно, обидно. А когда повзрослела, то немного стала понимать отца, ведь меньшие дети менее защищены от различных воздействий извне, потому и нуждаются в большем внимании и защите.

Отец защищал их, свою семью, жену и детей и даже плохо думать о нем — это преступление, так думала старшая дочь, оставаясь один-на-один со своими мыслями.

— Лида! — В комнату ворвалась, иначе не назовёшь, возбуждённая и сияющая подруга Клава Ситникова, — Лида, сегодня идём в кино. Отговорки не принимаются, мы всей сменой идем. Ты же комсорг, но мы взяли ини-

циативу, а тебе остаётся только славу культурного мероприятия записать в разряд «сверхплановых». Что молчишь?

— Да, я... Мне... Я собиралась сегодня...

— Так, всё! Нужно и о себе подумать и заодно о нас. Билеты на восемь, — бросив взгляд на часы-ходики на стене, добавила, — у тебя есть двадцать минут, чтоб привести себя в порядок.

Клава, не дожидаясь ответа, резко повернулась и как «с высокого старта» ринулась к двери, но ухватившись за косяк дверного проёма так цепко, что смогла от резкого торможения раскрутиться лицом к Лиде, с недоумением наблюдавшей за всем происходящим, с трудом удержалась на ногах, чтоб не опрокинуться в коридор на спину, сделала облегчённый выдох и вновь набрав полную грудь воздуха, как ныряльщик, после длительного пребывания под водой и выпалила:

— Лид, а, Лид! А ты в каком платье пойдёшь? У тебя там не найдётся какого-нибудь интересенького, а? Мы же с тобой одной комплекции, почитай. А это, моё в горошек, уже весь Ростов знает, аж неудобно.

Наступила тишина с минутой молчания. Первая не выдержала Лида и комнату с гулким коридором заполнил её искренне-заливистый смех. Она была врасплох захвачена этой энергичной, простой, в принципе такой же, как и она сельской девчушкой, у которой ещё и веснушки не пропали на её курносом лице, хотя уже со дня на день ей должно исполниться восемнадцать лет. И хоть она была немного старше Лиды, но из-за миловидного детского личика и весёлой непосредственности, казалась, наоборот, моложе своей соседки по комнате.

— Ну, ладно, пойдём? Куда от тебя деваться. Клава, а наши, Катя, Вера, Леночка, они идут? А ты не сказала, какой фильм показывают?

— Ой, забыла! У нас, на Нахичевани, в «Спартаке» крутят «Светлый путь». Там Любовь Орлова, Евгений Самойлов. Девчата со второго цеха ходили, говорят, что отличное кино, комедия и про любовь... Так ты платье дашь или...

— Ну, хорошо! Подберём что-нибудь.

Лида сложила книги на угол письменного стола, потянулась до хруста в позвоночники, подумала — «засиделась, старушка!», усмехнулась сама себе, взяла мыло, полотенце и отправилась в сторону умывальника, в конец коридора.

Летний теплый вечер, городские улицы и дома, накопившие за ясный солнечный день много тепла начал делиться им с теми, кто находился после трудового дня улицах Нахичевани-на-Дону, как её до некоторых пор называли или проще — Нахичевань, а ныне — это центр Пролетарского района г. Ростова-на-Дону. Швейная фабрика располагалась недалеко от центра административного района, на углу улицы 20-я линия и 1-я Майская. Нахичевань тем и знаменита, что там не заморачивались в наименовании улиц, а просто присваивали номера от 1-й до 40-й линии.

Бульварная площадь — центр района, где организовывались народные гуляния, митинги и праздничные шествия. Исторические здания постройки в основном конца XVIII или начала XIX веков. Это были в основном дома зажиточных людей армянской диаспоры. Здесь в начале XX века был открыт один из первых кинематографов «Эльдорадо». Затем именовался в честь III Интернационала, «Казино» и с конца 20-х годов кинотеатр получил название «Спартак».

Девушки двумя шеренгами по три человека, взявшись за руки, шумно и вертляво шли по 20-й линии в сторону кинотеатра, где уже собрались люди, организовав своеобразные дружные кружки, в которых шли обсуждения

чего-либо и просто предвкушение просмотра фильма делились предварительными прогнозами о предстоящем зрелище.

Когда до здания кинотеатра оставалось метров 10—15, Клава и Вера, освободившись от объятий подруг, быстро взбежали по ступеням на возвышение с колонами перед входом перед группой парней. Быстро обменялись с ними парой фраз и повернулись к своим подругам, с улыбками и маша руками, приглашали присоединиться к ним:

— Девочки! Идите к нам, это наши новые друзья. Знакомьтесь, Лида, Лена, Танечка, ну...

Девушки на какое-то время, растерявшись от неожиданного поворота событий оторопели, переглянулись и начали движение в сторону парней и сияющих среди них же подружек. Их сияющие подружки, «оторвавшись от коллектива» нарушили строгость строя, и потому Лида с Таней Коваленко шли спереди и почему-то периодически оглядывались назад, где так же не всё ещё понимая, за ними, шаг в шаг следовали за ними и на взгляды впереди идущих, лишь пожимали плечами.

Лида внимательно смотрела в лица парней, которые также с любопытством и оценивающими взглядами, с преимуществом возвышенного положения, рассматривали приближающийся девичий эскорт. Лида первой начала подниматься на ступеньки, не отводя глаз с курчавого парня, который своими светлыми, скорее всего голубыми, это пока трудно было понять, глазами буквально «раздевал» Лиду, от чего у неё по спине пробежали мурашки и она, забыв, что поднимается на три, впереди расположенные ступени, зацепилась за них каблуком и...

Танина попытка поддержать Лиду была запоздалой и не возымела нужного эффекта, только сделала ситуацию ещё более смешной. Лида со всего маху, инстинктивно расставив руки и вытянув одновременно их вперёд, со-

бралась падать и сбивать о ступени красивые колени, но не тут-то было. Нерастерявшийся парень сделал быстрое движение вперёд и подхватил девушку под мышки, приподнял и пристально посмотрел в глаза. Его улыбка была уже с другим оттенком, добрая и благородная. Лида уткнулась подбородком и легонько грудью в грудь парня.

— Вот это, да! Не ожидал, но понравилось! — произнёс незнакомец, также с улыбкой и без издёвки, по-доброму, — вот и скажите, что это не судьба.

Вот этот курьез моментально снял напряженность, которая на время повисла в пространстве «нейтральной полосы» между «наступающими» и «принимающими на себе удар», «простреливаемым» оценивающими взглядами одних и других. Как говорится, «не было бы счастья, да несчастье помогло». А счастье ли это или совсем наоборот — время покажет.

Оживились и девчонки, особенно Клава и Вера, которые, конечно же знали, что их и подруг будут встречать парни, с которыми они накануне случайно познакомились в парке, прогуливаясь вечером и приняли приглашение в кино и не просто, а со своими подругами. Есть выражение «давайте дружить семьями», а здесь тоже, но не семьями, а комнатами общежитий. Молодые парни, проживали не под боком, как девушки, а в соседнем посёлке Сельмаш.

***

Чтобы окунуться в ту атмосферу времени, ставшим граничным, когда всё, что было до этого начали называть «до войны», а после — «во время войны» и с дополнениями: «до оставления Ростова», «после первого освобождения Ростова», «второй сдачи Ростова» и «окончательного освобождения Ростова-на-Дону от немецких захватчиков». А сейчас город был ещё мирным, но уже месяц шла

война и этого никто не забывал и чем ближе приближался фронт, тем более сумрачными были люди, тем меньше было уверенности в скорой победе над врагом, всё больше звучало призывав и обсуждались сводки Совинформбюро.

Молодым людям, как и во все времена присущ был оптимизм и максимализм и нужно было время, а главное столкнулся с действительностью ил в окопах или в качестве гражданского населения на оккупированной германской армией территории.

Сейчас территории Нахичевани входила в состав Ростова-на-Дону, как административная единица, Пролетарский район. Ещё десять-двенадцать лет назад город входил в состав Северокавказского края, как столица области с южными и центральными районами донского края. Северные районы, выше Ростовской области объединялись в Северную область до границы с Центрально-Чернозёмной областью. В 1934 году произошли серьёзные в административно-территориальном делении Российской Федерации. Северокавказский край разделился на Краснодарский край с Адыгеей и Азово-Черноморский край, в который вошла, и Ростовскую область, и Северная, со столицей г. Миллерово.

Нахичевань же, как город и донская столица армянской диаспоры был присоединен к Ростову-на-Дону ещё в конце 1928 года. Он стал входить в состав Пролетарского района города. И изначально район граничил с Андреевским районом с запада, со Сталинским районом с северо-востока и востока, с юга его территорию ограничивала река Дон, где она раздваивала русло островом Зелёный.

Между посёлком Красным, расположенным севернее Нахичевани, за железнодорожной станцией Нахичевань и посёлкам Сельмаш с северо-востока, а также самой Нахичевани, Пролетарского района размещались два

парка: слева — парк им. Крупской, справа — парк Ростсельмаша, а между ними питомник. 20-я линия, на которой было расположено общежитие, и сама швейная фабрика выходила на север в аккурат к питомнику. А дальше стоял выбор, в каком парке лучше провести время. В том вечер, что был на пару дней ранее описываемых событий, девушки решили по методу — «мы в парке Крупской гуляли неделю назад, пойдём теперь в соседний парк Сельмаша». Тут-то они и познакомились с ребятами, прогуливающимися после трудовой смены, но в отличие от девчонок на территории своего административного района. Хотя, какие там ещё могут быть границы. Они же не из бандитских группировок, делящих сферы влияния, а обычные, ещё вчера сельские парни, решившие связать свою трудовую жизнь с перспективным, быстроразвивающимся заводом «Ростсельмаш», а там «чем чёрт не шутит», может быть и семейную жизнь с городом и столицей донского казачества.

Трое из пятерых парней были родом из казачьей станицы Казанской, Верхнедонского района. Их заводила сфаловал своих друзей, после окончания школы ехать в столицу Дона, где открывались для молодых парней перспективы и для работы, и для учёбы. Это был бойкий русоволосый, с явным стремлением волос завиваться, если не сказать, что с волнистыми волосами, вышесреднего роста, плечистый и весёлый парень, а звали его все Сотник, даже его земляки из станицы Казанской, Дмитрий Котельников и Иван Поляков, хотя имя у их заводилы было Пётр Логвинов. Эта тройка дружила ещё со школы и везде были вместе и, если было необходимо, всегда вступались в защиту друг за друга, до крови могли биться или до победы, или когда силы покидали их в неравной драке, но такое было очень редко. Молодецкая удаль и казачья закалка брали чаще верх.

Все работали на заводе, в одной бригаде и в одной смене, на сборочном конвейере, где собирались зерноуборочные комбайны «Сталинец». После года работы Пётр и Иван смогли поступить на вечерний факультет Ростовского-на-Дону машиностроительного института, расположившегося на территории Ростсельмаша, где в летнюю сессию успешно сдали экзамены и были переведены на второй курс. На поточной линии сборки к друзьям-станичникам из станицы Казанской позже устроились ребята из станицы Боковской, соседней с Верхнедонским районом, тоже казачьим краем, с той лишь разницей, что Боковская стоит не на Дону, а на реке Чир, притоке Дона. Это был рыжеволосый Гришка Дёмин, невысокого роста, коренастый парень и, в противоположность земляку, Алексей Тарасов, чернявый, высокий, но худощаво-жилистый и часто с серьёзным лицом, получивший от Димы Котельникова прозвище Сухарь.

И несмотря на то, что один из тройки друзей, не изменил своей рабочей профессии, за год успел сдружиться с новыми товарищами, практически земляками, но терять отношения с «учёными» друзьями не стал, хотя и смены часто теперь уже не совпадали, из-за необходимости посещения занятий в определённые дни и в определённое время. Таким образом, из неразлучной тройки друзей, получился дружный коллектив — «пятерня», как в шутку называли друзья-товарищи сами себя.

Пётр и Иван учёбу ставили на первое место, а «девушки, а девушки потом», как известно нам. А вот на производственной практике, которую друзья проходили на родном заводе, занимаясь привычным делом, где не нужно было уже сидеть и зубрить науки, появилось желание в общении с девушками. Да и сущность и потребности естественные цветущего мужского организма способствовали повышенному интересу к проти-

воположному полу. И вот, не разбалованные общением с девушками парни пригласили девушек и попросили к тому же, если это возможно, то ещё и для товарищей пригласить подружек, чтобы не было обидно никому.

***

Сияющий от свалившегося, в прямом смысле счастья, Пётр, осторожно, чтобы не отпустить сразу вот это же счастье от себя, сменил захват из-под мышек девушки и осторожно переложил их на плечи, чуть отстранив Лиду, чтобы удобно было смотреть ей в глаза. Почувствовал легкое сопротивление девушки, но, когда её взгляд встретился с добром искрящимся взглядом её спасителя, по счастливой случайности оказавшимся на траектории пикирования девушки, она расслабилась и с явным интересом смотрела смущенным взглядом на парня.

Пауза затянулась и тогда Лида, что нужно как-то выходить из неловкого положения:

— Мерси! Я вам очень признательна за то, что вы оказались в нужном месте, в нужное время! Надеюсь, что я не ваша жертва и не стану вашим блюдом на ужин?!

— Да! Конечно, конечно..., — Петя, не ожидавший такого «комплимента», быстро, но неохотно отпустил девушку и когда она собралась отойти в сторону, осмелел и решительно представился, — Петя. А вас как зовут?

Лида повернулась в пол-оборота, кокетливо посмотрела исподлобья и ответила:

— Я — Лида! — Затем, окинув взглядом сначала подруг, таким вот образом подставивших её и других подруг тем, что держали в секрете то, что идут не просто в кино, а по приглашению молодых людей, то есть на свидание, продолжила, — «партизанок» представлять не стану, думаю, что они вам сами уже успели представиться, а это вот знакомьтесь, — и Лида вежливым движением руки

указала на стоявших в нерешительности Лену, Таню и Катюшу, самую низкорослую, но пухленькую девушку.

Девушки со стеснением представились. Ребята ожились и по их глазам было видно, что они оценивают девушек и думают, как бы лучше подойти к той, которая больше всех бросалась им в глаза и соответствовала неизбалованным требованиям к своим избранницам. Рассматривали все варианты, кроме одного, видя, как Пётр и Лида смотрят друг на друга — здесь слова не нужны.

Лида обвела глазами засмущавшихся подруг-организаторов сегодняшнего мероприятия, но ничего ни сказала, «разбор полётов» предполагался уже дома. И, наконец-то преодолев каверзную ступеньку «пьедестала славы» или «позора» — это как посмотреть, поднявшись, повернулась спиной к входу в кинотеатр, наблюдая, как остававшиеся ещё внизу подруги, последовали её примеру.

Чтоб не затягивать томительную минуту молчания в осознании ситуации, Пётр снова взял инициативу в свои руки:

— Девушки, вы нас извините! Мы с вашими подругами хотели устроить вам приятный сюрприз и, поверьте, это от души, — он залез рукой в брючный карман и достав билеты в кино, торжественно и демонстративно поднял их над головой, как самый значимый приз в жизни, — обещают классный фильм и я надеюсь, что все поддержат предложение. И ещё, надеюсь, что вы меня поймёте правильно, ведь мы ещё практически не знакомы, а для того, чтобы лучше познакомиться и фильм не будет помехой. О чём я?! Да о том, что предлагаю, вам, раз вас шестеро, а нас, к сожалению, только пятеро, разбиться по парам, а мы уже как-нибудь окружим вас вниманием, сделав ваш девичий ряд в зале прерывистым.

— Ну-у! — начала было Лена, но её снова перебил общительный Петр.

— Я за всех своих друзей ручаюсь, как и за себя, что мы порядочные парни и наше кредо: обидеть девушку — стать нашим заклятым врагом.

Видимо это были убедительные доводы и девушки без особых возражений, молча согласились, тем более что привычное, постоянно ощущаемое плечо своих подруг уже изрядно начинало надоедать, хотелось романтики, того, чем грезит каждая девушка, но не всегда об этом признаётся. Оставалось до сеанса минут восемь-десять. Шустрая Клава незаметно юркнула куда-то и появилась через минуту с кульком семечек, выполненным заботливой бабушкой-продавцом семечек из газеты. Семечки быстро разошлись по рукам и всем было чем заняться. И между делом слышались редкие обращения, сказанные больше для того, чтобы обозначить, что я здесь и никуда уходить не собираюсь, чем чтобы продлить беседу.

Ряд, на который были куплены билеты располагался в верхней, задней части зала. Здесь произошла заминка и тут опять «вожак стаи» взял полномочия регулировщика в свои руки, когда кто-то из его друзей ринулся в ряд, он его просто отстранил движением руки и пропустил вперёд Клаву и Веру, на что Вера попыталась возразить, но следом их уже поджимали его друзья, Иван и Дмитрий. Быстро сообразив, видимо решая в голове математическую задачу «цифрового ряда», придержал своего товарища, Гришу, а следом проследовали юркая Катюша и Лена, Ваня и с ним Григорий. Лида стояла в проходе и внимательно наблюдала за происходящим. Осталась самая сложная для Пети задача, но её условие быстро прочла понятливая Танюша Коваленко, быстро посмотрев на нерешительность Лиды и Петра, юркнула в ряд, тем самым упростив оставшимся решение задачи. Пётр вежливо предложил девушке первой

пройти на свободное место и завершил логическую цепочку собой.

Новый фильм, да ещё с любимыми актёрами, где присутствовали элементы юмора и любовь, конечно, не могли не привлекать внимание. И это так, если не брать во внимание то, что рядом с тобой сидит человек, вызвавший с первого взгляда определённый интерес и даже симпатию. И так думал не только Петя, но и Лида, да и все остальные в большей или меньшей степени. Одна Катюша, оказавшаяся в центре кампании, постоянно «стреляла» блестящими от отражения света с экрана в глазах, то вправо на одних, то влево на других, пытаюсь заранее предугадать — «а получится у них что-нибудь из этого или пустые хлопоты».

И действительно, эта молодёжная группа, в отличие от некоторых, кто отвлекал от просмотра фильма, была примерной и не привлекала рядом сидящих к себе своим поведением, не считая частые вращения головой, чтобы в матовом свете кинозала лучше рассмотреть черты лица и, если не навсегда, то надолго запомнить и, при случае, не пройти мимо, встретив даже в таком многотысячном городе.

Шум и стук отброшенных сидений зрительских рядов кресел, сразу же после включения света, заставил даже вздрогнуть тех, кто пребывал где-то далеко отсюда, в сладких грёзах. Выйдя из душного зала, можно было полной грудью вдохнуть свежий воздух и увидеть под светом фонарей улыбающиеся лица. Девушки начали кучковаться по привычке и приготовились «строем» идти в сторону общежития. Хотя до закрытия общежития оставалось ещё полтора часа, а идти домой всего-то минут десять.

— Мы вас проводим?! — ненавязчиво, но уверенно, хоть и с небольшой долей сомнения, спросил всё тот же Пётр.

— А ваши друзья, вообще-то умеют говорить? — скорее, чтобы завязать разговор, а не обидеть кого-то из компании, — спросила Лида.

— Пусть сами за себя ответят, если желают. Это их личное дело. Хорошо, тогда я спрошу иначе — Лида, разрешите мне вас проводить?

Лида заулыбалась и вниманию, оказанному ей этим симпатичным и энергичным молодым человеком, а также его умением, не ретироваться, а быстро находить выход из затруднительного человека. И тут же парни начали проявлять активность, окружив вниманием разбившихся на группы девушек. Поняв ситуацию, Таня, сильно сжав Лиде руку, произнесла:

— Лидок, я прогуляюсь с Катюшей и Леной.

И всем было понятно принятое Таней решение. Таня подбежала к удалившимся подругам, окруженным вниманием парней, с вопросом «Не помешаю?!», не дожидаясь ответа, вклинилась в их группу.

Вечер был чудесный, молодёжь неспешно прогуливалась по Бульварной площади, но большинство всё же устремились в тихие «линейные» улочки, где было не так шумно и легче можно было найти укромный уголок, чтобы остаться вдвоём, не считая потайные желания и откровенно фантастические грёзы, приходящие во сне и вспоминаемые сейчас.

Пётр предложил прогуляться дальше, в сторону парка и Лида согласилась. Она узнала больше о своем парне и в нескольких словах рассказала зачем она в Ростове и какие её планы на будущее, но потом резко замолчала.

— Что случилось? — не поняв, из-за чего она умолкла, спросил Петя.

— Война, Петя, война! Ты вот сейчас учишься в институте, а я собиралась в этом году поступать и видимо не буду. Война!

— Да, я тоже, скорее всего, если всё так серьёзно будет, то пойду на фронт. Призовут или добровольно, но эту «гидру» остановить нужно.

Хотелось, конечно, хотелось поговорить о чём-то, что трогало самые тонкие, самые чувствительные душевные струны, если бы не этот постоянный набат, звучащий отовсюду — «Война! Война! Война!»

Сегодня воскресенье, 27 июля, уже второй месяц идёт война и известия с фронтов чаще печальные. Нельзя сказать, что с началом войны личная жизнь остановилась, замерла, но то, что она уже не так явно выдвигалась на первое место — это однозначно. Но этот день был и останется для Лидии одним из памятных в жизни, таким, какие могут вспоминаться очень долго и даже всю жизнь, если не произойдёт событие, заставившее забыть предыдущее. Хотя и это представить-то можно, но очень трудно.

Утром сменного мастера Анастасию Филипповну привлекло что-то необычное, то, чего раньше или не было или она, женщина на шестом десятке жизни уже не замечала. Она отложила срочные дела и решила выяснить, а что же в её цеху, на участке сборки швейных изделий случилось. Проходя между шумными машинами, шум которых создавали, конечно, сами электрические машины, но больше всё-таки приводы, кривошипные и ползунковые механизмы вместе с хитроумным устройством, благодаря которому образовывались петли и сами швы — челноков. Большинство работниц, уткнувшись лицом в низ в ту зону, где происходило главное — шитьё, скрепление деталей линейной или оверлочной строчкой. И когда швеи шьют не мешки какие-либо, а сложные и дорогие изделия, то брак недопустим. У молодых работниц она останавливалась, присматривалась и, если было нужно, давала рекомендации и замечания, а иногда, даже просила дать ей возможность, уступив рабочее

место, продемонстрировать выполнение той сложной операции, которая получалась у работницы недостаточно качественно.

Вот оно что! Филипповна, увидела то, что до этого не могла понять: комсорг цеха Лида светилась ярче всех цеховых светильников, и, несмотря на то, что проворно выполняла все технологические операции быстро, доведя мастерство до автоматизма и, казалось, завяжи ей глаза, она на ощупь делает работу не менее качественно, чем и зрячий опытный человек, мастер своего дела. Она остановилась чуть поодаль, чтобы, не спугнув, понаблюдать за девушкой. Хоть, кроме шума не было ничего слышно, но если мысленно отключить весь этот, в принципе вредный производственный фактор, то можно было услышать нечто большее, высокое и светлое, можно было услышать, как поёт душа, душа влюблённого человека. Анастасия Филипповна мысленно перенеслась в то далёкое, трудное, но счастливое время её молодости, когда вот в таком же, примерно, возрасте, влюбилась в молодого человека и однажды, замечтавшись, даже «пришила» свои пальцы к ткани. Тогда, она, от испуга резко выдернула руку, сломав иглу и оставив на левой руке отметину о своей первой, настоящей и на всю жизнь, любви.

Подойдя ближе, Анастасия Филипповна, тихо, почти шепотом, чтобы, упаси, Господи, не испугать девушка, окликнула. Это получилось с третьего раза, когда она начала повышать громкость. Лида убрала ногу с педали привода швейной машины, подняла голову и, удивившись выражению лица мастера, спросила:

- Филипповна, что случилось?
- Да, у меня ничего. А у тебя всё в порядке?
- Всё в порядке, Анастасия Филипповна, всё замечательно!
- Я-то и вижу! Влюбилась девка!?

— А вы откуда это взяли? — испугано и настороженно спросила Лида.

— Так у тебя на лице прочитала.

Лида, машинально и быстро достала из ящика стола, где хранились иглы, шпульки, запасные челноки маленькое зеркальце и вращая головой начала внимательно себя рассматривать, потом, поняв шутку, громко и заразительно засмеялась, да так, что большая часть швей участка выключили машины и с интересом уставились в сторону мастера, пытаясь понять, за что она «отчитывает», как многим показалось, одну из лучших швей всего цеха.

— Поживи, Лидок, с моё, тогда и сама будешь уметь по блеску глаз, улыбке, настроению, да, мало-ли по чём ещё, вот такие вещи, которые у тебя в душе происходят и для этого даже сердце не нужно открывать, без слов понятно, что в нём происходит. Будь осторожна, девочка! — произнесла Анастасия Филипповна и начала двигаться дальше по проходу.

— Стойте, Анастасия Филипповна! В каком смысле быть осторожной?

— Во всех, красавица! Во всех! — чуть повернув в сторону Лиды голову, ответила женщина и продолжила медленно обходить работающих в цеху швей.

VIII

Пётр Логвинов был, как говорят — «в ударе» и это касалось не только работе на сборочном конвейере завода Ростсельмаш, на котором он работал со своими друзьями практически два года и к тому же находился на так называемой «слесарной» и «станочной» практиках, предусмотренных после первого года обучения на вечернем отделении РМИ. Хотя, это понятие — прохождение

практики для него было условностью. Практика для тех, кто ещё вчера сидел за школьными партами, а он уже работал слесарем-сборщиком и не только, хорошо знал не только те работы, которые выполнялись у него на сборочном участке, но и на всех участках цеха. Хорошо знал производство и где что производят или собирают.

Всю неделю он не мог дождаться выходного дня, чтобы снова увидеть девушку, которая глубоко запала ему в душу, так как никто раньше, да и не было, можно сказать, раньше тех, кто бы смог разбить его сердце, как это сделала Лида одним лишь толчком ему в грудь. Он снова и снова ощущал на себе учащенное дыхание её груди, теплоту её рук, когда она всё же позволила ему взять их в кинотеатре и потом, когда они гуляли под звёздами ростовского летнего неба, он постоянно ощущал на себе блеск небесной синевы её глаз и искорки искренности и откровенности её чувств и сказанных фраз. Он не усомнился ни в одном сказанном её слове, её слова звучали, как музыка, мелодично и звонко.

«Братцы, да я влюбился!» — сам себе пытался объяснить Петя, да и объяснять не нужно было и так всем было всё понятно. Друзья-товарищи — они же не дураки, видели всё и поняли, что и к чему.

В первых числах августа Петя получил письмо от матери, которая сообщала, что отец был призван в кавалерийскую дивизию, которые стали повсеместно формироваться на донской земле и Кубани. Старшего брата призвали через пару недель. Хоть в семье и оставалось две незамужние сестры и старшая сестра, проживающая недалеко, на хуторе, жила с мужем и двумя детьми, мать звала меньшего сына домой. Ей было тяжело управляться с большим казачьим хозяйством. Пётр, понимая всё, но был прописан и стоял на воинском учёте здесь, в Ростове, а значит, не сегодня-завтра мог получить повестку о призыве. Пока у него не было девушки, он даже

рвался, как минимум в стремлениях стать на защиту Отечества, а теперь патриотизм никуда не делся, но вмешалось некое сомнение, он не хотел оставлять то, что только нашёл, ведь в ней, в этой девушке, возможно, его судьба.

После долгих раздумий, всё же остановился на том, что он же не один такой, кто не бросает, не оставляет на произвол судьбы свою девушку, а идёт её защищать, её, мать, свою, родных, Отечество. И переговорил со своими друзьями-земляками, было единогласно решено идти добровольцами на фронт.

Утром, ещё до начала рабочей смены друзья уже крутились у входа в административный корпус завода. Подошедший комсорг сборочного цеха, остановился, поздоровался и поинтересовался у молодых людей:

— А что это за саботаж? Не хотите работать или как? Котельников, к чему это тебя друзья призывают и агитируют, студенты-недоучки?

Петр, стиснув кулаки начал двигаться с угрожающим видом на комсорга, но Дима, заметил это, резко отрезал ему путь, рукой сделав отмашку, типа «остынь!».

— Сергей! — обратился Дима к комсоргу цеха, — мы собрались идти добровольцами на фронт. Нужно же как-то всё по правильному сделать.

— А почему я об этом ничего не знаю? А, раз так, то зайдите для начала к начальнику цеха, и я подойду, поговорим.

Начальник сборочного цеха, Николай Платонович, был, как в шутку говорили о нём — «человек доисторической эры» и не потому, что был рождён задолго до начала XX века, успел поучаствовать и в Первой мировой и в Гражданской войнах, получить образование, поработать на Кировском заводе в Петрограде и приглашённом в 1929 году на новый завод Ростсельмаш в качестве опытного специалиста.

— Николай Платонович, здравствуйте! Вы заняты? — начал с вопроса комсорг цеха, Сергей Кузьменко.

— А, комсорг! Что у тебя?

— Да не столько у меня, а вот у наших комсомольцев. На фронт собрались.

— Кто такие? Они здесь?!

— Да, Николай Платонович. Позвать?!

— Ну, зови, конечно. Гляну на молодую гвардию.

Сергей приоткрыл дверь, высунулся, не выходя в коридор и кликнул:

— Заходите!

— Здравствуйте! — в разной, заходя, поздоровались парни.

— Негоже, негоже так приветствовать. Ничего, в армии научат. Так, что решили повоевать? А кто Государственный Заказ выполнять будет? Знаете, что это?

— Для фронта?! — неуверенно ответил Пётр.

— Для фронта, конечно, для фронта! Короче, у меня времени уговаривать вас нет. Одно скажу, если все пойдут на фронт, то там воевать нечем будет. Кому-то нужно же и снаряды, и миномёты делать. Так или нет?

— Да, так, так..., — одобрительно кивнул Дмитрий.

— И второе, слышали, что у нас проходит набор в Ростовский полк ополчения. Открою вам секрет, как комсомольцам от коммуниста, этот полк, как и Коммунистический полк, в который войдут в основном партийные и комсомольцы. Вот могу вас рекомендовать, так сказать, по знакомству своему хорошему боевому товарищу, он набором занимается, боевой офицер, Финскую прошёл. Ну, так что? Да, главное не сказал. Вас будут готовить в неурочное время. Вы так же будете работать, продукцию выпускать и готовить себя к боевым действиям. А то, как бывает, бросят необстрелянных пацанов, не знающих, как винтовку держать и всё, на вторую атаку их уже не досчитываются.

— Можно подумать или как? — неуверенно спросил Пётр.

— А, что тут думать. Может быть, пока ещё немца нет у нас и всё наладится, хотя... Я вам дело предлагаю. Вы и заводу неопределимую пользу принесёте. Есть установка, что в случае приближения германцев, завод нужно будет эвакуировать в Сибирь или Среднюю Азию. С кем мы будем оборудование демонтировать? С пацанами-школьниками и бабами, которые и ключей в руках отродясь не держали?!

Наступила тишина. Парни переглянулись, Иван пожал плечами, смотря на Петра, Дима тоже надеялся, что решение их вожака устроит всех. Пётр, обвёл всех глазами, остановился на секунду на улыбающемся Сергее и остановился на серьёзном и решительном взгляде начальника цеха. Тот выждал ещё секунд пять и спросил:

— Договорились?! — ещё раз, для убедительности обвёл присутствующим взглядом и утвердительно за всех ответил, — значит, договорились! Идите, работайте!

Пётр шёл и думал, вот, если бы повезло иметь такого командира, опытного и обстрелянного, а не безусого младшего лейтенанта после училища или ускоренных курсов подготовки.

***

С началом учебного года в машиностроительном институте, как и в других высших учебных заведениях, изменили программы обучения и планами военного времени предусматривалось уменьшения срока обучения с пяти лет до трёх с половиной. Многие студенты уходили добровольцами на фронт, даже преподаватели. Их с удовольствием брали и в военные училища, такие, как Ростовское артиллерийское училище, так как подготовить военного технического специалиста из имеюще

уже какие-то знания гражданский технических специальностей и высокий общеобразовательный уровень намного легче, чем бывшего школьника.

Как студенты, так и рабочие предприятий и организаций привлекались к строительству оборонительных сооружений. Фронт подходил к рубежу под названием Миус-фронт. И со слов Лиды, там была её малая родина, там оставались её мама, брат и сестра. И всё чаще, при их встречах, разговор заходил о положении на фронте и, конечно, Пётр сочувствовал своей девушке по поводу волнений о судьбе своих родных. От отца с фронта получила одно письмо и поделилась со своим парнем его содержанием.

Сам Пётр, со своими товарищами, как и обещал им начальник цеха, стал бойцом-добровольцем. В определенное время проводились занятия по уставу, противовоздушной обороне, изучалась матчасть и вооружение, ополченцев вывозили в карьер на стрельбы.

Молодые люди виделись всё реже и реже, а тянуло их друг к другу всё сильнее и сильнее. А в разговоре влюблённых часто присутствовали темы о новых Госзаказах швейной фабрике и перевыполнении сменных заданий, а Пётр делился тем, что можно было разглашать из того, чем приходилось заниматься. Даже ещё пару месяцев назад несмотря на то, что война являлась постоянной темой в разговорах, но не занимала столько места, тем более во время свиданий, как сейчас.

Из Лидиных подруг, бойкая Клава, как говорится, «охомутала» податливого на девичье внимание, Ивана. А у остальных парней и девушек, после той июльской первой встречи и знакомства, как-то не завязалось.

В сентябре месяце Лида на один день съездила домой, но эта поездка оставила не успокоение душевное, а наоборот — расстройство. Целый день, который она практически провела с мамой, сопровождался слезами

и причитаниями. Понять её можно было, но всё, пока, слава Богу, живы и здоровы, включая и отца на фронте, но зачем же тужить заблаговременно. Лида, как могла успокаивала мать и возвратилась с тяжелым камнем на сердце.

— Что случилось, Лида? Отец?! — после возвращения Лиды в Ростов, при встрече, увидев свою девушку в таком состоянии, в каком ранее никогда не видел, — что произошло, Русалочка? — Петя иногда так называл Лиду, из-за статности фигуры и длинных русых волос, которые она, как правило заплетала во внушительную косу и затем укладывала на голове под косынкой и лишь пару раз, после долгих отнекиваний, по просьбе Пети, Лида всё же расплела её и была ещё больше похожа на русалку.

— Ой, я за мать переживаю, Петя. Она совсем духом упала. Я пыталась её успокоить, что не одна она сейчас в таком положении, всех нелегко без мужей оставшись и с детьми, которых не замкнёшь в сундуке до лучших времён, чтобы они не знали невзгод и скитаний. А получилось всё наоборот, она меня растравила слезами. А мне это ни к чему. Ну не могу же я сейчас свой коллектив оставить, бросить в такой трудный момент. Говорят, что если немец пойдёт, то нас будут эвакуировать тоже, как и заводы. А, что у вас слышно?

— Ничего конкретного. Никто не знает, сможет ли Красная Армия остановить фашистов или всё-таки они будут топтать своими погаными сапожищами нашу донскую землю. Но слухи тоже такие ходят. Начальник цеха потому и не отпустил нас на фронт, что ощущает потребность, особенно в случае необходимости эвакуации в рабочих руках, он даже это нам открыто сказал.

— А ты на фронт собрался? А мне ничего не сказал?! Это как называется, а? — Лида выдернула свою руку из сильной и довольно мозолистой трудовой руки Пети, фыркнула и отвернулась.

— Лида! Ты, чего?! Мы же просто узнали и, как видишь из этого ничего не получилось.

— А, если бы получилось, то мы уже сейчас с тобой тут не разговаривали, да? — Лида продолжала выжимать из себя обиду через надутые щеки и пухлые губки.

Пётр, с добродушной улыбкой провинившегося пацана, нагibalся, нагibalся, чтобы заглянуть ей в глаза, которые постоянно от него убегали вместе с вертлявой головкой. Поняв, что такие прятки продлятся долго, он взял непокорную, но красивую голову обеими руками, ощутив жар щёк в ладонях, без особой силы, но повелительно повернул её так, что опущенные глаза оказались ровно напротив его пристального взгляда и медленно начал приближаться в пухленьким губкам, которые приобрели смешную форму губок уточки. Когда его губы соприкоснулись с пылкими и нежными девичьими губами, ощутили сначала дрожь от испуга и напряжение с желанием освободиться от захвата, и заметив, что Петя слегка ослабил, а затем вообще перевёл руки медленно на плечи, спину, нежно обнимая её, Лида расслабилась и её на секунду напрягшиеся губы стали, как взбитые его мамой подушки в спальне казачьего куреня и нежными, как пух гаги или лебяжий пух, спелых и сочных, как зрелая июльская вишня, обласканная жарким южным солнцем и ветром донских просторов.

Он мог её целовать бесконечно долго, забыв о том, что ещё минуту назад их обоих напрягало тяжёлое душевное томление и стенания, и все мысли были направлены на то, чтобы привести девушку в такое состояние, к которому они оба привыкли, и вызывало лишь одно желание — любить её, эту неземной красоты девушку, миусскую Русалочку, любить и целовать и целовать, что было истинным наслаждением и благодатью, которую он никогда и не с кем не испытывал.

— Осень — замечательное время года. Если бы не война... — сделав быстрый вдох ртом, после длительных, головокружительных поцелуев, как ныряльщик, после длительного пребывания под водой, чуть отклонившись от Петра, заговорила Лида и немного помолчав, закончила речь, — да, если бы не война!

Пётр с интересом смотрел на неё, ничего не спрашивая, а пытаясь понять, что же имела ввиду Лида, произнося «если бы не война». Но очень быстро оставил попытку понять логику девичьего мышления и сам продолжил мысль:

— Если бы не война, то всё могло быть совсем иначе и мы могли бы смело планировать свою жизнь, строить планы семейной жизни, и параллельно строить светлое коммунистическое общество, где все, как и они будут жить свободно, без посягательств фашистских агрессоров, без мыслей о том, что скоро германская армия может захватить, ставший нам с тобой уже нашим, любимым, город Ростов-на-Дону, как десятки украинских, белорусских и российских городов и нам, — посмотрев на внимательно слушавшую его девушку и исправившись, продолжил, — мне придётся взяв винтовку в руки, стать на защиту моей семьи в Казанке, тебя и твоих родных в Матвеевом Кургане, наш родной город, наше Отечество...

Высказавшись эмоционально, как будто он не перед девушкой, а на трибуне перед колоннами патриотов, добровольцев, взявших в руки оружие для защиты великого завоевания трудового народа, Советского государства и социалистической собственности, многонационального народа великого Союза и каждую пядь земли предков, Пётр затих, устремив свой взор повыше головы Лиды, на запад, как дозорный, желая осмотреть горизонт и убедиться, что враг ещё далеко.

Лида гордилась его патриотизмом и решительностью,

и даже понимала, что слова, как и все призывы, звучащие с трибун и плакатов —

пафосные, но высказаны от души и от сердца комсомольца, и была уверена, что он не изменит своего мнения, если ему партия и комсомол не дадут другое ответственное задание, то он так вскорости и поступит.

— Петя, мой защитник дорогой! Пойдём, погуляем в парке, пока погода такая замечательная: «осенняя пора, очей очарованье», листья ковром лежат и шуршат замечательно, пойдём, пошуршим!?

— Пойдём, пошуршим! — сменив строгий и решительный вид на добродушное лицо с улыбкой, обняв и плотно прижав девушку к себе и они так, медленно, немного раскачиваясь двинулись в сторону парка имени Крупской, где у них были излюбленные и даже «насиженные», потаённые места, под сенью осенней, опадающей листвы.

Воскресный вечер пятого октября был на редкость неповторим и не только установившейся погодой, когда природа вобрала в себя всю палитру цветов, и нужно было наслаждаться этим, и ещё мирным небом и тем, что пока они живы, и живы их родные, и тем, что у них есть эта одно, может быть из последних свиданий, свиданий, пока ещё в мирном городе, столице донского края.

***

Красная Армия, особенно в первые четыре месяца понесла огромные потери и причины были самые разные, и те же потери были невозполнимые, восполняемые, если раненные бойцы, после госпиталей возвращались в строй и большое количество военнослужащих попало в плен. Трудно было однозначно назвать основные причины того, что целые армии, сформированные накануне и некоторые даже в результате первого боевого

крещения, попадали в окружение противника. Конечно же в Ставке Верховного Главнокомандующего «стрелочников» находили быстро и часто, те не отсиживались где-то в тылу, а были взяты в плен вместе со своими подчинёнными офицерами командования и рядовым составом.

Так, к примеру, в районе города Умани 1-я танковая армия группы Клейста, соединившись с 17-й полевой армией, замкнула котел, в который 2 августа одновременно попали сразу две советских армии — 6-я и 12-я. В течение недели окруженные армии оказывали определённое сопротивление, но все усилия были бесполезными. А затем немецкие войска провели операцию на окружение всего Юго-Западного фронта, что произошло уже в сентябре. Тогда в плен попали, по разным данным от 60 до 100 тысяч человек, вместе с командующими 6-й и 12-й армиями генерал-лейтенантом Николаем Музыченко и генерал-майором Павлом Понеделиным и рядом других военачальников.

Тяжелейшим ударом для Красной Армии стали результаты Киевской оборонительной операции, в результате которой к 24 сентября наши невосполнимые потери составляли более 600 тысяч и взято в плен около полу-миллиона человек. После разгрома Юго-Западного фронта, германские войска ускоренно продвинулись против, наспех формирующихся воинских соединений истерзанного Юго-Западного и Южного фронтов.

Следующим был Харьков. Наше военное руководство серьезно готовилось к обороне города. К 15 октября немецкие войска подошли к городу с трёх сторон. Харьков крупный промышленный город, достаточно сказать, что его тракторный завод выпускал танки. К 20 октября была завершена эвакуация оборудования основных промышленных заводов. Вокруг города были выстроены оборонительные укрепления, окопы, рвы,

противотанковые заграждения, а в самом городе построено несколько рядов баррикад. А с конца сентября по указанию командования производилось минирование важных объектов, мостов и коммуникаций. Немцы знали важность городских объектов и потому даже не подвергали их бомбежке, в надежде использовать в своих целях, на благо Германии.

Но на соседних участках фронта сложилось сложное стратегическое положение, на Южном фронте и на Брянском, севернее Харькова. Немцы продвинулись там далеко на восток и тем самым образовался харьковский выступ. Ещё 8 октября в Приазовье была окружена и погибла 18-я армия Южного фронта, а уже 17 октября германская армия захватила весь Донбасс и город Таганрог, город, основанный Петром Первым, как морской форпост, а вместе с ним и посёлок Матвеев Курган и другие населённые пункты до рубежа линии фронта, пролегшем вдоль реки Миус и этот рубеж получил название «Миус-фронт».

Поэтому было принято решение оставить г. Харьков и отступив, сдав заодно Белгород и Донецкий промышленный район, выровнять фронты. Начались кровопролитные бои за овладение донской столицей на её подступах. И после практически «парадного шествия» германской армии, она здесь, на Примиусье и непосредственных подступах к Ростову-на-Дону встретили ожесточённое сопротивление.

Толи, потому что не за горою была зима, которая могла усложнить, как минимум триумфальное шествие германской армии дальше на восток и на юг, на Кавказ, толи ещё и потому, что Красная Армия не собиралась легко и тем более без боя сдавать такой важный город, считающийся воротами Кавказа. С самого лета боевые соединения, ополченцы, рабочие и служащие, студенты и все те, кто мог оказать помощь в сооружении укрепи-

тельных коммуникаций, окопов и других объектов на подступах к Ростову, шириной до 100 километров на запад, практически до самого рубежа «Миус-фронта».

***

С сентября месяца «Ростсельмаш» переведён на выпуск военной продукции, это были снаряды, мины и авиабомбы, а также к тому времени завод перешел на выпуск корпусов для снарядов реактивного миномета БМ-13 «Катюша». С 12 октября была остановлена работа завода, началась эвакуация, потребовавшая нечеловеческих усилий, напряжения, работы сутками и умелого руководства работами, а 19 октября ушёл последний эшелон в г. Ташкент, где он должен был на время оккупации Ростова размещаться.

Начальник сборочного цеха был прав, когда говорил о том, что при эвакуации потребуются крепкие руки и это имело неменьшее значение для фронта, чем предоставление новобранцев, от которых часто была польза в том, что успевали сделать десяток выстрелов из винтовки Мосина. Логвинов, несмотря на свою природную крепость в кости и тренированные мускулы, чувствовал усталость во всем теле от изнурительной и тяжелой работы в течение целой недели с совсем короткими перерывами и отдыхом прямо здесь, на заводе короткими передыхами и постоянной сменой товарищей.

За две недели он смог лишь дважды сделать короткие звонки в общежитие Лиде, и то, ночью, и под длительный уговор тёти Симы, вахтёра общежития, которая ни в какую не хотела ночью покидать пост и идти будить постоялицу на второй этаж.

— Петя, ты? Что-то случилось? — при первом звонке, испуганным голосом спросила Лида?

— А ты кого хотела слышать? — немного даже с ревностью спросил Пётр, — ну кто же ещё и в такое время может тебе позвонить. Просто времени в обрез свободного. Не знаю, когда мы с тобой встретимся в следующий раз...

— Петя, Петя! Мы будем эвакуироваться в Среднюю Азию и нам с оборудованием нужно будет ехать. Форму шить ведь всё равно надо будет. Петя, а ты тоже будешь эвакуироваться с заводом?

— Лида... ну, не знаю, пока не говорят. Мы же к добровольческому полку приписаны и нас время от времени вызывают и готовят. Вот только, когда стали оборудование демонтировать, не трогают. Но, сказали, как только отправим эшелоны, бросят на рытьё окопов и обучению военного дела вплотную.

— Петенька, что-то сердце моё мне покоя не даёт, и за своих родных переживаю, живы-ли, как они так в оккупации или успели эвакуироваться, никаких известий. А теперь и подавно, если не сдержат войска их натиск, добровольцы вряд ли что сумеют противопоставить их регулярной армии. Я правильно понимаю положение дел, Петя?

— Правильно, Лидок, но такие вещи, да ещё по телефону говорить не стоит. Всё будет хорошо. Мы верим в нашу Красную Армию и в наше руководство страны! Иначе — никак! Ладно, Лида, мне некогда, надо идти, отпросился на пять минут. Ты, если узнаешь дату отправки, найди, как и сообщи или передай просто тому, кто поднимет трубку этого телефона, чтобы мне сообщили — «звонила Лида» и всё, я пойму. Люблю! Целую!

— Взаимно, Петя! Хорошо, сообщу. Целую, милый!

Второй звонок был уже от Лиды и посчастливилось Петру тем, что он был в этот момент невдалеке, дежурный окрикнул по цеху и через минуту Петр стоял с трубкой в руках.

— Логвинов, больше чем на минуту связь не занимай. Главное скажите, что нужно и всё иначе меня расстреляет Платонович, ты же знаешь.

— Хорошо, Степаныч! — согласился Петя и уже в трубку, — Лида?! Алло, я слушаю.

— Петя, мы завтра эвакуируемся последним эшелонном, в 18 часов отправка. Сказали, пока у немцев ужин, они не бомбят составы.

— Лида, этой ночью ты будешь дома, в общежитии? — услышав утвердительный ответ, сначала закричал в трубку, но оглядевшись вокруг, продолжил тихим голосом, — Лида, я приду к тебе. Постараюсь пораньше вечером. Будь дома. Я приду, обязательно. До встречи, любимая!

— До встречи, дорогой! Я соберу вещи и буду ждать тебя. Нам дали сегодня больше времени на отдых. Завтра только документацию загрузим и будем ждать отправки. Я жду тебя, Петя! — на том конце провода послышались гудки, Лида повесила трубку и медленно, в раздумьях начала подниматься по лестничному пролёту на второй этаж в свою комнату.

IX

Когда уже было ясно, что наступление немецких войск не сдержать, коллективу завода Ростсельмаша, 13 октября 1941 года был дан приказ о начале демонтажа оборудования и отправки его в Ташкент. Вся заводская территория больше напоминала большой муравейник, превратившись в сплошной поток перемещаемых грузов и оборудования с помощью лебедок, катков и тягачей. К 17 числу было погружено и вывезено более 80% станков и оборудования, а те, что давали военную продукцию, были сняты с фундаментов и установлены на специаль-

ные лаги, позволяющие быстро демонтировать и перемещать для погрузки на железнодорожные платформы.

Последние двое суток Пётр не уходил с завода, а в короткие перерывы на отдых падал где-либо на деревянные настилы, под крышей цеха и спал крепким сном пару часов, если это получалось. Мысль о том, что он должен проводить Лиду во чтобы то ни стало, после её звонка не давала покоя.

Отработав без малого 14 часов, поздним вечером отпросился у мастера, руководившим работами до утра, напомним, что многократно перерабатывал в своих сменах, о чём знали все сменные мастера. Получив добро и указав адрес, где он, если потребуется в срочном порядке будет и номер телефона общежития, переговорил со своими друзьями.

Иван Поляков двумя днями ранее распрощался с Клавой Ситников, которая эвакуировалась со своими подругами и оборудованием в Ашхабад. И пожимая руку Петру, не сдержался сказать:

— Лиде привет и, как приедет уже на место, пусть Клаве передаёт от меня пламенный привет.

— Ладно, Ромео, — улыбнувшись и одобрительно кивнув, подтвердил, что исполнит просьбу, — не переживай, всё передам, не забуду.

Петя шёл так быстро, что казалось, он не успевает касаться ботинками булыжной мостовой, тянувшейся от главной проходной в сторону Нахичевани, откуда до Лидинога общежития быстрым ходом было минут двадцать. Улицы непривычно были тёмными, из-за отсутствия света уличных фонарей, ввиду вероятности авианалётов, применялась световая маскировка. Но Пётр шёл интуитивно, а в голове прокручивал то, что самое важное он обязательно должен сказать.

Позади осталась улица Молотова, прошёл по улице Октябрьской вдоль парка и питомника, вспомнил свои

свидания с Лидой в парке, задумался и чуть не пробежал 20-ю линию. В этот октябрьский вечер погода была мерзко-сырой, днём прошёл дождь, а сейчас дул пронзительный ветер с ощущением того, что к утру, с большой вероятностью будет заморозок. Лишь из редких окон домов на улицу пробивались узкие полоски тусклого света, из-за плохой светомаскировки или через разошедшиеся доски оконных ставень.

Общежитие швейной фабрики было наполовину пустым и, ранее требовательная и строгая вахтёрша, обязательно спросила «к кому?» и напомнила бы о времени пребывания до 23 часов, сейчас, лишь приподняла голову и снова уткнулась в книгу, раскрытую на её служебном столе. Петя быстро взбежал по лестнице на второй этаж, ловко перешагивая сразу через две ступени. Остановился у двери с номером 36 и почему-то постучал, как будто не был уверен или просто, чтобы не застать девушек в неловком положении.

Послышались быстрые шаги за дверью, и она резко распахнулась, без малого, не оставив Петру отметину на лбу, он едва успел отклониться. Лида бросилась ему на шею и замерла.

— Так можно войти или как?

— Ой, Петя, прости! Заходи. — Лида пропустила Петра вперёд и затворила за собой дверь.

Петя осмотрелся в комнате, освещенной лампой под низко свисающим абажуром из плотной бархатной ткани алого цвета. В комнате кроме них никого не было.

— А где девчата? — спросил Петя, как будто он пришел не к Лиде, а именно к её подругам.

— У нас сейчас в комнатах некомплект, девчонки эвакуировались, некоторые в ополчение санитарками пошли и, возможно, уже скоро окажутся на фронте. А Вера, оставшаяся пока, тоже уедет со мной последним эшелом-

ном завтра. Она к девчонкам пошла, решила там заночевать сегодня.

— Понятно.

— Ты прям с работы? Иди, знаешь где умывальник, умойся. Сейчас поужинаем, я приготовила.

Возвращаясь из умывальника с полотенцем на шее, Петр, открыв дверь, моментально ощутил аромат горячего борща, который паровал из только что наполненных тарелок на столе, и из них струился пар, поднимаясь под красный абажур лампы, свисающей низко над столом. Всё это было так таинственно и волшебно, что Пётр уже успел как это бывает, ведь дома давно не был. На секунду вспомнил о матери, о её просьбе приехать и поневоле, его улыбка стала угасать, что не осталось незамеченным наблюдательной Лидой.

— Что-то случилось? — испугано спросила она у парня, одной рукой обняв его за талию, а другой сняв полотенце с плеч и швырнув его на кровать, чтобы не тратить драгоценное время на пустую возню, — у тебя всё хорошо, Петруша?

— Как ты меня назвала, Петруша?! Я вспомнил — «Прокати нас, Петруша, на тракторе, до околицы нас прокати!...». А теперь, знаешь, что поют? Я вот совсем недавно слышал песню, но все слова не запомнил. Мы с тобой ходили на фильм «Большая жизнь» с Борисом Андреевым и Петром Алейниковым, там песня была о коногоне, помнишь?

— Ну, конечно! Песня трогательная и грустная.

Пётр присел на стул за стол и негромко запел:

«Гудки тревожно загудели,
Народ бежит густой толпой,
А молодого коногона
Несут с разбитой головой...».

Когда пел эту песни, его руки лежали на столе, правой по привычке взял её правую руку и его взгляд был направ-

лен на зашторенные окна, а на его левую руку, Лида, нежно и так, чтобы не отвлечь Петра от пения положила свою маленькую девичью ладошку левой руки. От её рук он ощутил такое тепло и что-то ещё, что заставило молодого человека слегка вздрогнуть, но не от испуга, а от необычного ощущения даже не телесного, а душевного тепла и нежности, прерваться, повернуться и посмотреть в глаза Лиды. Какое-то время они сидели молча так, потом Лиде стало неловко, и она прервала молчание вопросом:

— Так, что ты хотел сказать, что сейчас поют, эту песню?

— Нет, на мелодию этой песни написали новые слова, но уже о том, что происходит сейчас, о войне.

— Петя, ты не запомнил? Я не слышала.

Петя поднял голову, посмотрел на абажур и, как будто прочтя на нём слова спел то, что запомнил:

«По полю танки грохотали,

Солдаты шли в последний бой,

А молодого командира

Несли с пробитой головой...», — тут второй куплет, я его полностью не помню, а дальше запомнил, —

«Машина пламенем объята,

Вот-вот рванет боекомплект.

А жить так хочется ребята.

И вылезать уж мочи нет...».

Наступила тишина. Лида сняла левую руку с Петинной, повернулась в пол-оборота на стуле, потянулась, достала с кровати брошенное ранее полотенце и поднесла его к глазам. Петя вновь посмотрел на Лиду, она плакала, тихо и беззвучно.

— Ну, вот, незадача. Ты прости, не думал тебя расстраивать! Лида, прости!

— Это ты меня прости, вспомнила маму и брата с сестрой, там же сейчас немцы. Как они там? И что будет с нами, а, Петя?

— Всё будет хорошо! Ты же хотела меня угостить борщом горячим, а он уже и пристыл.

— Ой, правда. Кушай, Петя, кушай. И я тоже, ждала тебя, чтобы вместе поужинать, хотя уже скоро одиннадцать... Да, чуть не забыла, растеряха, — Лида метнулась к шкафчику и вернулась уже улыбающейся и с бутылкой водки, — вот для случая такого, как сейчас припасла. В другое время, может быть нужно было вино или даже шампанское, ну подумала — ты же мужчина, нужно напряжение снять, водкой, думаю, будет лучше.

Петя заулыбался, наклонился к Лиде и поцеловал легким прикосновением, хотел в щеку, но из-за того, что Лида чуть наклонила от стеснения голову, получилось в висок. Оба засмеялись неловкости момента. Видя эту картинку мирно ужинавших молодых людей, нельзя было представить, если не брать в счёт песню о трагических событиях, происходящих ежедневно на полях сражений и то, что Лида завтра должна будет эвакуироваться из города, ставшим родным, далеко от мест, где осталась мама и родные, далеко на восток, а Петина судьба до конца непонятна, но с большой вероятностью, он скоро встанет в ряды действующей армии, хоть и составе добровольческого полка.

Лида поставила гранённые рюмки на ножках, Петя попросил у неё бутылку, потому что откупоривание «казёнки», бутылки заводского производства требовали определённого умения и навыка. Открыв и разлив по рюмкам, Петя, поднёс свою к Лидиной и спросил:

— За что выпьем?

— За нашу скорую победу! Хочу, чтобы все родные были живы, чтобы война быстрее закончилась и наступил мир.

— Хорошо, за победу! — поддержал Лиду Петя.

Борщ был по-домашнему вкусен и, тем более что Петя такой еды давно не ел, то справился с порцией очень быстро.

— Тебе добавки налить или второе подать? У меня селедочка и картошка «в мундире».

— Во, как! У тебя, как в ресторане «второе подавать?!» — не выдержал, чтобы не засмеяться Лидин уха-жёр, — «водочка и селедочка — не надо ничего!» — так любил говорить мой отец. А как же после, если того..., ну целоваться не будем мы или как?

— Петруша, я все твои губки оближу, будешь мной пахнуть, — произнесла Лида, опустив немного взгляд и Пете показалось или это было отражение красного абажура, что она покраснела.

— Ну, если будем вдвоём её уплетать, то давай, тогда к селедочке нужно по рюмочке.

— Ой, я же так не пью, это из-за тебя. Ладно, половинку, хорошо?!

— Как скажешь! Тепло сидим, хоть тепло в общаге пока давали, но согревает изнутри и..., — Петя посмотрел на Лиду и молча разлил по рюмкам.

— Петя, а ты меня и правда любишь?

Было заметно, как эти слова резанули по душе парня, который ещё месяц назад, поняв, что нашёл свою судьбу, признался Лиде в любви и собирался сегодня ещё не раз повторить, но без принуждения, а по своей инициативе. Но сдержав себя от резкости, спокойно ответил:

— Конечно, люблю!

— Ты останешься сегодня у меня или как?

— А как нужно или как бы ты хотела?

— Конечно!

— Что конечно? — не дождавшись полного ответа спросил Петя.

— Конечно, я хочу, чтобы ты остался у меня этой ночью, если это возможно.

Петя повернул глаза на Лиду и увидел, что она светила надеждой, и даже показалось, что искорки в её глазах говорили о каких-то потаённых желаниях или де-

вичьей тайне, что она долго берегла, чтобы открыть в самый значимый, счастливый момент. Он потянулся к Лиде и надолго застыл в, не совсем удобном положении, сидя на стуле напротив девушки и дотягиваясь к ней через стол.

— Петя, ты ещё будешь кушать? Нет!?! Тогда я уберу. Вот моя койка, можешь прилечь отдохнуть.

Лида убрала тарелки со стола, собиралась убирать и оставшуюся в бутылке водку, но передумав, оставила с рюмками на столе.

— Я пойду, покурю?! — сказал Пётр, вынимая из глубокого кармана форменной шинели учащихся железнодорожного училища, выданную в полку народного ополчения, хоть она и была явно тесновата, но придавала значимый вид, в отличие от ватника или гражданской одежды, пачку папирос, открыл и вынул одну, начал у неё не совсем умело сминать картонную гильзу мундштука.

— Давно куришь? Я не видела.

— Нет, Лида, да поди уже, как неделю, сейчас дни слились в сплошные сутки. Даже не знаю, отчего это. Обычно с детства начинают курить, а я, вот. Кажется, когда покуришь, как-то на душе покой наступает, как лекарство, всё равно.

— Ну, тогда кури здесь. Не светись в коридоре, время-то уже сколько? Вот! С бабой Симой я поговорила, она не выдаст. Да и случай сейчас совсем не тот. Все это понимают.

— Вон почему Вере захотелось сегодня заночевать не у себя в комнате, а у подружек, — улыбаясь подтвердил свои догадки Петя.

Присев у окна, чуть отодвинув штору и приоткрыв форточку, через которую в комнату устремился сырой, практически морозный воздух, закурил, стараясь весь дым выпускать на улицу. Ночь была тихой, военная ночь,

но пока ещё в свободном от оккупантов городе. Пока Петя курил, Лида разобрала кровать и увидев, что Петя внимательно наблюдает за этими приготовлениями пояснила:

— Ты ляжешь на моей, а я могу... на любой, все свободны. Как там наши девчонки, добрались уже или ещё в дороге. Говорят, что после Сталинграда немцы дальше эшелоны не бомбят, не долетают.

Петя подошёл вплотную к Лиде, остановился так близко к ней, что мог ощущать её волнительное дыхание и периодически глубокие вдохи вздымали грудь и он ощущал её жар. Лида, хоть и была стройной девушкой, но по женским меркам, а Пётру макушкой головы доставала всего до кончика носа и потому смотрела на него снизу вверх, что было трогательно, как будто она показывает свою беспрекословную преданность своему хозяину, нет, не как домашняя собачка, а как жена мужа, верная супруга и любящая женщина, которая, как принято было в те годы на Примиусье, как минимум, называть мужа уважительно «хозяином», не в семье, а на людях.

Петя понимал эту искреннюю преданность и отвечал ей тем же, он нежно обнял любимую девушку и стал нежно и всё страстнее и страстнее целовать до тех пор, пока не почувствовал, что Лида обмякла в его объятьях и даже начала проседать. Чтобы предотвратить этот «лавинный» процесс, сползающего в полусознательном состоянии человека, любимого человека, он прижал её к себе сильнее и сразу ощутил то, как его девушка начала дышать, как рыба, оказавшаяся по воле рыбака на берегу. Её нужно было спасать, а так как спасительной среды обитания своей рыбе Петя не находил, то он просто приподнял Лиду, пронёс несколько шагов и аккуратно положил на кровать.

Лида, не сопротивляясь, а с улыбкой, отражённой в уголках её воспалённых и слегка припухших от жарких

поцелуев прекрасных губ, покорно смотрела на своего Ромео и молчала. Молчал и он, только наблюдая за тем, как прекрасна эта девушка, а в таком состоянии тем более, в её глазах читается любовь и блаженство и даже в мыслях её сейчас не война и оккупация её родного посёлка, не предстоящая эвакуация, не военная форма, от которой за время шитья у неё рябило в глазах, не шинели, которые приходилось шить и те, которые можно было видеть ежедневно на улицах Ростова — нет, ничего этого, а только желание быть со своим человеком здесь, сейчас и всегда вместе, всю их жизнь, потому что это её судьба. Она его долго ждала и, не только никого не любила, но даже не пыталась с кем-либо встречаться, потому что, как Ассоль ждала и верила, что её Грейд обязательно появится в её жизни. И вот, он появился. Казалось, радуйся своему счастью, а им максимум несколько часов осталось быть вместе. А, что потом? А потом неизвестность.

Лида приподнялась на локти и нежно, как мама укладывает ребёнка, предложила, не отводящему от него взгляд, молодому человеку:

— Петя, ложись! Тебе нужно отдохнуть, тебе силы ох, как нужны. Я в дороге отосплюсь. Суток двое, а-то и больше ехать придётся. Ложись. А, я, ... — Лида не успела досказать, как на её губах вновь замкнулся его поцелуй и замкнутость этого поцелуя определялась не силой, с которой он пытался удерживать девушку в своих объятиях, а тем, что они оба желали, чтобы этот их сладостный контакт был, как песня мелодичный, кружил их головы, как в свадебном вальсе.

Её руки, изначально обнимавшие его широкие плечи, потеряв усилие захвата, медленно сползли и обессиленно распластались на постели. И через какое-то время, когда Пётр позволил своей добровольной пленнице отдышаться, она тихо попросила:

— Позволь мне раздеться. А сам-то ты не на работе, раздевайся пусть тело отдохнёт.

— Как скажешь, принцесса.

— Вот так ты меня ещё никогда не называл, мой принц, — Лида произнесла эти слова задорно засмеялась и казалось, что во всем большом мире, кроме их, молодых и счастливых никого нет, и нет за окном звуков приближающейся артиллерийской канонады, и не гудят в небе ночные бомбардировщики, да и войны нет — есть он, она и их любовь.

Лида гладила его непокорные вихрящиеся волосы, представляя себе его, как Гришку Мелехова, одного из любимых героев шолоховского «Тихого Дона». А ведь его отец и, особенно дед, помнят события тех лет, описанные знаменитым земляком Петра, ведь они жили так близко друг от друга. И не сдержалась, чтобы не спросить:

— Петя, а ты Шолохова видел?

— Писателя нашего, что ли? Нет, я Михаила Шолохова не видел, а вот мой отец и по работе с ним сталкивался, но больше с его отцом, тот после установления советской власти у нас, на Дону, работал тогда Александр Михайлович заведующим заготконторой. Потому-то и образование сыну смог дать и в Москве, как я слышал учился. А, когда стал известным писателем, написал много рассказов и уже два или три тома «Тихого Дона», то сам Сталин его принимал. По слухам, Михаил Шолохов — наш мужик, казачьих кровей, веры и убеждений. Оттого и пишет он просто и душевно, читаешь и читать хочется. Так же?

Петя повернулся к Лиде, которая, уткнувшись носиком в его плечо, внимательно слушала его рассказ. Услышав оклик, даже вздрогнула и моментально ответила:

— Да, Петя, так, так! Я тебя достала вопросами, да? Отдыхай, а я тобой полюбуюсь. Когда теперь снова встретиться придётся, только одному Богу известно.

— Как же тут с тобой заснёшь? Лежит вот оно, сокровище, о котором все мечтают, а достаётся быть рядом только одному простому парню казачьего рода и племени, как ты называешь, Петруше, — Петя заулыбался, повернулся на бок и стал нежно целовать Лиду везде-везде, где только были её оголенные, округлённые прекрасные девичьи формы.

Время с жарких объятий и нежных ласках лилось сплошным речным потоком, как несёт их Дон-батюшка, размеренно и безвозвратно и с той лишь разницей, что их время истекало ни как у Дона, разветвлением в дельте и впадая в Таганрогский залив Азовского моря, его воды встречались с водами его меньших братьев, Тузлова, на которой родилась Лида и Миуса, реки, на которой она выросла. На Миусе Лида провела все сознательные годы, а их с Петей время истекало, и минута расставания, и повторная встреча была непредсказуема, в отличие от встречи в Таганрогском заливе вод названных рек, родной для Петра реки Дон и родных для Лиды рек Тузлов и Миус.

Сойдутся ли их стёжки-дорожки в единую судьбу, думали сейчас оба, только плохие мысли гнали прочь и верили в хорошее, всё должно быть хорошо, потому что они любят друг друга и должны быть вместе, вместе всю жизнь, длинную и счастливую.

Лида часто вздрагивала, нет, не от боли или какого-то испуга, неожиданностей, которые она не могла предугадать, всё что сейчас происходило, много раз она прокручивала в голове и пыталась спрогнозировать, как она себя поведёт, если что, и как может среагировать на это Петя. Она не хотела обидеть любимого её парня и не показаться распутной, ведь у неё никого, кроме него никогда не было, если не считать два-три дружеских поцелуя друзей. Она старалась быть просто естественной, естественной и натуральной, не поддель-

ной и лживой, а честной и правдивой, как во всём и всегда.

Часы давно перевалили за полночь, но кто смотрел на то, сколько отсчитали настенные ходики счастливых часов и минут этой счастливой паре, об этом даже и думать не хотелось. Поэтому события развивались по нарастающей, как морская волна набирает разгон, чтобы затем обрушиться штормом на скалы и утёсы береговой линии. И чем ближе подходил тот момент, когда нужно было решить и решить единогласно, быть ли этому шторму или просить богов, если сами не в силах, чтобы всемирные силы, силы Лунного притяжения, заставили бы, собравшиеся штурмовать тихую заводь шквалом эмоций неприступную или для такого случая доступную крепость на её берегу, сделать отлив или...

Но всё шло к кульминации момента. Зацелованная и обессиленная от внезапно-нахлынувшего счастья девушка, была лишь в состоянии отвечать редкими ответными поцелуями, так как вся инициатива была в руках Петра и отбирать её у него она совсем не собиралась.

Они не заметили, как в прохладной, нетопленной комнате они остались в том, как мать родила и снимали всё с себя сами или им помогали это делать, если спросить, то никто бы точно ответить не мог. Всё происходило интуитивно, на высоком эмоциональном подъёме, когда, даже разорвавшийся невдалеке артиллерийский снаряд не смог бы их привести в состояние осознания происходящего и покоя, с возможностью трезво мыслить и принимать обдуманные решения.

А вздрагивала Лида от тех глубинных внутренних процессов, происходящих в её возбуждённом молодом организме и от того, что руки Петра за прошедшую неделю ещё сильнее загубели и даже кожа на руках потрескалась, а на ладонях уже неоднократно были сорваны мозоли. И когда руки, больше напоминающие даже

не наждачную бумагу, а напильник с крупной насечкой, не то, что на нежном девичьем теле, на слоновой коже были бы осязаемы. Но это было изначально и когда он добрался до самых нежных эрогенных зон, начиная от шеи, груди до низа живота, внутренней стороны бедер, ощущения были совершенно другие, и больше не ощущалась шершавость рук, а ощущались лёгкие эротические прикосновения теплых и нежных рук близкого, любимого человека.

Дальше всё произошло, ни как думалось обоим перед их этим свиданием, в канун расставания, а вопреки, без слов и лишь непродолжительные остановки и еле ощутимые, но невидимые жесты диктовали их дальнейшие действия. Когда Петя своей крайней плотью ощутил отличный прилив влажного тепла от девушки, размлевшей и плавно перекладывающей свою прелестную головку, запутавшуюся в расплетённой косе, которое исходило из самого потаённого места девушки, откуда начинали расти эти прекрасные стройные ножки, он остановился замер на секунду, до появления дрожи в его сильных руках, на которых он, упёршись с обеих сторон от девушки в матрац, немного отстранился от её чудно, часто вздымающейся груди и заметил, как эта красивая голова Русалочки в перепутавших лицо волосах, сделала несколько одобрительных кивков головой и после, когда он с ещё большей силой ощутил жар, окутавший его орган со всех сторон, начиная его медленно вводить туда, где ему предстояли ещё таинства и открытия, услышал где-то там, как ему показалось высоко и далеко тихим и приглушенным голосом:

— Да-а-а! Да-а-а, мой милый!

Это не были Ангелы, это был ангельский голос его любимой девушки Лиды. Всё слилось и смешалось в единый энергетический сгусток счастья и трудно было понять где кто и где чью, всё было едино, слитно

и неразделимо, счастье близости, счастье любви, их любви большое, светлой и с великим грехом, обоюдно безгрешной.

И казалось, что не только их влюблённые души, словно сизокрылые голуби, но и их тела, ставшие невесомыми, легко преодолев силу земного притяжения, законы Ньютона, нормы и правила поведения, и границы стеснения в обычной общественной жизни, в социальной сфере, в общении в коллективе — всё это там, в реальной жизни, в той жизни, где трезвонят трамваи на разьездах, гудят заводские гудки; не там, где сейчас война — они оба в другом измерении, в состоянии райской эйфории, возвышенности чувств, доходящих до их максимального, пикового состояния — экстаза, которой продлился несколько секунд сладостного, медового вкуса счастья всеми клетками разгорячённых тел, испытали это непередаваемое ощущение в состоянии единства плоти, единства чувств, единства желаний и унисона сердцебиения влюблённых до безумия сердец — это было, казалось, даже не в этой жизни, которая готовит всем суровые испытания, нет, это то, что осталось в той счастливой жизни, которая остановилась на это чудное мгновение на грани, на границе с той, в которую придётся им вступить завтра.

А завтра будет уже другое и они, после этой ночи стали другие. Эту ночь можно сравнить с первой брачной ночью молодожёнов, вступающих в совместную жизнь гражданским браком.

Они любили сильно, страстно, до безумия и верили, что так будет завтра, через неделю, месяц, год — всегда. Они всегда будут вместе, потому что они хотят этого и кто может осмелиться помешать их счастью, кто?

Ночь была несоизмеримо длинной, бессонной и таковой, к сожалению, короткой. И это закономерно. Если бы всё было наоборот, чтобы счастливые моменты

были многократно продолжительнее, длились не минутами, часами, а днями и годами, то люди бы привыкли к этому, как к обыденному, будничному дню жизни в работе, заботах и хлопотах и потеряли бы вот такое ощущение счастья, которое контрастно выделяется среди серостей вчера и завтра, и запоминается на всю жизнь. Такие мгновения, которые испытали этой ночью молодые люди, им точно не забыть никогда. И потому, именно с этого момента будут считать себя самыми счастливыми и, даже не считать — они и были самыми счастливыми, и им завидовал весь мир, так как другой такой счастливой пары, по их бесспорному убеждению, нет и быть не могло.

Х

Лиду и Петю, уснувших счастливыми под утро, разбудила сирена, извещающая о воздушной тревоге и через некоторое время послышались сильные взрывы северовосточнее от общежития швейной фабрики, где Петя провёл самую памятную и счастливую ночь в своей жизни с девушкой, лучше которой он не представлял, даже если бы обошёл весь шар земной вдоль и поперёк, в этом он был твёрдо уверен.

— Петя, что это? Немцы? — Лида приподнялась на кровати, подтянула под себя, как-то по-узбекски ноги и застенчиво натянула на себя одеяло, прикрывая свою наготу и наполовину оголяя своего любимого парня, и, увидев его обнажённое тело, хоть и не отчётливо, а в полутьме, зашмыгала носом, душа в себе смех.

— Нет, Лида! Это наш завод, скорее всего бомбят, взрывы в той стороне. Мне нужно бежать. Я до утра отпросился, сколько времени?

Лида напрягла зрение, чтобы увидеть на настенных ходиках время, но так и не смогла, было слишком темно. И тут, она неожиданно не только для Петра, но и для себя тоже, резко откинула одеяла, выскочила, как ошпаренная кипятком из нагретой постели, подбежала к столу, нащупала на нём спички, зажгла и подняла горящую спичку кверху, в сторону часов. Они показывали 6 часов тридцать четыре минуты. Но этого Петя не видел, он замер, увидев такое диво, какое можно было только представить на картинах Леонардо да Винчи или итальянца Сандро Боттичелли «Рождение Венеры», только видом сзади.

Спичка горела всего каких-то три-четыре секунды, но и за такое короткое время Петя успел рассмотреть и оценить всю божественную красоту любимой девушки. Отчетливо был очертан с помощью контраста света и тени абрис точёной фигуры. Спичка осветила правую и верхнюю часть головы, плечи, слегка коснулся округлых бёдер, тень падала не прямо на Петра, а чуть выше его головы, на тумбочку и соседнюю кровать, и ещё его поразило то, что она чуть потянулась на пальчиках, чтобы выровнять взгляд с циферблатом, хотя, даже Пётр различил, где находятся стрелки, и в этой позе на секунду замерла, как богиня с факелом, а между внутренней стороной напрягшихся ног отчётливо просвечивались три, нет, даже четыре световых просвета. Это было так красиво и таинственно, что у молодого донжуана появилось нестерпимое желание, которое он с трудом пытался сдерживать.

Лида затушила спичку, повернулась и таинственное видение растаяло в темноте почти полностью, лишь белизна девичьей кожи выделялась на фоне сплошной темноты. Лида подошла быстро к кровати и быстро юркнула под одеяло и прижалась плотно к тому, кто этой ночью стал её первым и любимым мужчиной, а она стала жен-

щиной и на секунду не жалела об этом, оно в потайных укромных уголках души хранила это тайное желание и оно исполнилось. Слава Всевышнему!

— А тебе во сколько нужно быть на работе? Сейчас..., — Лида не успела сказать сколько сейчас на часах времени, Пётр захватил её в свои страстные объятия и усыпал пылкими поцелуями.

Как не хотелось уходить, прощаться со своей любовью, и кто знает, какой долгой окажется их разлука и получится ли свидеться вообще, ведь война ломала не только планы и мечтания, она ломала жизни, сотни, тысячи жизней, но об этом сейчас не хотелось думать.

Горела привычно лампа под абажуром, молодые люди молча сидели за столом и смотрели друг другу в глаза. Потом Лида оживилась и восторженно предложила Петру:

— Мне пришла идея. Знаешь какая?

— Чтобы мы поехали вместе в Ашхабат или, наоборот, ты осталась со мной в Ростове?

— Но это же невозможно. Я, когда приеду туда, то напишу на наш почтамт тебе до востребования и ещё одно письмо на твой нынешний адрес, для большей вероятности, что ты получишь. Ты будешь знать мой адрес. И ещё, самое главное, если нам не судьба будет увидеться или с письмами что-то не получится предлагаю, вот как только я вернусь из эвакуации, то буду тебя ждать на том месте, где мы с тобой познакомились, у кинотеатра и в тоже время, в 20 часов. Давай договоримся, чтобы кто окажется раньше в Ростове после войны, будет приходить туда, ну... дважды в месяц по воскресеньям, в первое и третье. Тебе как это предложение? Идёт?

— Идёт! Тебе не в эвакуацию, а армией командовать, стратег ты мой, любимая моя!

Лида проводила Петра до перекрёстка 20-й линии с Октябрьской улицей, где они и распрощались.

— Я тебя люблю, Лида! — повторял и повторял Петя.

— Я тебя тоже люблю, Петя! Оставайся в живых, ты мне нужен. Я хочу от тебя детей. Мы же будем вместе?!

— Будем, любимая! Вот врага разобьём и обязательно будем. Ты мне назначила свидания, и я на него приду во чтобы-то не стало.

Они обнялись и долго стояли под прикрытием утреннего тумана и лёгкого мороза минуты три, не больше. Потом Пётр сам слегка оторвал девушку от плотного контакта с собой и пронзительно глядя ей в глаза сказал на прощанье:

— Пора! Береги себя, Лида! Я приду к тебе с победой. Жди меня!

Он резко повернулся и пошёл, свернув направо на Октябрьскую улицу в туман и вскорости полностью растворился в нём, только подковы каблуков ещё некоторое время определяли его траекторию.

Лида заплакала и, когда уже и шагов не стало слышно, медленно пошла в общежитие. Ей нужно было тоже собираться и идти на погрузочную площадку, где готовился к отправке их последний эшелон.

***

Весь день проведя на загрузке эшелона и затем обустройстве во втором из двух «жёстких» плацкартных вагонов, называемых в народе «егоровскими», прицепленных во главу эшелона, в основном состоящих из товарных вагонов для перевозимых материалов, документации и оборудования демонтированной швейной фабрики. Подруга Вера, не отступающая ни на шаг, всё пыталась, хоть немного выведать от Лиды, как они провели ночь и что было и чего, возможно, не было.

Лида молчала, не обращая внимание на её балаболство, но даже, несмотря на разлуку с любимым, её лицо

светилось светом огромного девичьего счастья и надежды на то, что всё у них будет замечательно, так как сказал Петро. Конечно она его дождётся, это не должно даже обсуждаться, но делиться сокровенным, даже с лучшей подругой она не собиралась, это была их тайна, её — Лиды и его — Петра.

Как комсомольский активист, комсорг цеха, получала и значимые поручения, а чаще для того, чтобы вышестоящее руководство видело, что их подчиненные двигаются, не сидят. А самой организацией формирования эшелона, конечно, руководили опытные руководители-производственники вместе с железнодорожниками.

Лида даже была рада, когда ей давали даже самые незначимые поручения, типа, найти какого-то специалиста для решения какого-либо сложного вопроса и этому была причина. Чем ближе подходил час отправки, тем волнительнее было у неё на сердце, она всё отчётливее начинала понимать, что своего любимого парня она, как минимум не увидит долго, а другая мысль, хоть периодически и приходила в голову, она её гнала и не хотела ни на миг сомневаться, что будет иначе, чем как они договорились. Даже не теряла маленькую надежду, что он сможет прибежать на станцию Нахичевань и обняв, поцеловав, сможет проводить, а она традиционно помашет ему платком из открытого окна деревянного плацкартного вагона и она, всё же запомнить его улыбающееся лицо со взглядом вслед удаляющегося состава, чем, как на этот момент — постоянно перед глазами картина, где его плечистая фигура в чёрной шинели медленно растворяется в тумане.

После очередного наплыва тоски, Лида, не сдержавшись пустила неудержимые слёзы, которые тихо падали из глаз, наклонённой в проход между сиденьями шестиместного «купе» плацкарта, головы на пол. Проходившая мимо неё старший технолог производства, красивая жен-

щина, для которой её истинный возраст вызывал у тех, кому она признавалась, удивление и было непонятно, зачем эта молодая женщина, которой на вид с «натяжкой» можно было дать 35 лет, признается, что ей уже вот-вот исполнится 47, и она уже счастливая бабушка прекрасного полуторарагодовалого внука Максимки.

— Лидок! Что стряслось? Печальное известие? — присев рядом на корточки и пытаюсь заглянуть девушке в глаза, спросила Антонина Ивановна.

— Простите, Антонина Ивановна! Это девичьи слёзы. Вы, уверена, что меня поняли, — захватив в правую руку уголки платка и, одновременно вытирая глаза от слёз и поднимая голову, с натянутой улыбкой посмотрела на добрую, равнодушную женщину.

— Парень на фронт ушёл? Это наша женская доля, ждать. Меня в восемнадцатом мой любимый оставил в положении и ушёл защищать власть Советов, да так и не вернулся... — теперь пришла очередь уже Лиде успокаивать женщину, которая на 10 лет была даже старше, чем её мама.

— Простите, пожалуйста, Антонина Ивановна! Я больше не буду. Можно спросить? А муж не вернулся, погиб? — Лиде было неудобно задавать женщине такой вопрос, но все произошло так, из-за доверительности беседы, тон которой задала опытная женщина.

— Лида, не извиняйся. Да, он погиб. Его казаки зарубили весной 19-го года где-то в бою под станицей Мигулинской Верхнедонского района.

Его товарищ через время мне рассказал, когда у меня уже сыночек был примерно такого же возраста, как сейчас внучок. Даже не знаю, схоронили его там или орлы степные плоть растерзали. Время кровавое было, брат на брата шёл с оружием и убеждениями кровных врагов.

Лида положила руку на плечо женщины и теперь уже ей приходилось успокаивать, как опытному психологу

со школьным образованием и небольшим опытом общественной работы. И когда она услышала место гибели её мужа, у нее по коже пробежали крупные мурашки — да это же родина его любимого. И могло быть, что тот казак, зарубивший насмерть красноармейца, мог быть дедом или даже отцом Петра. Как хорошо, что Лида ещё не знала подробностей, а они таковы, что указанная станция от Казанской, где жил Пётр всего-то до 20 километров, вниз по течению Дона. И наверняка, люди, старожилы тех мест знают о тех событиях много всего, чего в учебниках по истории, по понятным причинам ничего не говорилось.

Антонина Ивановна приподнялась и присела рядом с Лидой на скамью, они обнялись, без сговора, разом, с той лишь разницей, что оплакивала своего мужа, отца её сына, который сейчас на фронте и внука, которым он, в отличие от отца успел пообщаться до возраста чуть более одного года, но, когда Максимка видел, пришедшего отца с работы, улыбался и тянул к нему ручонки, а другая, по том, кто жив и здоров, даже не мужу, суженному, с которым только собиралась связать всю свою жизнь.

Прошло минут пять или чуть больше, обе разорвали свои женские объятия и сидели рядом, смотря друг на друга с грустными улыбками и только теперь Лида осмелилась сказать истинную причину слёз:

— Мой парень пока не ушёл на фронт, жив, слава Богу, он в народном ополчении. Но я так думаю, что скоро придёт и их очередь защищать нашу Родину, наш любимый Ростов.

Загремела тамбурная дверь и чей-то женский голос громко позвал женщину по имени отчеству.

— Ну вот, отвела душу, при подчинённых это делать не желательно, но ты меня поймешь, Лида.

Расправив на себе осеннее пальто с длинными полами, что делало женщину ещё стройнее, молодая женщи-

на, мать и законная бабушка в одном лице, не поворачиваясь уже в сторону Лиды, пошла красивой походкой, отстукивая ритмично шаги каблуками бот.

Разговор с коллегой и одновременно женщиной, занимающей высокую должность на фабрике, ничуть не успокоил девушку, а наоборот, навёл на размышления и сомнения. Через полчаса, все кого провожали родные, распрощались и заняли свои места. Только одна Анастасия Филипповна не могла никак определиться с местом, крутясь в тесном проходе и разминаясь то с одним, то с другим, кто также суетился, размещал вещи или куда-то собирался идти. А куда, когда всего два вагона и всё, не в вагон-ресторан, конечно. Видимо это от того, что у всех головы были забиты тем, что мешало сосредоточиться.

— Анастасия Филипповна! Идите к нам, — затем обратилась к тем, кто уже пригрел свои места на нижней лавке, — вы не против, чтобы нашего мастера разместить у нас на нижней ярусе?! — и услышав только от подружки Веры одобрительный ответ, подтвердила, привстав, чтобы женщина увидела где её приглашают, — сюда, сюда, Филипповна!

Обведя всех в своем купе взглядом и поняв, что они не в восторге от соседства с пожилой женщиной, а кому-то приходящейся и начальником, добавила:

— Я уступлю место Анастасии Филипповне, сама на верх полезу, там засыпает лучше, укачивает.

Анастасия Филипповна, пыхтя и постоянно поднимая чуть-ли не над головами тех, кто зазевался, связанные углами теплой шерстяной шали вещи, продвигалась на голос. Когда она остановилась и тяжело дыша, видимо из-за астмы, Лида скомандовала:

— Девчата, давайте приподнимем красивые попы, вещи нужно втиснуть, а нет, то и на самый верх можно «защуплить», кому ночью на голову «звезда» упадёт.

После убедительных слов девчата, как по команде взлетели и не вальяжно поднялись, двое придержали крышку вещевого ящика, одновременно являющегося и нижним спальным местом.

— Филипповна, вам удобно будет за столиком сидеть или в серединку присаживайтесь. Извините, что я тут ва-ми как-бы команду!

— Ой, Лида, перестань. Меня не назначили ни старшей по вагону, ни дежурной, так что я теперь с вами на равных условиях, эвакуированная, — присев, как ей было предложено у окна за столик и только теперь увидела, что у неё на локтевом суставе полусогнутой руки болтается сумка, не фабричного, а собственного покроя, заулыбалась и добавила, — сух пай—сух паем, а тормозок с домашней едой сегодня на ужин кстати будет.

Анастасия Филипповна проворно освободила практически всё содержимое сумки, а пустую повесила на крючок столика:

— Ещё рано, наверное, ужинать? Может через часик?!

Компания женщин, без слов согласилась с пожилой женщиной, лишь кивком голов или доброй улыбкой. Все знали, что сна, в привычном понимании этого процесса, даже и в условиях поезда, им сегодня не видать. Возможно, только те, которые засыпают во всех условиях, при условии того, что голова касается чего-либо, подушки, травы на лужайке, дружеского плеча в трамвае или того же своей подруги. Колёса отстукивали на стыках.

На станции Злодейская эшелон пропустил встречный военный эшелон и как можно было различить в свете тусклых станционных фонарей, на платформах было вооружение. Женщины плохо в этом разбирались, но судя по очертанию тентов, это была полевая артиллерия, а уже точнее сказать нельзя было, батальонная, полковая или даже армейская, всё зависело от задач, которые перед этими видами батарей ставились и отличались даль-

ностью обстрелов и калибром. Особенно, Лида заинтересовалась длинноствольными орудиями на крайних платформах, хоть и накрытые, но их выдавали очертания. Она видела в Ростове такие, это были зенитные орудия и их задачей была пресекать авианалёты немецких бомбардировщиков. И видела, что эти установки обслуживали военные, но не военнослужащие-артиллеристы мужчины, а большей частью женщины, да даже не женщины, а девушки, почти ровесницы, да, пожалуй, и были ровесницы, по 17—18 лет. Почему именно женщины, конечно, она не знала, но мысль пойти добровольцем на фронт посещала её и не один раз. И сейчас, увидев зенитные орудия, а что под брезентами были именно они, она почти не сомневалась, снова начала размышлять об этом.

Проехали станцию Верблюд. Девчата начали потихоньку доставать домашний скарб, приготовленный у кого самими, а у кого заботливыми мамиными или бабушкиными руками, когда их любимые дочери или внучки были заняты работами по эвакуации фабрики. Все заготовки не помещались за столиком, да и тянуться было с крайних мест вообще не реально. А потому, кто-то предложил разложить на колени полотенце, а кого были под рукой и кухонные фартуки, служившие импровизированными «фуршетными» столиками.

— Ничего, девочки, «в тесноте, но не в обиде». Разберите, не стесняйтесь. Поедим скоропортящиеся продукты, а остальное в сух пайкам приурочим.

Ужин всех отвлек от грустных мыслей, хоть и на полчаса всего. Было предложено, чтобы одну нижнюю полку не занимать ещё пока, а кто желает «жирок завязать», пусть поднимается на второй ярус. Освободили место Филипповне и одна из молодых работниц полезла на второй ярус. Какое-то время ехали молча, лишь изредка старшая по вагону проходила или кто-то по своим

надобностям. Настроение было не танцевальное, но и не траурное. Три часа ритмического стука сделали свое дело, не сказать, что убаюкали, но немного помогли вместе с ужином улечься эмоциям. Наступило шаткое душевное равновесие, которое мог нарушить даже самый незначительный инцидент. За окнами осталась железнодорожная станция Атаман, а в Целине эшелон простоял минут 20, пожалуй.

— Скоро будет Сальск, — слышался радостный голос из соседнего «купе», — мой родной город Сальск, скорее всего после полуночи. Но я спать не буду, если остановимся, может кого знакомого увижу.

— Катя, а ты сообщила своим, что будешь ехать? — спросил кто-то у девушки, судя по голосу.

— Нет, не стала расстраивать, а вдруг нас, для предотвращения утечки информации, направили по другой железнодорожной ветке или ещё что-то, упаси Господи.

— Тьфу-тьфу, тебе на язык! Всё будет хорошо. Я тоже не призналась бы, зачем родным лишние стрессы, — ответила её собеседница.

— А ты знаешь, как наш Сальск раньше называли? — видимо к той же собеседнице обратилась Катя.

— Ну, судя по названиям тех станций, которые мы проехали: Злодейская, Верблюд, Козловая балка, Атаман, — перечислив станции, которые были уже позади, прозорливая девушка добавила, — Проказы сатаны или Наказание Господнее...

— Тебе бы за эти слова стоило врезать, но понимаю, что это неуместная шутка просто, называли станцию Торговая. Вот как, в степи и торговая. Может быть из Калмыкии к нам на наши богатые сельскохозяйственные товары приезжали. У них мясо — у нас зерно, — подытожила сальчанка и у соседней спор затих.

И действительно, в Сальске эшелон снова простоял некоторое время. Лида не выдержала и выглянула за пе-

регородку, чтобы увидеть, что сейчас делает девушка, когда состав остановился в её родном городе. Ну, а что она могла делать? Как и всякий другой, она плотно припала к оконному стеклу так, что её нос расплющился и обеими руками уперевшись в стекло по сторонам, поворачивала голову влево-вправо, не отрывая носа от холодного стекла и он ей заменял в данном случае шарнир.

Когда эшелон двинулся дальше, а Катерина не увидела никого знакомого на перроне, да и кого она могла увидеть в столь позднее ночное время. Она отвернулась от окна, а на её молодом личике читалось разочарование. Большая часть людей, львиную долю из которых составляли женщины разных возрастов, от молодых девушек до женщин предпенсионного или даже более старшего возраста, без опыта которых производство, особенно его размещение, сборка в единое целое, как большой производственный организм представить было невозможно, посапывали давно, похрапывали и откровенно храпели.

Железнодорожный состав увозил этих, уставших за неделю работ по демонтажу и погрузке в эшелоны оборудования, в далёкие края, где большинство из них никогда не были, где живут совершенно другие люди, хоть и объединенные в единый и нерушимый Советский Союз. Как их там примут, об этом никто сейчас не думал. Они уезжали от войны и от родных, которым неизвестно что предстояло испытать, когда кованный сапог фашистского оккупанта ступит на родную землю, на, до боли знакомые и памятные событиями улицы, что будет с их близкими, матерями, отцами, братьями и сёстрами, а порой детьми и даже внуками. Этого, конечно, никто с большой уверенностью не мог сказать.

О бесчинствах оккупантов на Украине и Белоруссии было известно из газет и радио, о сожжённых селах и городах, о расстрелах сотен и сотен мирных жителей. И когда они об этом задумывались, их лица становились без-

ликими, как белая простыня с обездвиженными, без эмоций и мимики лицами, как кукла Пьеро из сказки. Сознательность людей была на самом высочайшем уровне. Призыв «Партия сказала — надо, комсомол ответил — есть!» — это не просто красивые слова, они не расходились с делом. «Всё для фронта! Всё для победы!».

Утром, когда вагон стал оживать, пробуждаться и изначально все говорили полушёпотом, чтобы не потревожить спящих. И, как только рассеялась дымка осеннего тумана, люди прильнув к окнам, увидели широкие, бескрайние степи, хоть и не калмыцкие полупустыни, но сильно отличающиеся от донских степей нижнего или верхнего Дона, с сочной и богатой растительностью, они имели более скудную растительность, которая не успевала отрастать, из-за того, что ей это сделать не давали отары овец.

На станции Кутейниково эшелон стоял минут двадцать, и старшая по вагону дала добро на то, чтобы минут десять, желающие, могли выйти и размять ноги, и большая часть пассажиров с удовольствием воспользовались предложением, а заодно подышали свежим октябрьским воздухом.

Сталинград встретил эвакуированных дождём. Эшелон долго пробирался вдоль великой русской реки Волги, воспетую композиторами, художниками и поэтами, пока не сделал длительную остановку на одной из железнодорожных станций в черте города с названием Тракторная-Товарная. После объявления, что остановка будет длительной, большинство пассажиров с большой охотой вышли на перроны, чтобы прогуляться и по возможности чего-либо купить. Конечно, это была не пассажирская станция, но местные предприимчивые старушки быстро «просекли» изменившуюся ситуацию, в связи с массовой эвакуацией и остановкой у них на станции поездов, и эшелонов, и как говорится «свято место пусто не быва-

ет», организовали стихийные торговые точки. Купить у местных «НЭПмановских» торговых бабушек можно было, если не всё, то «товары первой необходимости» — хлеб, сигареты, спички, продукты домашнего приготовления и закупорки, а также не маловажную информацию — мнение людей с большим жизненным опытом, проживающих, пока на значительном удалении от фронта, что они думают о войне и какое настроение жителей Поволжья.

Лида заметила, что настрой у тех, кто пока еще не слышал артиллерийской канонады и мнение их были практически идентично, но более оптимистичны, с большой уверенностью в скорой победе. Возможно, эту уверенность им придавало то, что они проживали в городе, который назван в честь руководителя Великой державы.

Сталинград остался позади и в лучах заходящего солнца можно было увидеть его северную окраину. А впереди была переправа через Волгу, многочисленные станции Оренбуржья и города, Капустин Яр, Ахтуба и Верхний Баскунчак, и всё дальше от родного дома на юго-восток нашей необъятной страны, широту и необъятность которой лучше всего, и можно было ощутить именно, воочию видя всё за окном поезда в течение нескольких суток вынужденной, а не туристической поездки.

Ещё сутки езды и пассажирские вагоны донского эшелона обдували пронзительные морозные ветра казахский степей, а затем сухие из среднеазиатских пустынь. Все новые и новые знакомства с природой и архитектурой, как малых селений, так и больших городов с большой историей, таких, как Ташкент, Самарканд и уже скоро пункт назначения, Ашхабад — столица Туркменской республики, южнее которой только горный хребет Копетдаг, северная окраина иранского горного массива, резко граничащая с равниной Каракумов.

Хоть и расстояние по прямой между городами было менее 2000 километров и принципе разделялись они между собой только одной республикой Калмыкия и водами Каспийского моря, но поездка заняла почти пятеро утомительных суток.

Южный край Советского Союза, совсем немного южнее, всем известная самая южная её точка, посёлок Кушка, хотя лучше сказать, пограничный военный городок, основанный ещё в 1890 году вошла в состав Российской империи, как самый южный Российский форпост. Как примет временных переселенцев Средняя Азия, Туркмения и самое главное, местные жители, с их взглядами, верой, менталитетом и памятью об истории — вот что больше всего волновало эвакуированных из столицы Ростовской области.

***

Никто из тех, кто с вниманием рассматривал свой родной южный город со стороны левого берега из окон вагона на вечернем закате, когда на золочённых куполах Ростовского собора Рождества Пресвятой Богородицы отражался тусклый осенний закат, но было ощущение, что Покровительница Собора и Сам Господь своим могуществом вкладывали к тусклому солнечному свету Свет Веры, Свет Любви и Благодати, и от того отражал от куполов уже Божий Свет, который благоволил всем доброму пути, и благословлял людей на добрые дела.

И те, кто это видел и имел возможность три недели назад в великий праздник Рождества Пресвятой Богородицы, удачно выпавшим на воскресенье, 21 сентября, те, в этот солнечный и погожий день смогли насладиться, изначально благовестом, призывающим прихожан к праздничному церковному служению, а затем и мелодичным колокольным звоном, пробирающих и сердце,

и душу до самой последней клеточки своей благостью, усиливая радость общения с Богом.

Лида, по понятной причине, поскольку она была не просто комсомолкой, но ещё и комсоргом, то на посещении церкви стояло серьёзное табу. И до некоторых пор она и была таковой, как и многие, воспитанные на марксистско-ленинской коммунистической идеологии, но со временем, и под воздействием важных жизненных ситуаций, наряду с верой в светлое будущее человечества, в душе начинала зарождаться другая, христианская, для служения которой она и была крещена, уже далёком, но мирном небом в Покровской церкви слободы Большекрепинской, основанной атаманом Войска Донского Матвеем Платовым.

Никто из тех, кто проезжал весь город Сталинград с юга на север, город ни на Дону, ни на Миусе и ни на реке Крепкой, слободе — месте рождения Лиды и её брата с сестрой, а на Волге, названный в честь Вождя всех народов, Иосифа Виссарионовича Сталина, что таким город они видят, в большинстве своём в первый, но и, к сожалению, в последний раз. Да и кто мог предполагать, что кому суждено было возвращаться через разрушенный до основания город в свой любимый город, но и его они не узнают и будут ли живы их родные или погибнут под бомбежками или расстреляны десятки тысяч мирных жителей, как в Змиёвской балке в августе 1942 года.

Но до этого нужно было дожить, увидеть, услышать и осознать то, что трудно уживалось, а вернее сказать, совсем не уживалось с такими понятиями, как гуманность и человечность — это всё ещё предстояло пережить тем, кто был в эпицентре событий и этим, кто узнает об этом потом, что станет для них шоком и душевной травмой на долгие годы или всё оставшуюся жизнь.

XI

Пётр Леонтьевич, призванный на фронт в начале июля, волей судьбы и на основе приказов военных начальников, начал свой боевой путь в составе 153 стрелкового полка, 80-й стрелковой дивизии, 37-го стрелкового корпуса, 6-й армии, который, оказав достойный отпор германским войскам, рвущимся на Киев 18 июля и занял оборону в районе населённых пунктов Журбинцев и Прушинки в составе Юго-Западного Фронта.

При построении по ранжиру взвода, с присоединённым штыком, его макушка была на пядь ниже от конца четырёхгранного игольчатого штыка «трёхлинейки» и при движении колонной, замыкал её с совсем молодым солдатом, Степаном, рыжим, с совсем не сошедшими с лица веснушками, что придавало ему вид 15-летнего пацана.

Петр поневоле вспомнил о сыне Васе, который сейчас был вершка на полтора ниже от безусого сослуживца. По всей видимости, Стёпа и здоровьем богатырских не отличался, ему в самый раз форму подбирать в детском отделе универсама. И, как специалист, Пётр обратил внимание на его обувь, а это были ботинки из «яловой» юфты с задниками из грубой кожи и небрежно намотанные обмотки.

— Стёпа, ты, видимо онучи никогда не носил, в городе жил? В городе жил, да ещё поди в семье интеллигентов? Так или как? — усмехнувшись, спросил сослуживец юного бойца, сам которому в отцы годился.

— Так, откуда Вы это..., что мои документы видели? — покраснев ещё более своей обычной красноты, из-за рыжих волос и веснушек, Стёпа, — да, я из Таганрога, мама у меня учительница, а отец инженер на заводе №31. Никогда раньше не носил эти, как их... онучи?!

— Можешь обмотками называть, так привычной, ими же обматывают голени ног.

— Отец хотел, чтобы я, как и он был инженером, самолеты строил. Сейчас бы, как специалистам и рабочим завода «броня» была. А я не послушал и поступил в педагогический, физику люблю, хочу учителем стать..., ну, когда доучусь. Война же скоро закончится?!

— Закончится, когда-нибудь точно закончится. Всё имеет своё начало и конец. Ты куришь? Нет! Вот и хорошо. Вот, как будет перекур, я тебя научу эти самые онучи, обмотки на ноги мотать. А у тебя, что 43 размер ноги? — присмотревшись к обуви и прикинув её с ростов, спросил Пётр Леонтьевич парня.

— А, Вас, как по отчеству?

— Да можешь по-братски Петром звать, а отчество моё Леотьевич.

— Леотьевич, так лучше, я привык так обращаться. У меня 41-й размер ноги, но такие достались.

— Ладно, подумаем, как быть. Уверен, кому-то, наоборот, жмут ботинки, меньшие по размеру. Эх, жаль, что время не то сейчас. Вот, как разобьём фрицев, приезжай ко мне в Матвеев Курган, слышал такой? Я тебя свадебные сапоги сошью, принцы завидовать будут.

— А Вы, Леонтьевич, сапожник?

— Сейчас мы все бойцы Красной армии, в гражданской жизни — да, я сапожник. Рассупонивайся!

— Чего, Леонтьевич? Я не понял.

— Разувайся, говорю, будем тренировки устраивать. Никогда не видел, как гипс на конечности накладывают или раны, Господи, прости, бинтами перевязывают? Лучше не видеть, но процесс схож. Ты вот намотал, как попало, они и висят, как на паршивой овце шерсть. Сначала нужно аккуратно свернуть в рулончики обмотки. Да не так, завязками внутрь. Дай сюда, покажу! — опытный

солдат быстро и проворно свернул и завязал «на бантик» завязки, — вторую сам.

— Приготовится к построению! — прозвучала команда.

— Ты, правша?! Значит, по часовой стрелки укладывай витки. Вот, так! Уже лучше. Вечером будем решать вопрос с ботинками. В такой обуви, ты — не боец.

Новобранцев обучали по ускоренной программе. Многие даже винтовку до этого в руках не держали, особенно те, кто призывался из глухой глубинки, где с трудом проводилась сдача нормативов ГТО, не говоря о получении почётного звания «Юный ворошиловский стрелок» в возрасте до 15 лет и «Ворошиловский стрелок» служащими Красной армии. Но стрелять из винтовки — это даже не полдела, нужно было многое узнать то, что для многих, таких, как Стёпа, было чем-то заоблачно далёким, но это могло в нужный момент спасти жизнь.

Даже ползанье по-пластунски, оказывается, не такое простое дело. Фронт совсем рядом и не сегодня-завтра эти «желторотики» будут брошены в окопы, которые будут обстреливать и бомбить, будут «утюжить» танками и тогда того, чему их обучали будет очень мало. «Обстрелянными» бойцами станут не все, даже немногие, меньшая часть из тех, кто сегодня познаёт азы военного дела.

Пётр Леонтьевич прибыл в расположение 80-й стрелковой дивизии, вместе с такими же мобилизованными, ещё не обстрелянными новобранцами, д в качестве пополнения 23 июля 1941 года. К этому моменту в дивизии насчитывалось всего около 4 тысяч человек. Здесь на оборонительных рубежах столицы городов русских ему предстояло получить боевое крещение.

***

События на фронтах южных районов Украины складывались так, что немцы захватили Ковель, Ровно, Дубно, Львов, затем Бердичев и Житомир. И с 11 июля германская армия, выйдя на рубеж реки Ирпень, уже реально угрожала Киеву.

На киевском направлении Красной Армии противостояли 14 немецких дивизий группировки «Юг», под командованием генерал-фельдмаршала фон Г. Рундштедта на линиях Киевского укрепительного рубежа. Этот оборонительный рубеж, сооружённые ещё в 30-е годы, имел три полосы укреплений, протяженностью около 100 км.

К концу июля положение на Юго-Западном и Южном фронтах сложилось так, что наступательные действия немецких войск прорвали в южном левом фланге Юго-Западного фронта линию обороны, форсировав Днестр на участке Могилев-Подольский, Ямполь, глубоко вклинился на стыке 18-й и 9-й армий. И в тоже время силами 1-й танковой группы немцы вышли уже в тыл 6-й и 12-й армий Юго-Западного фронта, возникла реальная опасность удара во фланг и тыл войск Южного фронта.

25 июля 1941 года по решению Ставки Верховного Командования остатки войск этих армий, отрезанных от основных сил Юго-Западного фронта, были переподчинены Южному фронту. Это должно было упростить управление этими соединениями со Штабом Южного фронта, а вместо этого вызвало ряд дополнительных трудностей.

В результате чего, вместо исправления ситуации войска Красной Армии стали попадать в окружения, в так называемые «котлы». Сначала в районе Умани оказались окруженными 6-я и 12-я армии и частично 8-я армия — всего около 20 дивизий.

Время в окружении и постоянных попытках выйти на стратегический простор, чтобы оторваться хоть

на несколько километров от преследования и постоянно обстрела потрепанных подразделений, порою под сводным руководством, под названием «группа прорыва» или «сводный отряд» под командованием такого-то, тянулось изнурительно долго, редкие привалы, которые лучше «перекурами» назвать, не давали изнеможённым бойцам восстановления сил. Но это война, а не прогулка по грибы и ягоды.

Порою не было слаженности действий с соседними по флангам воинским подразделениям, тем более что связь порой отсутствовала не только в течение 5—6 часов, но иногда дня-двух, а за это время существенно изменялось не только тактическое, но и стратегическое положение дел на фронте, а в данном случае, в окружении, в «котле». В этом случае бойцы могли только уповать на уже имеющийся боевой опыт командиров, полученный не только за месяц боевых действий и ведения боёв в частичном или полном окружении, но и тот, что они получили во время военных действий на Дальнем Востоке, время Освободительного похода 1939 года на запад Украины и Бессарабию или во время, не давшей офицерам победного духа и полной уверенности в непобедимости Красной Армии, во время Финской войны, но даже опыт бездарных операций — это опыт и он многому учил. Сражение с регулярными, хорошо вооружёнными и обученными войсками вермахта, стали лучшими «учебниками» молодым офицерам, командирам подразделений, сменность состава в которых также была показателем подготовленности и опытности военного руководства.

Каждый день нахождения войск 6-й и 12-й армий в окружении нельзя представить, как ожидание своей участи «приговорённых», сложив оружие и подняв перед противником руки вверх. Это были, зачастую безуспешные, но попытки прорыва, с желанием закрепиться

на новых позициях, окопаться, «вгрызся» в землю, чтобы остановить напор немцев, дать отпор и, возможно, с помощью подкрепления, посланного командованием Фронта или, что более реально, а ещё месяц назад было противоестественно атеистическому сознанию и воспитанию бойцов — с молитвой и Божьей помощью на просьбы вчерашних атеистов. И всё чаще, если прислушаться к шепоту, доносящемуся из угла окопа или другого временного укрытия во время бомбёжки и обстрела позиции подразделения, можно было услышать наравне с проклятиями фашистам, неумелые молитвы и обращения к Всевышнему с просьбой: «Боже праведный, спаси и сохрани!».

То, что в другое время воспринималось, как что-то непривычное, неизвестное даже преподавателям военных академий и военной науке вообще, свершалось на глазах, не командармов, а бойцов пехоты, танкистов и летчиков, на глазах мирных граждан, ставших случайными свидетелями героизма, прославивших из свершивших в веках или на долгие года и десятилетия остающимися неизвестными. Героизм может быть совершён единолично, как пример всплеска духовной силы человека в сплетении с физическим стремлением к цели, сознательно и бесповоротно поставленной холодным расчётливым разумом или под коллективным порывом, хоть и от «искры» приказа или призыва командира, замполита или боевого товарища: «За Родину!», «За Сталина!», а чаще и в разы с нечеловеческим выражением лица, диким криком и словами, которые повторять никак нельзя, но вот они как раз и могли вызвать страх и смятение в рядах врага.

Что происходило совсем рядом с расположением боевых порядков 80-й стрелковой дивизии Петра Домашенко в эти дни, о чём тогда ни он, никто другой из его товарищей знать не мог? Происходило много чего и происходило по плану командования или вне его, за-

кономерно или случайно, но время стоять на месте не может, а потому одновременно везде что-то происходит. С рождения мы не знаем о главном предназначении человека, а тем более живой твари, а у Господа всё живое — это Твари Господние. И здесь, Тварь — это творение Божье, создание, т.е., что-то полезное, созданное для выполнения своего предназначения.

Кто-то проживает всю жизнь и тихонько умирает, о нем мало кто и вспоминает, хоть он прожил долгую жизнь. Другой, не жил, а горел и сгорел быстро и ярко. Свет, конечно, погас, но оставил в душах и мыслях тех, кто видел, сильное впечатление и добрую память.

Ещё до начала войны западную государственную границу Ивано-Франковской области охраняли бойцы отдельной Коломыйской пограничной комендатуры НКВД. Комендатура насчитывала около сотни сотрудников и к тому же была усилена школой служебного собаководства в составе 25 кинологов и 150 служебных собак, которые принадлежали пограничному отряду Коломыйской комендатуры.

Под натиском германских войск, пограничники отступали совместно с другими воинскими соединениями. Этот сводный немногочисленный отряд был определён под командование 8-го стрелкового корпуса 12-й армии. Командовал отрядом пограничников майор Филиппов. И так, волей стечения обстоятельств, они оказались в конце июля в Уманском котле в районе Зелёной Браны.

В селе Легезино находился штаб 8-го стрелкового корпуса. 30 июля немцы, поставив целью взятие в окружение и пленение штаба корпуса, начали массированную атаку двумя стрелковыми батальонами дивизии СС «Адольф Гитлер» и тридцатью танками.

Единственно, кто оказался на пути их стремительной атаки были бойцы Коломыйской комендатуры с кинологами и их четвероногими воспитанниками.

Видимо, это судьба, чтобы в течение месяца пройти, отступая и с боями более трети территории Украины с запада на восток, чтобы на подступах к с. Легедзино дать самый главный бой в своей жизни. И этот бой был главный в жизни не только для бойцов комендатуры и пограничников-кинологов, этот бой стал главным в жизни 150 собак, преданных своим проводникам, как воинскому долгу и воинской Присяге.

Пока ещё были силы, оружие и боеприпасы, советским бойцам удалось остановить более половины танков на поле боя, подбив их и выведя из строя. Но силы были неравны и нужно было принимать решение и... оно было принято.

Преданным собакам был дан приказ и они, без заминки, серой живой лавиной бросились на врагов, вгрызаясь им в горло и нанося страшные рваные раны на теле. Кто-то падал насмерть загрызенный собаками на давно ожидавшие уборки стебли и колосья пшеничного поля, кто-то продолжал рукопашную схватку, кто-то дрогнул и побежал, преследуемый быстроногими четвероногими бойцами.

Немцы открыли миномётный огонь по, уже не обороняющимся, а наступающим советским пограничникам и их героическим подопечным. Итог боя был страшным. Большой частью сгоревшее пшеничное поле, сгоревшие танки, погибшие и смертельно раненные враги, бойцы-пограничники и те, чьим оружием в этой смертельной схватке против мин и снарядов, пуль и штыков были только острые клыки и когти.

И, даже, когда их проводники падали, сражённые в бою градом пуль и осколков мин, они садились рядом и не подпускали врагов к их обездвиженным телам.

— Леонтьевич, волк! — взвизгнул, идущий рядом с Петром, Алексей Свинарёв, земляк из Ростова, рослый

и ладный телосложением парень, 20-ти лет от роду, успевший поработать слесарем-сборщиком на Комбайновом заводе.

Пятясь назад, с вытянутой в сторону замеченного им зверя рукой, он чуть не сбил, подпирающего от любопытства сзади, Колю Евдокимова, среднего роста парня, который был года на три старше Лёши, до войны работающем в Нижневолжском речном пароходстве, из Сталинграда, весной успевший жениться.

— Гляди, куда прёшь! — рывкнул на Алексея Коля, — будет тебя волк — вот тут в кустах поджидать!? Во, чудило!

Сквозь слабую предрассветную видимость объектов, перед бойцами, осуществляющими по приказу командования переход на новые позиции, среди кустарников подлеска зияли огоньками два немигающих глаза. Когда Пётр начал осторожно подходить, перед этим отдав винтовку Николаю, послышалось слабое скуление.

— Ну, я же говорил, собака! А, ты, волк-волк! — продолжал стыдить Алексея, всё повышая голос, Николай.

— Тише вы, бойцы! — цыкнул Пётр Леонтьевич, уже подойдя вплотную к зверю и нагнувшись к нему так, что остальным не стало видно блеска горевших глаз и, видимо от этого, все замолчали, кроме подошедшего позже Ивана Балакая.

— А, шо там? Шо там? — защебетал боец отделения Поликарпова, мужчина лет сорока, из Херсонской области, даже солдатская форма не могла скрыть его крестьянское происхождения.

— Зверюга нас на тропе поджидает. Если Леонтьевич его не угомонит, то нам тут всем крышка, — толи шутя, толи серьёзно прошипел шёпотом Алёша.

— Да, не бздите! Собака это, овчарка, в колючку запуталась, бедная, — проговорил Пётр и потом добавил, — да не хозяйская это собака, а служебная, у неё «отметка» есть. Ну, потерпи! Сейчас распутаю твою удавку, потерпи!

Когда овчарка была освобождена, Пётр заботливо и от души, как своего дворового пса погладил по голове и шерстке спины и тут-же отдернул руку, поднеся ближе к глазам, произнёс:

— Раненный пёс! Перевязать нужно.

— Шо ти несеш, Петро? — возмутился Иван, — нам шас токо про це думати... німець вот-вот...

Петр только повернулся и теперь все увидели блеск не собачьих, а его глаз, по выражению которых всем сразу стало всё понятно — молчим!

— По всему же видать, что это не цеповой охранник кулацкого двора, а служебный, обученный пёс. И раны получил не от злого хозяина. Братцы, да это же... Кто-то слышал днём на правом фланге бой проходил? По звукам, километрах в 7—10 отсюда. И среди «музыки» разрывов мин и снарядов прибивался истошный, надрывный собачий лай, не слышали? Лай перемешивался со звериным рыком... Этот пёс воевал, братцы, не иначе!

Освобождённая от спутавшей израненное тело колючей проволокой, собака, опустила голову на траву и тяжело дышала, высунув язык, с которого сбегала слюна вперемешку с кровью. Чья это была кровь, её от ранений скруток проволоки или смываемая слюной с окровавленных клыков, вражья, разве тут поймёшь-разберёшь.

Пётр достал из вещмешка свёрнутую обмотку и начал умело и плотно, быстро уматывать кровоточащую рану сразу за правой лопаткой, используя правую лапу для фиксации «бинта» от сползания. Одной обмотки оказалось мало и пришлось использовать вторую, соединив одну с другой тем же приёмом, как соединяют сапожники сыромятные кожаные ремешки и ремни. Конечно, никто не понял, как это у него ловко и быстро получилось, без привычного и громоздкого узла.

Отвернув крышку флажки, Пётр, подставив ладонь под жаром дышащую мордочку пса и стал медленно лить

на неё воду. Пёс быстро, жадно, но осторожно стал, слизывая, пить.

— Пока, достаточно! Ну, бывай, Мухтар! Нет? Акбар?!
Добрая ты, славная псина, я бы тебя взял с собой, но... сам понимаешь. Отлежись, как делают израненные твои собратья, волки, глядишь и фронт отойдёт, только вот в какую сторону? Видимо, судьба в сторону дома идти с грустной вестью, а хотелось бы с радостной, победной...

Пётр, погладил пса, поднялся с корточек. Пёс жалобно и, как показалось, благодарно, заскулил тихи и протяжно.

Бойцы двинулись дальше в темноту, после непродолжительного и вынужденного привала. Конечно же никто и подумать не мог, что Леонтьевич был прав, когда, обследовал собаку и натыкался на раны, которые могли оставить клинки и пули из фашистских шмайсеров.

***

Ночь была звёздная, бойцы уходили на юго-восток в неизвестность, по проложенному на оперативной карте маршруту, исходя из скромных оперативных данных и сведений полковой разведки, более чем суточной давности. И сами бойцы сейчас были похожи на волчью стаю, ступая один за другим след в след, безмолвно и прислушиваясь к шорохам, порой гулу и даже рёву моторов, периодическим выстрелам стрелкового оружия с короткими пулемётными очередями для острстки, и из-за сильной отдачи в плечо стрелка, с зависающими то там, то там осветительными ракетами.

Бойцы шли чуть ускоренным шагом, чтобы нагнать то время, которое было потрачено на вынужденный привал и для того, чтобы в назначенное время в отмеченном квадрате вновь соединиться с группами, шедшими в ка-

честве меньшей приметности по северному затяжному склону хребта, для принятия нового плана дальнейших действий, в зависимости от сложившейся обстановки и новых данных разведки.

2 августа 80 стрелковая дивизия, как наиболее бое-способное соединение армии перебрасывают в направ-лении Покотилово в попытке прорыва из «Уманского котла». 3 августа она из района Копенковатое пыталась пробиться к переправам через Ятрань у Покотилова и Лебединки. Упорное сопротивление объединённых войск 6-й и 12-й армий генерала П. Г. Понеделина в рай-оне Умани задержало дивизии Клейста почти на восемь суток, но вырваться из окружения дивизии так и не уда-лось.

Лесной массив Зелёная Брама, который мог стать спасительным для попавших в окружение воинских со-единений Красной армии, но оказывались местом гибел-ли и пленения генералов и старших офицеров. Одним из первых погиб комбриг 37 стрелковой дивизии Зы-бин С. П. при артиллерийском обстреле. Что говорить о потерях рядового, старшинского и младшего офицер-ского состава — потери были огромными.

XII

В годы Первой мировой войны в Русской армии была популярна песня «Слышали деды». Затем они много-кратно изменяла свой текст и в Гражданскую войну была гимном Добровольческой армии, донские казаки же пе-ли на свой лад. В рядах Красной армии была своя патри-отическая версия песни, в припеве которой были слова:

*Смело мы в бой пойдём
За власть советов*

*И как один умрём
В борьбе за это...*

Но одно дело патриотизм и призывы стоять «на-смерть», защищая вверенные рубежи даже тогда, когда это было бессмысленно, а иногда и преступно-бессмысленно. Собирались ли бойцы умирать, просто, чтобы чётко исполнить приказ «Ни шагу назад!»? Кто-то — да, но давала ли эта фанатичность противостояния с «трёх-линейкой» против танковых дивизий вермахта, против массированных артобстрелов и авиационных налётов? Но при этом нельзя было допускать панику и неподчинение приказам.

Только по истечению многих лет после трагических событий, историки смогут проанализировать всё, взвесив все «за» и все «против», видя итог и видя цену этому итогу, можно дать более точную оценку тому или иному событию. Первые дни и месяцы войны были самыми трагическими для Рабоче-Крестьянской Красной армии. Уманский котёл — один из тех, где были большие безвозвратные потери, сотни тысяч раненных и попавших в плен бойцов и командиров.

За неполные две недели боевых действий, которые для многих бойцов были «боевым крещением», воинские соединения на некоторых участках теряли до половины личного состава и эти потери часто подсчитывались лишь условно, точных данных нет и быть не могло, их учесть было просто невозможно. После того, как 6-я и 12-я армии были переподчинены Южному фронту, два дня отсутствовала элементарная связь с подразделениями, находящимися в сложной тактической обстановке.

С 3 по 8 августа подразделения 80-й стрелковой дивизии предпринимали попытки прорыва из «тисков», которые зажимала германская группировка «Юг». А 8 августа стало трагическим для окруженных дивизий объединённой группировки войск Красной армии, под командова-

нием генерала Понеделина. Единое централизованное командование отсутствовало.

Батальоны, полки и дивизии, где оставалось ещё командование, как целостное структурное подразделение, но без связи с высшим командованием, на основе поставленных ранее задач — «прорыв» во чтобы-то ни стало из окружения имеющимися силами и путём объединения с ранее не единоподчинёнными подразделениями.

Можно ли было в условиях попадания в «котёл» прорваться и выйти из него, как минимум живым? Можно сказать одно, когда попадаешь в подобную обстановку, когда жизнь, как говорится, висит на волоске, то риск становится единственным выходом, если, конечно, в голове не засела предательская мысль, сдаться в плен и тем самым сохранить себе жизнь. А дальше, будь, что будет. Но также думают далеко не все.

Загнанный и даже раненный охотником зверь не поднимает кверху свои лапы, волк не скулит облезлым псом, не трётся у ног того, кто пришел лишить его жизни или покорить, приручить, заставить ему служить. И даже в случае массовой облавы есть варианты выйти из порочного флажкового круга достойным победителем.

Рыбаки знают, какими сетями не перегораживай водоём, в желании «выщедить» всё, что в нём обитает, какое, вплоть до самой мелкой ячеи не будут иметь сети, какими бы неводами, с осадкой до самого илистого дна не вычерпывали вдоль и поперёк, всю рыбу вычерпать никогда не удастся. И остаётся не только малёк, проскользнув по диагонали ячеи, остаются и крупные экземпляры сазана, который, подобно скорпиону, зарывающемуся, спасаясь от раскалённого солнца в песок в пустыне, находит донные ямки, работая плавниками и хвостом, зарывается в рыхлый ил, выживает до той поры, когда обезвоженный водоём, когда с него спускают через шлюзы или прорывом плотины всю во-

ду, пытаются выжить в оставшейся жиже до тех пор, пока не покроется сверху плотным, «чешуйчатым» покровом «коржей», запечённых знойным летним солнцем.

Об этом в последние дни и особенно в редкие минуты отдыха думали бойцы, осматривая поредевшие ряды своих сослуживцев взвода, роты, батальона. Когда рота по количественному составу едва дотягивает до взвода, когда к окончанию боя той же ротой командует, в лучшем случае старшина, так как из младшего офицерского состава уже никого не остаётся и, чтобы не спровоцировать панику и придать бойцам уверенность и поднять боевой дух, кто-нибудь берёт на себя смелость возглавить сильно поредевшее, уже мало похожее на боевое правда, но еще подразделение.

Так и Пётр Леоньевич, за неделю боевых действий из командира 2-го отделения, 3-го взвода, 2-го батальона, 153 стрелкового полка, стал, хоть и временно исполняющим, как было сказано — «до особого распоряжения», которого в ближайшие дни точно ожидать не стоило, командиром этого же 3-го взвода.

— Товарищ ком... взвод..., можно обратиться? — запинаясь и краснея, обратился, как полагается по Уставу красноармеец Степан Ишкевич.

— Почему не по стойке «смирно», боец? — пытаюсь говорить строго, но глаза выдавали в «новоиспечённом» командире смех, который вот-вот прорвётся из груди раскатистым смехом.

Потом, Пётр Леонтьевич, отвернул взгляд в сторону, изменил весёлую гримасу, сделал лицо попроще и уже тепло, по-отцовски спросил:

— Стёпа, что ты хотел?

— Да, я, это... хотел спросить. Вас же собирал комбат у себя? Что там говорят, если это можно разглашать? Долго нам отступать или как?

— Стёпа, а у тебя вопроса посложнее не нашлось? Для моей-то должности, как-то «не с руки отвечать». Вот, хотя бы у Петровича спросил. А, Тимофей Петрович, ответишь любознательному бойцу, али как?

— А, чего же не ответить, ответу, коли интересуется, — разглаживая рыжие, прокуренные махоркой густые усы и снимая заодно остатки каши, оставшейся после вечерней трапезы, которая задержалась, как обычно под самый заход солнца, а закат предвещал назавтра непогоду, — хоть академий я не кончал, но попробую студенту мозг вправить, он видимо после контузии не на месте.

Тимофей, улыбаясь, косился на растерянного Степана, при этом, не теряя времени даром, «обмыл» ложку, вставив её глубоко в рот по ручку и «шлифанув» её пару раз языком, вынул, повертел и, удостоверившись, что «очистка» качественная, принялся к сбору шансово-обеденного инструмента, закрыл крышкой котелок, отставил его в сторону и провёл двумя руками по гимнастёрке, как бы ощупывая себя. Похлопав себя по животу, пристально посмотрел на молодого бойца и так же, улыбаясь, как бы невзначай, произнёс:

— Поели — это хорошо, но закусить-то нечем...

— ??? — Стёпа, смотрел на солдата, по возрасту, пожалуй, старше, чем его отец и по его недоумению можно было понять, что он ищет в своей «энциклопедии» на шее, среди студенческих знаний, чем же можно закусить после полевой кухни.

— Эх, молодёжь! Курить охота, аж уши заворачиваются в сигару. Ты свой паёк выкурил?

— Я же не курю, дядя Тимоха! А?!! Вам дать табаку?! Есть табак, не весь раздал, за закрутку хватит... так думаю.

— Ну, вот. За хороший табачок и ответ достойный у меня для тебя, слышишь, только для тебя берегу. Вот, погоду, дай, затанусь и тогда уж, так и быть, открою тебе военную тайну.

Пётр, сидел на скруткешинели, прислонясь к дереву. Пилотка сползла на нос и прикрыла глаза. Глаз, видно, не было, но улыбка на лице могла говорить о том, что он уже начал получать удовольствие от того, что Стёпа от него отстал, а он предался своим мыслям или вспомнил что-то приятное, связанное с домом. Да это и неважно, важно то, что выпала минута передыха. А, что будет через несколько часов, он уже знал, но не мог и не хотел говорить, хотя и знал не всё, как и его вышестоящее командование. Пусть бойцы все отвлекутся от взрывов обстрела и ливня пуль из вражеских окопов, механизированных средств и бронетехники.

Сегодня на совещании был приказ командира дивизиона Соколова, которому вменялось вверенными в его подчинение подразделениями сводного отряда из остатков 6-й армии, под покровом ночи осуществить попытку прорыва. Многие командиры понимали, что или сейчас, или уже никогда. Силы Красной армии были очень сильно измотаны. Немецкая артиллерия вывела из строя большую часть техники и артиллерийских тягачей в виде тракторов и конной тяги.

Мало кто знал, что сегодня последний раз бойцам пошастливилось поесть солдатской каши и видимо потому, кашевар Ваня, обычно шутивший, даже когда «крестил» всех подходивших своим увесистым раздаточным инвентарём, шутя, даже под канонаду обстрела, сегодня был хмур и молчалив. Отрезана была и доставка горючего и боеприпасов. По большому счёту, люди находились в окружении на участке размером 10 на 10 километров, куда входило занятое накануне село и редкий лес на восточной окраине. Основное направление прорыва было определено командованием Южного фронта — город Первомайск, где располагалась 18 армия, с которой и планировалось соединиться.

Основная ставка делалась на внезапность атаки и, если всё получится, как запланировали, то захватив переправу через реку Синюха, дальше не должны были встретить серьёзного противостояния. Ох, если бы эти люди, которые получили приказ о готовящейся операции по прорыву «котла» знали, что сведения разведки, переданные командованием Южного фронта, устарели и на восточном берегу Синюхи сосредоточены значительные немецкие войска 49-го горного корпуса вермахта, к этому времени уже занявших и город Первомайск.

— Так вот, боец Красной армии, красноармеец, как твоя фамилия, Стёпа? — услышав фамилию, продолжил, — красноармеец Ишкевич! Ты еврей, да?!

Увидев, как Стёпа опустил глаза, быстро успокоил:

— Не важно! Я думал, что евреи только в Одессе живут. — Сделал ещё одну глубокую затяжку и медленно, с удовольствием выпуская дым, Степанович продолжил, — завтра утром нас всех ждут крепкие дружеские рукопожатия с бойцами Красной армии, дислоцирующихся севернее от нас. По этому случаю будет заказан нашему кашевару, Ивану Кустовому, праздничный обед. Кстати, он уже убыл, будет всё ночь готовить заготовку, печь, жарить, парить... Выдадут по праздничной чарке хорошей горилки... Да, чуть не забыл, самое главное — всех, кто прорвётся, ждут правительственные награды. Вот тебе не знаю, наверно, медаль, а мне точно орден, я же ещё с Гражданской два ордена имею. Вот такие, брат, пироги!

Тимофей докурил самокрутку до самих пальцев, плюнул на уже, казалось, дымящимися пальцы и с хитрым прищуром посмотрел на недоумевающего парня, который не мог сообразить — правда или нет то, что наплёл этот бывалый солдат. Но вопросы больше не задавал, понимая, что может опять попасть в просяк.

Начало темнеть. То там, то там раздавалась стрельба, ухали разрывы мин и изредка, скорее для остротки, чем для обзора подступов к расположению немецких войск, пасмурное небо освещалось сигнальными ракетами. Где-то далеко с запада двигался грозовой фронт. «Вот, только нам дождя не хватало, — приподняв пилотку и смотря в летнее военное небо и невольно подумал о доме бывалый солдат, — вот, как вырвемся из этой канители, напишу домой письмо».

***

Раним утром, в 4 часа, используя момент внезапности, бойцы сводного отряда обрушились на немецкие позиции горнопехотных дивизий. Красноармейцы, не обращая внимание на значительные потери, воодушевлённые успехом наступления, прорвали оборону 49-го горного корпуса, захватили батареи дальнобойной артиллерии, используя её для развития успеха. Продвинувшись 6 августа на глубину прорыва около 20 километров, красноармейцы села Голованевск и Емиловку.

Казалось, что успех очевиден, но вместо подразделений 18-й армии РККА, ещё более истерзанные, в основном пешие соединения столкнулись с дивизиями 52-го армейского корпуса немцев. И наступление «захлебнулось».

Степан Ишкевич, который в первый день, когда в составе пополнения принимал «крещение» и, пользуясь инструкциям, изначально просто старшего боевого товарища, а впоследствии уже и командира взвода, Петра Домашенко, по сути, стал его ординарцем, приобрёл незамеченный опыт и вместе с ним появилась некая ярость, что непонятно как уживалась в этом, в общем-то, хилом, с детскими чертами лица, парне, но окрепшем духе и укрепляющейся уверенности в своей значимости. Он

стал уже бойцом, превратившись из необстрелянного новобранца в рядового красноармейца. И, если верить его словам, то он лично в бою уничтожил уже троих немцев, после чего, Пётр, начал его называть Степной Сокол.

Степан изначально думал, что это прозвище, как у индейцев, Зоркий Сокол или Быстроногий Олень. Но, буквально за день до прорыва, Леонтьевич, сменив улыбку на серьёзное выражение лица разъяснил:

— Красноармеец Ишкевич, ты не индеец в прериях, а боец Красной армии, а твоё прозвище ещё более почётно, чем у индейцев. Поясняю: Степной — не потому, что большей частью у нас не леса и горы с прериями, а степи, просторные русские ковыльные с багульником и тмином степи, и вообще — степи тут не причём, а причём — твоё имя — Степан. А Сокол потому, что мы сейчас прикреплены с тобой к сводному отряду командира дивизии А. Д. Соколова. Вот и вся арифметика или что ты там в своём университете изучал?

Стёпа был доволен объяснению: хоть и не так романтично, но всё очень практично и актуально. Стёпа, боец дивизии Соколова, разве это может обидеть или унижить? Наоборот, очень даже патриотично.

В результате прорыва взвод потерял более трети личного состава и это не самый худший результат, у других было ещё хуже. Возникла проблема с ранеными бойцами. В лучшем случае, выручали конные повозки, а в худшем — две жерди и плащ-палатка.

Во 2-м батальоне, куда входила рота и взвод, которым из-за трагической случайности пришлось командовать рядовому красноармейцу Домашенко, из офицеров в живых осталось всего пять-шесть младших офицеров, во главе с командиром батальона, майором Семёном Ильичёвым. Майор имел большой боевой опыт в боях на Ханхил-Голе и во время Советско-финской войны 1939—1940 гг. Командир был строгий, но в решающий

момент думал не только о выполнении приказа, но и о жизнях своих подчинённых бойцов.

Младший командный состав на фронте менялся, иногда даже несколько раз за время одного боя. Трудно сказать, что хранило «счастливчиков», толи Бог, в которого даже партийцы в душе верили, хоть никогда этого не высказывали при других бойцах, тем более, если они были командирами. И даже когда вели в бой свои подразделения с кличем «За Родину!», «За Сталина!», внутренний голос говорил — «Господи, спаси и сохрани!» или короче — «С Богом!»

Во время короткого привала на отбитом у немцев восточном берегу реки Синюхи, проводя проверку личного состава, подсчитывая безвозвратные потери, недосчитались и балагура Тимохи. Бойцы, кто оказался случайным свидетелем его гибели, рассказали, как он пытался спасти тяжело раненого бойца и протасил уже практически по открытому для сквозного прострела немцами участка в тридцати-сорока метрах от моста через Сивухи, но был сражён пулемётной очередью.

Мост сходу взять не удалось и в попытке найти брод на небольшой, но неизведанной реке было потеряно при артобстреле и затоплено много транспорта. Самым неприхотливым по проходимости оказался гужевой транспорт, хотя и лошади были хорошей мишенью и гибли наравне с бойцами. Намного легче, утром того дня отряд комдива Соколова подойдя по лощинам к бродам через р. Ятрань в районе с. Лещевка, успешно её форсировал.

На восточном берегу Синюхи остаткам отряда нельзя было надолго застаиваться, а вскоре выяснилось, что никакой 18-й армии в направлении прорыва нет, а её подразделения оттеснены немецкими войсками.

— Не удастся нам, товарищи бойцы, сегодня высушить, как хотелось бы, обмотки и портки, — собрав

дюжину боеспособных красноармейцев, объявил исполняющий обязанности комвзвода, Пётр Домашенко, — ночью планируется новый прорыв немецких позиций. Разведка ведёт наблюдение за вражескими позициями, чтобы определить их наиболее слабое место.

— Прорвёмся, Пётр Лентьевич! Не для этого было столько мытарств, чтобы вот так бесславно голову сложить... — осмотревшись и поняв, что сказал что-то не так, закончил, — лучше уж, как наш геройский товарищ Тимофей Петрович...

— Да, Степной Сокол, тебя брали на фронт патроны подносить, а ты за две недели уже метишь на место комиссара. Да, слух прошёл, что в соседней колонне во время боя в селе Перегоновка погиб бригадный комиссар Кушевский и начальник штаба артиллерии дивизии, фамилию я не запомнил. Так что, товарищи, наши командиры не прячутся за спины бойцов-красноармейцев, а также, как и мы, с оружием в руках прорываются на оперативный простор. Так, товарищ Ишкевич?!

— Так точно, тов. ком... взвода!

— Чем не комиссар, а?! — улыбаясь, как будто представлял бойцам, не менее, чем полкового комиссара, Степана по прозвищу Степной Сокол, Пётр Леонтьевич.

Бойцы, которым было не до шуток, всё же поддержали своего командира одобрительными кивками голов.

***

В ночь на 7 августа сводная группа из немногочисленного остатка отряда прорыва, в колонне под началом комдива Соколова, осуществляя повторную попытку прорыва, была разгромлена окончательно. Сам Соколов был тяжело ранен и через несколько дней скончался в плену.

Остатки бойцов 2-го батальона майора Ильичёва, под командованием начальника штаба дивизии, генерала-

майора Ноздрунова, прорывавшимся в эту же ночь третьей колонной повезло больше и они, изначально увязнув в бой, сделали небольшую брешь, через которую смогли просочиться, а затем оторваться от преследования. Кроме этой группы, в которой прорывались и воины-побратимы, которых сделали побратимами и общая река Миус, на берегах которой проживали оба до войны, и река Ирпень, где случилось первое боевое крещение, где, по словам самого Степана, он уничтожил первого, но не последнего оккупанта, и река Синюха, «оттолкнувшись» от восточного берега которой, бойцы осуществили трудный, кровопролитный, но для них удачный прорыв, если не считать лёгкого ранения Степана в бедро.

Из Уманского котла, где в плен попали даже командующие 6-й и 12-й армий Музыченко и Понеделин, старшие офицеры и генералы, командиры дивизий и корпусов, в ту памятную августовскую ночь, особенно для тех немногих, кому удалось вернуться от расставленных «рыбаками» германской армии «стальных сетей» заграждений на линии прорыва сборных отрядов РККА, под покровом ночи, грозовых туч летнего ливневого дождя и «ливнем» пуль обстрела, сумели прорваться еще группе бойцов 190-й стрелковой дивизии. И мало того, что она прорвалась, при этом сумела ещё обстрелять ранее названную группу Ноздрунова, пока не разобрались и не объединили силы.

Летний ливень, хоть и промочил до нитки бойцов, прорывающихся через цепи дислокаций немецких гарнизонных охранений и их передовых частей, но и сослужил благодатную службу. Это был спасительный Божий посыл с небес. Трудно сказать, чем он продиктован: снисходительностью, милостью Божьей или ответом на безмолвные молитвы бойцов, даже тех, кто раньше был ярым атеистом, но несколько дней кошмара в боях, ежедневное, ежечасное и ежеминутное видение смертей

товарищей, крови страданий тех, которые живы, но это не лучший исход в их судьбе, так как их пристрелить, как лошадь с перебитыми ногами нельзя, не гуманно, а вытаскивать из этого ада силами тех, кого осталось меньше, чем страждущих, кому необходимо оказать помощь и выносить даже не с поля боя, а неизвестно куда и сколько или просто тем, чтобы «Божьи слёзы» смыли кровь с раненных, усталость красноармейцев, прорывающиеся только благодаря силе духа, и немаловажное в данной ситуации — дождевая завеса, ставшая шорами на глаза немцев, через чьи позиции «просачивались» бойцы.

Шёл 47-й день войны, уже и всего 47-й из 1418 дней и ночей. Но разве можно было тогда знать, сколько продлится эта война. Гражданские люди, для которых понятие «война» было в песне «Если завтра война...», считали в большинстве, что наша Красная армия быстро разобьёт захватчиков, а те, кто увидел войну изнутри, под обстрелами, прорываясь из огромных котлов, где гибли десятки и сотни тысяч людей и столько же или даже большее количество попадали в плен, считали, что эта война надолго.

ХIII

К исходу дня 7 августа сопротивление и попытки прорыва боевых подразделений 6-й и 12-й армий практически прекратились. Попытки прорвать окружение не дали успеха и 8 августа более 100 тыс. человек вместе с командармами 6-й армии И. Музыченко и 12-й армии М. Понеделиным, с семью штабами корпусов попали в плен. Трофеями немцев, кроме военнопленных, оказались 300 танков и 800 орудий.

Удачными были только ещё попытки прорыва небольших групп 8 августа. Из-за того, что штабное ко-

мандование было распущено, было рекомендовано каждому действовать самостоятельно. Потому разрозненные группы продолжали попытки прорыва сквозь немецкие боевые порядки даже вплоть до 13—15 августа.

Каковы итоги попытки выхода из окружения двух армий Южного фронта? Южный фронт при этом практически потерял 6-ю и 12-ю армии, были разгромлены 6 корпусов и 17 дивизий. В немецкий плен попали два командарма, четыре командира корпусов, 11 командиров дивизий, погибли два командира корпусов и 6 командиров дивизий. Большое количество красноармейцев, поняв безысходность ситуации сдавались в плен, особенно в районе с. Небелівка и леса Зеленая Брама.

По разным данным около 150 тысяч человек РККА потеряла погибшими в боях, умершими от ран и в немецком плену из 252 тысяч человек, попавших в окружение, 103 тысячи человек оказались в плену и только около 11 тысяч человек малыми группами прорвались в разных направлениях и соединились с действующими боевыми подразделениями Красной армии.

Пётр Домашенко вышел из окружения с шестью бойцами своего взвода, среди которых был и раненный в ногу «крёстный сын», Семён Ишкевич в составе отряда под командованием генерала-майора Ноздрунова. С учётом влившегося в отряд группы бойцов 190-й дивизии, общая численность вышедших на позиции действующих воинских подразделений Красной армии составило около 250 человек. Бойцы 2-го батальона вынесли из окружения своего раненного командира, майора Ильичёва.

А боевой путь их дивизии первого формирования был не таков и долог, 19 сентября 1941 года 80-я стрелковая дивизия имени Пролетариата Донбасса была расформирована, как погибшая.

К сожалению, менее чем за 4 месяца войны в окружении оказалось 17 советских армий и 13 механизиро-

ванных корпусов. В плену оказались около 1,5 млн. красноармейцев. За это время немцы смогли по одному сценарию организовать пять «котлов», начиная с Белостокско-Минского. Затем Уманский, Киевский, Вяземский и Брянский, Мелитопольский.

Высшему военному командованию оставалось только учиться на своих ошибках и просчётах, чтобы в последствии не повторять, и даже наоборот, показать свои умения в стратегии разрабатываемых генеральных планах и решении тактических задач. И этому нужно было учиться быстро, чтобы остановить парадный марш врага. Это было важно сделать в первую очередь для того, чтобы, начиная от бойцов в окопах до командующих армиями, окрепла и стала несламливой сила духа, была полная уверенность в нашей победе над фашистскими оккупантами.

***

Бойцов, вышедших из окружения в Уманском котле, подвергли унижительной проверке не только их принадлежности или приписке к тем или иным воинским подразделениям, наличие книжек красноармейца у красноармейцев или удостоверения личности начальствующего состава РККА для офицеров. Работники НКВД также тщательно выпытывали и сверяли обстоятельства, при которых военнотружашие попали в окружение, и имели ли пленение или различного рода контакты с представителями германской армии и прочую информацию, с попытками сбить с толку, запутать и т. п.

Для оставшихся в живых бойцов взвода, под командой Домашенко значимым аргументом стало поручительство начальника штаба дивизии, генерала-майора Ноздрунова и командира батальона, которого бойцы вынесли на себе из окружения.

Трудно было даже осознать, что бойцы, после двух недель сражений в окружении и трёх крайних дней с попытками прорыва, из которых последняя оказалась самой успешной, находятся среди подразделений действующей армией, не в «котле», не в окружении, а на передовом рубеже Южного фронта.

Все процедуры и формирования закончились 30 августа, когда Пётр и его боевые товарищи в составе 2000 человек пополнения влились в состав 295-й стрелковой дивизии, 37-й армии, под командованием прославленного в разных ипостасях, но в то время умелыми действиями командующего армией при обороне Киева, генерала-майора Андрея Власова. Что будет потом — это другая история и не о том речь.

37-я армия вела оборонительные бои по соседству с 5-й армией в районе населённых пунктов Остёр и Козелец, и рек Днепр и Десна. В сложный тактический момент 295-я дивизия передаётся под командование 5-й армии. Ставка Верховного Главнокомандующего издаёт приказ 5-й армии удержать днепровский рубеж и г. Чернигов, а в последствии нанести контрудар по позициям немцев в этом районе.

Задача была нереальна и невыполнима. Более пяти дней велись кровопролитные бои, а затем ещё более тяжёлые бои, но уже в полном окружении. Более 10 суток бойцы сражались, неся большие потери в районе населённого пункта Лохвицы.

***

В коротких промежутках между обстрелами, изнемождённые бойцы продолжали «вгрызаться в землю — это единственное, что лучше всего могло защитить в случае обстрелом, хотя и от прямого попадания мины или снаряда в окоп, блиндаж или землянку, никто

не застрахован, но шансы повышались в разы. Как правило, ленивые гибли чаще, если по принципу «и так сойдёт», использовали свободные минуты на сон, вместо «облагораживания» своих боевых позиций.

В понятиях военного искусства, «Богом войны» называют артиллерию. Любое наступление будет в много раз успешнее, если будет сопровождаться предварительной артподготовкой. Кому и где предоставляется больше шансов выжить, кроме того, о чём было сказано? Конечно, боевой опыт имеет большое значение, но не только он является показателем живучести бойцов. И теория вероятности работает избирательно, а не системно. Одни позиции во время боя обстреливаются чаще и гуще, другие, лишь избирательно и хаотично. Но, даже, наугад выпущенная пуля может стать смертельной, для бойца, который просидел весь бой на дне окопа, а когда бой начал стихать, решил выглянуть, чтобы понять: что, где и как. Вот он, был солдат и нет больше его.

«Трудно в учениях — легко в бою!» — слышим мы высказывания со времён Александра Суворова. Но это про тех, кто имел возможность многому научиться, будучи на срочной службе, а что говорить о тех, для кого «учебным полигоном» является реальное поле боя, и нет холостых выстрелов и нет предупреждений, нет команд-подсказок, нет команд «Отставить! Повторяем упражнение, будьте внимательны, в реальном бою вас уже не было бы...». Так говорят новобранцам, новичкам, когда обучают их на учебно-тактических занятиях. А здесь всё реально: обстрелы, пули, разрывы, ранения и контузии, увечья и смерть...

Завершался второй месяц с того дня, когда Пётр Домашенко принимал своё боевое крещение с бойцами, ныне расформированной 80-й дивизии. В настоящей войне не то, что бойцы, полки, дивизии, армии, порой противостоят противнику менее продолжительное вре-

мя, чем их формировали. Речь идёт, конечно, не о подразделениях, которые были сформированы задолго до начала войны и многие имели опыт ведения боевых действий на Халхин-Голе, на фронте Финской войны, во время военной операции в Западной Украине, в Бессарабии и Буковине. В этих воинских частях не только офицеры, но и красноармейцы сержантского и рядового состава имели опыт ведения боевых действий.

Даже такие немолодые уже бойцы, как Пётр, но не все имевшие за плечами призыв на действительную воинскую службу, которую начали проводить в СССР только с 1939 года, с Указом о всеобщей воинской обязанности. А, что было до этого? Большинство призывников проходили службу невоинским способом, путём прохождения учебных сборов. Пётр сам проходил такие курсы сроком 45 суток в 1932 году в Казачьих Лагерьях, что недалеко от г. Новочеркаска.

Обстановка в Европе была беспокойной. И в 1938 году, согласно директиве №4133617, в этом же году было призвано на сборы 1 миллион 300 тысяч человек, в 1939-м уже 2,6 миллиона, в 1940-м — 1 миллион, а 1941 году планировали призвать около 900 тысяч человек.

Опыт подготовки отрабатывался во время «Освободительного похода» 1939 года, когда в строй призывали, называя призыв большими учебными сборами и сроки не оговаривались, лишь говорилось — «до особого распоряжения». Пётр от этого массового призыва был освобождён по двум причинам: первое, ему на тот период уже исполнилось 35 лет; второе, на иждивении находилось трое детей.

В новом, сформированном подразделении заслуги рядового командира отделения, проявившего хорошие способности руководства низовым подразделением и командованием взводом, не были отмечены командованием сводного отряда и тем более, не замечены, при

формировании новых подразделений, но теперь 295-й стрелковой дивизии. Но он и не рвался в командиры, с которых и спрос побольше и ответственность. Командиром отделения был назначен 23-летний младший сержант Никита Поликарпов, уроженец Облиевского района, получивший опыт и звание, в аккурат во время «Освободительного похода» два года тому назад. Никита, как потомственный казак и без того был близок к воинской службе казачьими традициями и самим предназначением казаков — тружеников на земле и защитников Отечества, что прививалось у них с рождения.

Взводным был назначен лейтенант Савченко из Запорожья, с характерным говором со смесью украинских и русских слов. Он был худошавым, чернявым, молодым кадровым офицером, судя по возрасту, ещё довоенной подготовки.

Алексей Кривошеев — командир роты, капитан, участвовал в Финской войне и три месяца боевых действий, большая часть из которых проходила на территории его, Киевской области, что не могло не сказываться на его настроении и двойной боли, когда стояла угроза а затем и оставление Киева — столицы городов русских, как все знали из школьного курса истории и тем дорожили.

Хотя Пётр не жаловался на плохую память, но два месяца оборонительных боёв и тем более в окружении и попытках прорывов, научили тому, что заучивать, привыкать к именам и фамилиям командиров, как в «Отче наш» не стоит. Затруднительное это дело и тем, что даже в первый день боевых действий они могут смениться и даже не раз. Такова специфика боевых действий в сложных тактических условиях.

Личный состав отходя всё на новые и новые рубежи не успевал на них закрепляться, как новый приказ, вы-

званный ситуацией обстановки на рубеже фронта, натиском немцев, заставлял менять дислокацию или совершать новый переход, под непрекращающимися обстрелами и бомбежкой. Он не знал о дальнейшей судьбе Семёна, к которому он привязался, что к сыну. Он оставался в санбате, когда Пётр с другими бойцами уже знакомился с новыми командирами и поставленными перед подразделением приказами и задачами.

И за неделю боёв одних и тех же боевых подразделений, приказы, которые им доводились, своим содержанием могли меняться плавно, типа: «овладеть», «занять населённый пункт», «отбить, сданные ранее позиции»; затем — «удержать, во чтобы то не стало», «продержаться до подвода укрепления»; а когда становилось совсем туго — «оставить позиции», «передислоцироваться», «отступить на позиции» и т. п.

Когда в бой бросались свежие силы, ставились задачи более серьёзные, а «обескровленным» подразделениям, если стояла задача спасти живую силу и технику, подразделения отводили или выводили из ситуации, предшествующей окружению, а затем и самого окружения попыткой прорыва. Прошло менее трех недель участия в боевых сражения в рядах 295-й дивизии, как повторилась с ней участь 80-й дивизии, разбитой чуть более месяца назад юго-западнее от нынешнего нахождения красноармейца Домашенко в рядах подразделения, попавшей в окружение, но на этот раз в окрестностях Лохвицы.

Кровопролитные бои в течение более, чем недели, в геометрической прогрессии повышали статистику безвозвратных потерь, количества восполняемых потерь, бойцов, требующих госпитализации и излечения, числа без вести пропавших, что трудно поддавалось подсчету и цифры были чисто условными. Одно дело, когда ежедневно становишься свидетелем того, как разрывами мин и снарядов гибнут те бойцы, с которыми и познако-

миться не было даже возможности, хоть и воевали бок о бок, когда автоматная очередь из «шмайссеров» или пулеметов прореживав и без того редкие боевые порядки красноармейцев. Другое дело, когда выпадает на короткое время передышка, ты озираешься вокруг и не видишь много знакомых лиц бойцов отделения, взвода, да и роты, кого успел зрительно запомнить. А ты, снова, жив и невредим. Какие мысли приходят солдату в этом случае?

Остатки первичных воинских подразделений, после переключки и определения потерь, в срочном порядке переформируют, сливанием двух или трех однозначных подразделений в одно. Если все командиры расформированных срочным порядком подразделений, к счастью живы, то «усиливают» освободившимися нижестоящие структурные подразделения или, наоборот, вышестоящие. Пуля-дура, она не выбирает кого убить, рядового или майора, ведущего батальон в атаку или командира роты, капитана Кривошеева, который пал героически, при прорыве вражеских позиций, который ослабевающей рукой успевает передать, наклонившемуся над ним политруком, Игнатом Коровиным, письмо, написанное незадолго до прорыва.

«Политрук... прошу, ты... отправь, напиши, что... но не...» — были последними словами капитана. Что он хотел сказать этим последним «но не» — но не пиши, что погиб или что? Сейчас важно другое — хоть кому-то вырваться из этих «тисков». А, кто вырвется, будет думать: «Бог пощадил именно меня, значит моя миссия ещё на земле не окончена...».

А какова судьба тех, чья «миссия закончена»? Одни покоятся в земле под Киевом, других полтавская земля погребла на долгие годы, а может быть и навечно, после разрыва снаряда в окопе, кто-то был тяжело ранен и остался на поле боя без помощи и спасения умирать

или дожидаться ужасной участи плена и, скорее всего гибели, но в мучениях. Далеко не все родные получают известия-«похоронки», где указывается, что «ваш сын пал смертью храбрых, при...» и «захоронен...». Какие тут были похороны, когда идёт прорыв и промедление на минуту — смерти подобно.

Пётр, в эту редкую минуту, когда бойцы, кто как расположились на привал в лесочке, что протянулся вдоль южного, левого берега реки Сула, от поселения Лохвица до с. Пески. Политрук передал самый свежий приказ командования.

Изнеможденные бойцы отрывками слышали слова — «...отходить самостоятельно... малыми группами в сторону расположения...» и каждый думал о своём. Кто-то безмолвно молился, кто-то, заострив карандаш, пытался написать короткое письмо домой, даже не зная, смогут ли его получить. А кто-то просто, выбившись из сил задремал.

Казалось, что на всей планете не найти сейчас места, где нет войны: канонады артиллерии на западе, грохот разрывов на севере и на юге, на востоке также слышен вой миномётного обстрела. Вспоминается сказка, когда Богатырь подъезжает к развилке дорог, где лежит большой камень, на котором написано: «Прямо пойдёшь — смерть найдёшь, направо пойдёшь — смерть...». Но ведь не на всей земле война, где-то есть мир, где люди сейчас собрались за большим семейным столом на ужин. Собран богатый урожай, закрома доверху заполнены дарами природы и на столе небогатая, но разнообразная еда, то, чем вознаграждён был труд крестьянина, хлеборобатруженика.

Пётр открыл глаза и ему хотелось, чтобы это мирное видение не прекращалось, продолжалось и за столом хотелось увидеть все довоенную семью, но вместо этого открылась картина немирного неба, пробивающиеся

сквозь просветы деревьев всполохи разрывов и отраженные от низко-нависших туч вспышки канонады. И несколько секунд счастливого забытья сменились мрачной действительностью пребывания в окружении. Хотелось верить, что уже не впервой и на сей раз всё обойдётся, но... но ведь для многих эти тяжкие мысли позади и потому, что их больше нет на этом свете, а до того, чтобы наблюдать на происходящее, их души ещё не переселились на небо в Царствие Небесное. Пётр машинально перекрестился, а потом быстро обвёл всех, кто был рядом, взглядом провинившегося в школе ученика.

Но никому не было дела ни до него, ни до кого другого — каждый находился в себе и, видимо, у каждого были мысли, подобные тем, о чём думал и сам Пётр.

— Петро, як ты думаешь, сиею ночью мы пидым через фронт, чи як? — спросил Егор Коваленко, сидевший рядом, спина к спине, но откинувшись назад и уперевшись локтями в покрытую, слегка «подгоревшим» травяным покровом почву, прищурясь и покусывая пышные чёрные усы.

— А, що, додому захотив? — стараясь подражать речевым суржиком бойца, решил пошутить и одновременно отвлечь себя от тяжелых мыслей, Пётр, — ты-то сам родом звидкиля?

— Петро, ты расповидай на русской мови, коли трудно. Я с Запорожья.

— Сказал бы, хоть до Полтавы. До неё реальнее дотопать, верст сто, пожалуй.

— Ну и там ще, мабуть, двести буде. Так, ни! Я чув, що ти виходив з окруженья. В ночи краше?! — молодой парень лет двадцати-двадцати двух лет был серьёзен и казался лет на пять старше своего возраста и не только из-за сумерек и смоли его густых волос, выбивающихся из-под пилотки, видимо ещё это был «оттенок» несколь-

ких дней под обстрелами, копоты, усталости и грустных мыслей.

— А тебе, шо, капитан не сказал, что мы идём через деревню Серёги Сухаревского? Он десь под Харьковым живёт.

— А де, Серёга? У нёго е горилка? З горилкою нимця легше бити и страху немає. Як будым живи..., — Егор, понуриw голову и притих.

Пётр понял, что нужно бойцу поднять дух и он, похлопав бойца по плечу, сделав серьёзный вид ответил:

— Я попрошу замполита, что для обработки раненых спирт нужен, а вместо него и горилка сгодится. А Сергея прям сейчас пошлём, пусть, если мало, нагонит сам нам самогона, горилки то есть. Идёт?!

— Ты жартувавши?! Я ж..., — Егор махнул рукой.

— А, если серьёзно, мы тут «прохлаждаться» долго не будем. Думаю, как немец приснёт, мы и попытаемся прошмыгнуть у них под носом. Думаешь почему нам приказали малыми группами прорываться? Чтоб меньше шума было. Вот, в прошлый раз мы отрядом с роту и прорвались из окружения, хотя изначально-то нас было намного больше.

***

Река Десна, берущая свои истоки в Смоленской области, петляла на территории Брянской области, витиеватой лентой пролегла по восточной и средней Украины, пополняя свои воды более, чем двадцатью притоками, самыми полноводными из которых являлся левый приток Сейм, после которого Десна становилась особенно полноводной и широкой. Отрезок реки, где по плану командования 5-й армией, 295-я дивизии намечалось форсирование, располагался между притоками Сейм и Остер. В этом месте ширина реки практически не пре-

вышала 50 метров, но глубины достигали от 2 до 4 метров. В брод перейти на такой ширине и глубинах реку не представлялось возможным.

А кроме этого, долина реки была низменной, без высоких кручинных берегов, но при этом множество мелководных разливов, рукавов и ответвлений, поросших болотистой водной растительности, создавали также естественные труднопроходимые участки большой ширины. А во время весеннего разлива или сильных ливневых дождей, долина превращалась во временное русло, шириной от 200—300 метров до полукилометра и более.

Правый фланг 5-й армии располагался чуть южнее города Чернигов, а на левом, южном фланге армии занимала позиции 295-я стрелковая дивизия. Ей противостояли части 111-й и 62-й пехотных дивизий противника, захвативших плацдарм вдоль реки Десна, восточнее Моровска, где вела бои на рубеже Лепеховка, Серговка, Ольбин.

Уже 8 сентября, ближе к вечеру, командарму Потапову было понятно, что армию необходимо немедленно отводить за Десну, на её левый берег. Немцы атаковали на рубеже Брусилов, Моровск. Боевым подразделения 295-й с остатками 232-й стрелковым дивизиям ставилась задача остановить и сковать наступательный порыв фашистов, дав возможность переправиться через мостовые и понтонные переправы 62-й и 45-й стрелковым дивизиям, для их закрепления на левом берегу Десны. А в случае сильного нажима войск противника эти дивизии должны были отойти в северо-восточном направлении и занять оборону г. Чернигов.

295-я стрелковая дивизия, дав отпор моровской группировке противника, должна была удерживать оборону на правом берегу Десны на высотах 114,9 и 107,3 м. А 195-я, 215-я и 193-я стрелковые дивизии, воспользовавшись

задержкой противника, должны были переправиться на левый берег и занять на нём оборону, в соответствии с оперативным приказом.

Решение генерала Потапова о ночном отводе основных боевых подразделений армии, с переправой на левый берег Десны, с одновременным ударом по флангам противника, был очень смелым. Но нельзя было и недооценивать, и просчитать все планы противника.

62-я и 45-я стрелковые дивизии 15-го стрелкового корпуса отходили через Чернигов, направившись к автодорожному и железнодорожному мостам, находившимся в 1–3 км южнее города. Но мосты, предназначенные для переправы уже были уничтожены нашими саперами по приказу командира 1-й противотанковой артбригады полковника А. И. Еременко во избежание их захвата частями 260-й пехотной дивизии противника. Немцы подошли вплотную к переправам.

Командир 15-го корпуса генерал К. С. Москаленко приказал 62-й и 45-й стрелковым дивизиям пробиваться к понтонной переправе через Десну, наведенной нашими саперами у Славино, что в 16 километрах юго-западнее Чернигова. Но во время перехода, воинские подразделения встретились с наступающей с юга немецкой дивизией, отрезавших путь к переправе. Завязались ожесточённые бои, продолжавшиеся двое суток.

К концу дня 9 сентября 135-я стрелковая дивизия была сильно потеснена противником и не смогла выполнить поставленные задачи. 31-й стрелковый корпус, находясь на расстоянии в 20–30 км от переправы, попал в окружение и вёл ожесточённые бои. Только 200-я стрелковая дивизия, под командованием полковника Людникова, прорвалась с боями и потерями к понтонной переправе и переправилась через Десну.

Остальные дивизии 31 стрелкового корпуса (195-я, 193-я и 215-я) попали в окружение. 228-я стрелковая ди-

визия, под обстрелами вражеской артиллерии и бомбёжкой авиации, продолжала удерживать переправу у Максима, в надежде, что наши воинские подразделения всё же смогут прорвать окружение.

295-я стрелковая дивизия продолжала вести бои с двумя, хорошо вооружёнными и получающими подкрепление от соседних подразделений германских войск, 62-й и 11-й пехотными дивизиями моровской группировки на рубеже населённых пунктов Барсуков, Гута Туманская, Ольбин.

Когда из Ставки ВГК наконец было получено разрешение на отвод 5-й армии, оно было уже неактуальным, так как за два дня тяжелых боёв положение изменилось очень сильно и теперь нужно было решать вопрос не по 5-й армии и правому флангу 37-й армии, а по всему Юго-Западному фронту. Танковые группы брали в окружение советские войска Юго-Западного фронта в окружение с севера и юга.

Потери были очень серьёзные. Как в стрелковых дивизиях, вырвавшихся из окружения, так и тех, кто выполнял прикрытие отвода войск, в 295-й и 228-й стрелковых дивизиях насчитывалось по 200—300 бойцов. В 31-м стрелковом корпусе насчитывалось всего около 2000, а в 15-м стрелковом корпусе 1500, а вся 5-я армия состояла из 4 тыс. человек. Вышли из строя по ранению или из-за гибели четыре командира дивизии.

5-я армия Юго-Западного фронта понесла тяжелое поражение в междуречье Днепра и Десны. Но среди опытных командиров подразделений нашлись такие, которые сплотили и объединили разрозненные остатки различных воинских формирований в боеспособные, которые смогли продолжать мужественно сражаться с сильным врагом.

Да, 5-я армия понесла тяжелое поражение в междуречье Днепра и Десны, но ее остатки не «были оконча-

тельно раздавлены», а, собранные энергичными командирами и политработниками в сводные формирования, продолжали еще неделю мужественно биться с сильным врагом. Тем временем обстановка быстро ухудшалась.

***

Стоит ли описывать о том, что происходило на рубеже фронта 295-й стрелковой дивизии, где мужественно сражался Пётр Домашенко со своими товарищами против наседающего противника, в желании «утопить» «за-слон» бойцов дивизии, прикрывавших отвод основной группы войск на переправу? Стоит ли «смаковать» кровавые сцены и как бойцы пытались, часто безрезультатно, спасти жизнь тяжело раненым товарищам? Стоит ли передавать, как бойцы после контузии, не слыша команд командиров и даже свист приближающейся к окопу вражеской мины, которая через секунду убьёт твоего боевого товарища и тяжело ранит другого, но ты не будешь слышать его истошного крика в призыве помочь, но чётко услышишь обонянием едкий запах тротила и даже запах крови, которого ты раньше не знал? Стоит?! Думаю, что не стоит. И то, что эта самая переправа по большому счёту была неудачной или, лучше сказать, что её вообще не было, в том нет вины тех, кто не оставил своих позиций до приказа об отходе.

Одно скажу, многие остались на этом фронтовом рубеже из боевых товарищей Петра. Не угостит уже никого и никогда горилкой Серёга Кривошеев и не будет доставать расспросами Петра Егор Коваленко. И когда ты это осознаешь, то только подумаешь: «Покойся с миром, боевой товарищ!». Или скользкими от окопной грязи руками свернёшь самокрутку, когда наступит минута затишья, мысленно перекрестишься — «Слава Богу, что живой!» и, затаившись полной грудью скажешь

во весь голос сам себе: «Врёшь, вражина! Не возмёшь!».

XIV

— Нет, ну ты вот мне скажи.. — листая бумаги на столе, освещённые слабым светом выдавшей виды, массивной настольной лампы с отбитым отражателем, из-за чего капитан особого отдела отклонялся чуть влево и, сильно отклонившись к спинке стула, закинув голову, с торчащей в правом углу искривленного рта, назад, чтобы дым не выедал глаза, допрашивал тех, кто перешёл ранним утром линию фронта западнее города Ухтырка, в лесном массиве на левобережье реки Псёл, — ты мне скажи, боец, как такое могло быть, что рядовой боец, даже не штабной, а стрелковой роты смог вынести боевое знамя действующей дивизии?

Наступила гробовая тишина, только слышен был скрип старого, разошедшегося стула, под нервничавшим и оттого не находящего себе места офицере НКВД.

— Чего молчишь? «Крыть нечем»? — переходил на крик, явно уставший от постоянных допросов не одного десятка красноармейцев или, как он любил говорить — «людей в форме красноармейцев».

— Может быть, вы мне подскажите, как всё было на самом деле, тов... — увидев, как раздражённо смотрит из-под лба, упершись двумя руками в столешницу канцелярского стола капитан, Пётр не стал дальше испытывать судьбу и продолжил, стараясь отвечать спокойно и уверенно, — ну не мог же я оставить знамя на поле боя, чтобы фашисты топтали и глумились над ним?!

— А, может быть, ты и получил такое задание у своих господ, фашистов, чтобы втереться в доверие и шпио-

нить в пользу германских войск?! Как тебе версия, логично?

— «Бред сизой кобылы»... — себе под нос пробормотал Пётр, — из нашей группы, я самого малого роста оказался, а стало быть и менее приметен, в меня труднее попасть. Оттого и согласился на себе знамя вынести. Ни о героизме, ни о подлости какой и мысли не было. А ещё, среди товарищей, большая часть которых полегла на подступах к Десне за шесть дней ожесточённых боёв и при отходе, при прорыве... сложилось убеждение, что я завожжённый, меня пуля не берёт, за два месяца — ни царапины...

— А ты сам-то в это веришь?

— Верю или не верю, а мать говорила, что моя бабушка была ведуньей, могла заговаривать... на хорошее, от болезней защищать и злых духов.

— Ведьма? Комсомольцем небось не был? Раз родня такая.

— Не был, но не поэтому. Я её никогда не видел даже, она умерла в конце того столетия, меня ещё и в планах не было.

— Что тут у вас за интересные темы обсуждаются, товарищ капитан? Здравия желаю! — с улыбкой, громко хлопнув дверью, вошёл начальник политотдела, старший батальонный комиссар, 295-й стрелковой дивизии 2-го формирования Титов.

— Здравия желаю, товарищ комиссар!

— Понижаешь в должности, капитан?!

— Виноват, товарищ старший батальонный комиссар!

— Ладно, ладно! А это не тот герой, что спас дивизию от расформирования?

— Так точно! Только...

— Что только? Бойца нужно к награде представлять, а не пытаться до полусмерти. Он и так от усталости с ног валится, а ты его по стойке смирно держишь. А, капитан?

- Не положено рас... расслаблять... ся.
- Я же не о тебе, а о бойце говорю.
- Как зовут тебя, солдат?
- Рядовой Домашенко, товарищ полковник! — отпортовал, пытаясь вытянуться постройнее перед начальником политотдела, старшим батальонным комиссаром Титовым, но у него это плохо получалось.
- Вольно боец! Сколько тебе лет, старина?
- Тридцать семь, товарищ полковник!
- Дети есть?
- Так точно! Трое. Взрослые.
- Вот видишь, капитан. Трое детей. Кем был до войны?
- Сапожник, товарищ полковник!
- Как-как! Сапожник?! И хороший сапожник?
- Не жаловались, десяткам и сотням человек обшивал и чинил обувь — никто не побил.
- А сотням и тысячам человек смог бы шить и чинить, мастер?
- Никак нет, товарищ полковник! Сам бы не смог, рук не хватило бы. А кабы помощника два-три, то смогли бы.
- Будет тебе не два-три, а пять-шесть помощников, сколько надо, столько дадим, — повернувшись к растерянному капитану, обратился к нему, — командарм приказал нам в срочном порядке в армейской шорно-седельной мастерской организовать отделения ремонта обуви и обмундирования. Смекаешь?!
- Никак нет, товарищ полковник!
- Товарищ капитан, ну ты не против, чтобы красноармеец, как звать?.. А, Пётр Домашенко отбывал «наказание» за подвиг в нашем армейском, формируемом отделении материального обеспечения? Со стрелками попроще будет, пулемётчиками, артиллеристами, а вот мастеровых раз-два и обчёлся. А теперь смекаешь?!

— Ну-у... — замялся капитан, явно недовольный, что его в каком-то роде «обломали» перед рядовым бойцом, — если такая необходимость стоит ребром вопроса, то, конечно.

— Я знал, капитан, что... мы же одно дело делаем — врага бьём. А на босу ногу сильно не навоюешь. Да, тем более что осень вносит коррективы и конкретные, однако... Так, боец? — комиссар обратился к Петру, опустив глаза на разодранные ботинки с половинчатыми обмотками (видимо половина обмоток пошла на жгуты или перевязки товарищей) и, вздохнув, добавил, — «сапожник — без сапог»!

***

Когда после построения отдельного армейского взвода материального обеспечения, в присутствии начальника штаба 37 армии, назначенного после академии и доукомплектации 37 армии в г. Ахтырка, генерала-майора Варенникова И. С., и начальника политотдела, старшего батальонного комиссара 295-й стрелковой дивизии, полковника Титова. Перед бойцами был зачитан приказ о расширении сферы обслуживания и ремонта вещевого имущества, её составе и задачах. Во второй части приказа звучало — «о награждении», где среди незначительного количества запоздалых награждений и поощрений прозвучала фамилия командира отделения ремонта обуви, с присвоением воинского звания младший сержант, объявлено за какое смелое действие и награда — Орден Красной Звезды. Все бойцы невольно нарушили приказ «смирно», невольно повернувшись в ту сторону строя, откуда выходил для награждения совсем невысокий, коренастый молодой мужчина, своим видом совсем не похожий на того героя, каким он был «расписан» в приказе. Да, это был Пётр Домашенко.

Два месяца фронтового ада и дважды за это время нахождения в полном окружении с боями и прорывом, невероятным везением или, как говорил сам Пётр — «Я — заморожённый! У меня бабушка была ворожея и весь род заморозила от нечистой силы...», тех испытаний, что выпали на каждого бойца, хватило бы в других случаях на десяток.

Большинство так и остались там в Уманском котле, в котле междуречья Днестра и Десны, между Сеймом и Остером, большинство останутся «без вести пропавшими», из-за недоказанности гибели или попадания в плен. И лишь Божьим «помазанникам» и «заговорённым» посчастливилось вырваться из этого кровяного ада.

И вот теперь, благодаря высокому «покровителю» в лице старшего дивизионного комиссара, Пётр получил возможность заниматься тем любимым делом, которое ему было в радость, и благодаря чему он кормил свою семью до войны, и к тому же окопы передовой линии остались в прошлом.

Но для этого нужно было пройти, протопать и проползти, с болью в сердце от Киевского укрепительного района до прибрежных камышей реки Псёл, где его и восьмерых боевых товарищей, оставшихся из группы прорыва «взяла в плен» группа разведчиков, формируемого в районе г. Ухтырка воинских формирований Харьковского направления.

А то, что никто, из вышедших с Петром не хотел брать на себя бремя, состоявшее в том, чтобы вынести из окружение, оставленного волей судьбы или стечения обстоятельств без знаменосца, боевое знамя дивизии на руинах разбитого, в результате авианалета, временного штаба дивизии — имело закономерное объяснение. Хоть каждый надеялся на то, что, если не погибнет под

шквальным вражеским огнём, есть большая вероятность попасть в руки врагу, т.е. в плен. И тогда знамя — это приговор, без исключения. А так... А так была надежда, что не просто останешься в живых, а когда-нибудь встретишься со своими родными и не на том, а ещё на этом свете.

Вот тогда, Петро, прищурившись, осмотрел всех бойцов, которые, как провинившиеся ученики опустили головы и молчали, не моргая уставившись на испачканное, пострадавшее от осколков, со сломанным древком, знамя, вздохнув произнёс:

— Братцы, я вас понимаю. Вы молоды, а я уже пожил, слава Богу. И детей нажил, трое у меня их. Девки, ладно, а сын, Василий, если война затянется... по всему видно, что не скоро закончится, то и ему придётся мне на смену прийти. А вы, в большинстве своём, не на много старше сына-то будете. «Бог не выдаст, свинья не съест!» — прорвёмся, не впервой! Да и, как-бы сказать, я «заговорённый».

Пётр уверенно шагнул вперёд, поднял знамя с коротким, перебитым древком, умело снял полотнище и быстро сняв гимнастёрку, обратился к ближе всех к нему стоявшему бойцу:

— Помоги! С обмотками раз сумел справляться и с этим справишься. Обматывай поплотнее.

Заправив гимнастёрку, затянул галифе поясным ремнём и похлопал себя по животу:

— Ну, вот и готова «кольчужка»! Теперь меня и подавно пуля не возьмёт. Негоже, братцы, чтобы немчуре наша святыня досталась. Не гоже!

Поправив пилотку, подбросив вверх и перехватив карабин ниже за цевье своей небольшой, но крепкой и цепкой рукой, Пётр, не оглядываясь на застывших, как оцепеневших под гипнозом солдат, грязных, оборванных, голодных и уже почти отчаявшихся и разуме-

рившихся в том, что есть шанс и вот он — шанс, шанс, а вернее надежда, которую подарил им этот, в принципе ничем не отличающийся, кроме малого роста, боец — надежда на успех и многие из них, не вслух, а про себя сказали — «с Богом!» и уверенно двинулись за «знаменосцем».

***

Мастерская по ремонту обуви и обмундирования, в который был переведён Пётр Леонтьевич, ранее именовалась, как мастерская шорно-седельных изделий, находилась во втором эшелоне и условия для работы, конечно, были не окопные, а очень даже приемлемые. Крыша над головой, стены, окна и необходимые для работы шанцевый инструмент, но не кирка или сапёрная лопата, а более «цивильный», сапожный и шорнический, ларь для материла, оборудование рабочих мест и швейная машина «Singer» Подольского механического завода.

На машине, как оказалось, никто, кроме Петра работать не мог. Да и все подобранные или отобранные для ремонта обуви мастерские имели очень ограниченные способности, что определилось уже в процессе работы. Кто-то откровенно хотел «откосить» от передовой и имея лишь скудные знания и небольшой опыт починки собственной обуви, состоявших в том, чтобы забить гвоздь и то не всегда получалось, как надо или набить набойки. Что касалось шитья, то тут дело обстояло, как уже ходило в солдатском жаргоне немецкое слово — «шлехт».

Пётру предстояло сначала себя проявить, доказав свой профессионализм, а потом уже «проэкзаменовать» и, если толку не было, «кандидаты» не имели способностей, «руки не оттуда выросли», то приходилось им искать замену. Всё-таки, перед отделением ставились задачи и, если кто-то будет занимать чужое место, то другому

придётся горбатиться за двоих и троих. Таким образом из шести человек, определённых к Петру в подмастерья, через два дня двое отсеялись, как «не подающие надежды» на обучение.

А когда сплотившийся коллектив заработал на приближённую к максимальной «мощности», что произошло не сразу, а объёмы работ превышали возможности исполнения, комбат побеспокоился и вскорости нашли достойное пополнение.

Пётр, как командир отделения, но здесь даже больше подходила должность бригадира, давал задание, контролировал исполнение, особенно изначально и до тех пор, пока не стал уверен в качестве работ подчинённых, а сам выполнял самую ответственную работу: замер, раскрой материала и шитьё. Среди работников мастерской нашлись пара таких, которые стремились в совершенстве овладеть всем комплексом работ и тому было объяснение.

Аркадий Тушенков, молодой шахтёр из Кадиевки, что на Донбассе, размышлял так, ни к кому не обращаясь, но вслух и достаточно громко, чтобы все слышали:

— Война всё равно когда-то закончится. А после войны, как домочадцы, так и все люди пообносятся, обувка прохудится. Фабрик сколько фашисты разрушили?! А сколько мастеров сгинет на фронте?! Вот, как останусь жив, приду с фронта и займусь нужным и важным делом — буду шить и ремонтировать обувку. А, Леонтьевич? Получится из меня мастер?

— Обязательно, Аркаша, получится! Раз цель есть, то обязательно всё получится и старанием, и усидчивостью, и упорством тебя Бог не обидел. Будешь знатным мастером!

— Спасибо за добрые слова! — заулыбался Аркадий и с ещё большим усердием принялся вколачивать гвозди в подошву ремонтируемых «кирзачей».

— Когда война закончится, люди не в «кирзачах» будут ходить, а в туфлях модных, дамы в ботах да в туфельках, как у модниц французских, на каблуках. И останешься ты без работы, Аркаша, — разжигал, в попытке вывести из равновесия Ярош Богданович, худощавый, высокий парень с чёрными, что смоль волосами, которые, несмотря на короткую стрижку имели сильное желание завиваться, если можно так охарактеризовать — в крупный «каракуль».

— Ну, не знаю, может быть в твоей Одессе после войны все дамы и будут ходить в буржуйских туфельках из Парижу, а у меня на Донбассе и попроще обувка сойдёт. Главное, чтоб война закончилась побыстрее. Вот, как разобьём фрицев...

— Разобьёшь! Вот этим сапожным молотком и разобьёшь..., — не унимался Ярик, как его чаще называли, — и не одессит я, хотя Одессу люблю и часто бывал, и родные там живут. Я из Николаева, что рядом с Одессой.

— Харе лаяться, что шавки, всё равно, — вмешался, занимающийся шворнической работой, в которой больше нуждалась кавалерия да офицерский состав в почине португеи, рыжеволосый коренастый красноармеец, возрастом около тридцати лет, но постоянная улыбка и рыжий вихор, выбивающийся из-под пилотки, скрадывал возраст лет на пять, как минимум.

Его звали Виктором, он был родом из посёлка Белая Калитва, потомственный донской казак с распространённой в тех краях фамилией Калюжный. Виктор, хоть и был постарше своих сослуживцев и в рассуждениях казался степенным и даже мудрым мужиком, но мог также чего-нибудь отчебучить, когда «шлея под хвост попадёт».

— Ну вы, наверное, в сапогах, фуражке и с нагайкой даже спите. Как приснится плохой сон — хватаешь нагайку и давай жену хлестать. А оно должна покорно терпеть и только-лишь заунылую, убаюкивающую песню,

за вместо колыбельной затягивать до тех пор, пока хозяин не угомонится. Так?! — пытаюсь задушить в себе смех, хохлил Ярик.

Лишь молчун, Сава Губенко, сосредоточенно занимался своим делом, лишь изредка, если поднимал глаза, чтобы взять материал или инструмент, обводил всех быстрым взглядом и продолжал своё дело.

Пётр старался не вмешиваться в такие беседы во время работы и пресекал лишь тогда, когда или кто-то переходил через рамки приличия, или поднимался вызывающий и привлекающий внимание посторонних шум, даже выходящий за пределы территории рабочей зоны. Он не занимался длинными пояснениями, что этого делать не следует или командой, чтоб занялись выполнением задания, а просто и коротко «ставил точку» беснованию призывом — «Ша!».

Мгновенно наступала тишина, только слышны были шум и стук, характерные определённым специфическим рабочим операциям, производимым только в таком и никаком другом производственном помещении, вместо разгульного трёпа на посиделках. Но через несколько минут Ярика снова «прорывало» и он тихо и осторожно спрашивает:

— Командир, а вы не одессит родом, случайно?

Пётр остановил швейную машину, пристально посмотрел на неугомонного и снова принялся за дело.

— Понял, не дурак! Ша, значит — ша.

— Ша! — чуть приглушённо, но достаточно громко, чтобы все услышали, произнёс Пётр, увидев, как чья-то тень мелькнула за окном.

Послышался легкий пересмех на, как всем показалось, неуместный в данном случае призыв.

— Ша, комбат! — через зубы процедил Петро и поправил на себе гимнастёрку, приняв положение «наготове».

— Смирно! — скомандовал Пётр Леонтьевич, как только, войдя через низкий дверной проём деревянной избы в согнутом состоянии и затем, распрямившись, без малого не достав полями офицерской фуражки до низкого, закопченного потолка, командир батальона материального снабжения, майор Елизаров, продолжив докладом, — обувное отделение занято выполнением заказа по ремонту обуви. Командир отделения, младший сержант Домашенко!

— Вольно!

— Вольно! — дублировав приказ комбата, Леонтьевич, оторвал руку от пилотки и сразу же был вынужден подать её навстречу протянутой ему, с дружелюбной улыбкой майора, исходящей откуда-то с высоты.

Со стороны это было довольно смешное зрелище, когда меньший по росту человек, должности и званию, вытягивает руку на уровень своей груди, а старший по регалиям опускает её вниз, как будто подавая мелочь просящему на паперти.

— Здравствуй, Пётр Леонтьевич! — Елизаров продолжал улыбаться и трясти, насколько это позволял делать человек с меньшим ростом, но с более цепкой и крепкой в рукопожатии рукой.

— В каком состоянии мой заказ, — поинтересовался майор, — не готовы мои хромачи?

Пётр Леонтьевич отошёл к лари, открыл крышку и достав начищенные, пахнущие свежей кожей хромовые сапоги, протянул их командиру:

— Примеряйте, товарищ майор!

— Вот и прием мы сейчас экзамен у вашей «мануфактуры», — присев на лавку и снимая свои старые, видавшие виды сапоги, комбат.

Обув оба сапога, привстал, потопал одной другой ногой, потом попытался изобразить какое-то танцевальное «па» и крякнув, произнёс громко и с удовольствием:

— А удобно в них, чёрт побери!

Напряженные взгляды присутствующих вмиг сменились на добродушные, удовлетворительные улыбки, так как все поняли — экзамен сдан успешно.

Майор снова присел и собирался переобуваться заново, но его остановил Петр Леонтьевич:

— Товарищ майор, не стоит! Сносятся — новые сошьём.

— Спасибо! Спасибо, товарищ... — и!

Когда комбат, пригнув ниже плеч голову и дёрнул за ручку скрипучую дверь, ему вдогонку полетел вопрос, который осмелился задать старший по званию и, главное — по должности, Пётр:

— Так, Вы не объявили вердикт, товарищ майор... Экзамен мы сдали или как?

Комбат повернулся, не разгибаясь, озарил свою улыбку из глубины подмышки и ответил, прежде ещё раз притопнул одной и другой ногой довольно громко:

— Да! Но не зазнаваться. Работы выше крыши. Особенно «окруженцев» надобно «подлатать», поизносились бедолаги, — и посмотрев на выдавшие виды ботинки Петра, покачав головой, добавил со вздохом, — да, «вкисло» вам, братцы.

Постояв нерешительно у двери и повернувшись к бойцам отделения, которые от неожиданности напрыглись, как будто прозвучала команда «смирно», добавил:

— Товарищ сержант... — бросив взгляд на петлицы, в которых были закреплены по одному треугольничку, продолжил, — младший сержант, зайдёте после ужина ко мне, для получения задания.

— Есть, зайти к вам, товарищ майор, для получения задания! — держа руку у пилотки и вытянувшись, хоть роста это не прибавило, в команде «смирно», ответил комбату младший командир.

— Вольно! — скомандовал комбат и громко прикрыв за собой дверь, вышел.

Наступила гробовая тишина, а через минуту атмосфера в помещении начинала приходить в привычное, обычное, рабочее состояние — балаболства, стука сапожных молотков и трескотни швейной машины.

— Присаживайся, Пётр Леонтьевич! — указывая на табурет у стола, после доклада вошедшего, комбат.

— Благодарю, товарищ майор, я постою!

— Садись, я кому говорю?!

Пётр сел за стол. Поликарп Самойлович, так звали комбата, но котором и форма была мешковатой из-за его худорбы, подошёл к маленькому окошку и задвинул шторку из ситцевой ткани. От этого в комнате стало суше, так как на дворе вечерело и вечер был пасмурный. Подойдя к столу, выкрутил фитиль керосиновой лампы, который от нежелания обгорать в пламени лампы, затрещал, замигал от легкого сквозняка в «тяге» лампы, который создал своими быстрыми движениями майор и угомонился устойчивым крупным языком пламени под закопченным стеклом лампы. Стало сразу светлее в разы.

— Извини, что на ужин не пригласил! Сам понимаешь, субординация и разговоры пойдут. А вот теперь можно «по сотке» и вот, — он подошёл к печи и, сняв с дверки духовки плотную тряпицу, обхватил обоими руками небольшой кухонный казан, накрытый крышкой, и поставил на середину стола, — картошка отменная, хозяйка маслицем домашним приправила — вкуснятина.

Положив на стол две деревянные ложки, подошел к шкафу буфета и достал не «казённую» бутылку, а четверть, наполненную более половины. Поставив две кружки налил в них по половине и кивнув головой, что означало — «бери», сказал:

— За твои «золотые руки», Леонтьевич! Да, Леонтьевич, за тебя!

Выпили теплый, крепкий, добрый самогон, приготовленный той-же заботливой хозяйкой, у которой майор квартировал.

— Знаешь, солдат, сколько мне лет? Нет? А мне 32 года ещё не исполнилось. Женат я, но детей нет, не дал бог. А про тебя, Леонтьевич, я наслышан. Даже начальство высшее о тебе говорило с уважением и честью. На таких мужиках Россия наша матушка стоит. Ты и старше меня и дети есть, так же? Так! И геройский поступок, нет — подвиг совершил! Уважаю!

Петро держал в ложке горячий картофель, с которой стекало и капало на стол растопленное пахучее масло, которое пахло домом. Кушать сильно не хотелось, не прошло получаса, как приняли порцию солдатской каши. Да и как-то неудобно было здесь, в гостях, чтоб набрасываться, как голодный бродяга на вкусную еду.

Поликарп придвинул миску с порезанным салом. Сало также было добротное, с толстой прослойкой, но, видимо, выдержанное в засолке несколько месяцев. Да и кто же в летние месяцы кабанчика режет, если не рассчитывает, что его шумная свадебная кампания прикончит за 2—3 дня. Наполнив в том же объёме вторично, комбат снова подсунул Петру кружку:

— Пей, солдат! Ты и боец отважный и мастер добрый. Пей, солдат!

— Благодарю, товарищ майор! Я бы...

— Никаких «я бы»! Держи! — майор взял кружку и передал из рук в руки. — За победу, солдат!

Выпили. Это были не «наркомовские» сто грамм, а суммарно грамм по 250 крепкого самогона «на грудь» приняв, даже Пётр почувствовал легкое расслабление, а комбат явно начинал потихоньку, но уверенно «плыть», в его глазах стала появляться лёгкая поволока.

Пётр поднялся и обратился к комбату:

— Разрешите мне...

— Не разрешаю! Садись!

Комбат с трудом осилил крупную, парующую картошину, облизал пальцы, а только после вытер рушником, лежащим на углу стола, и пристально посмотрел на Петра:

— Вот видишь, тебя ни пуля, ни водка не берёт! Бог любит Троицу! А мне даже врач рекомендовал, как лекарство — спирт или вот такую вот вещь, которая ненамного ему уступает, так как у меня язва. Думаешь, что я всю жизнь вот такой дохлый был? Нет, брат, не был. Ты, это, бойцам тушенки возьми, угости их, чтоб без обиды.

— Какие обиды, товарищ майор! Спасибо вам за угощение! Но нужно же честь знать.

— Честь ты знаешь. У тебя, может быть, где-то червячок и имеется, но не съел он тебя, как меня язва, к примеру. Ты цельный, не гнилой и, надеюсь, если понадобится, то можно положиться и довериться. Что не так?!

— Ну, думаю, что вам виднее.

— Конечно, виднее! Садись-садись! Держи, по третьей и шабаш!

А через неделю-полторы, комбат пригласил Петра снова на место проживания, предупредив, чтобы он захватил всё, что для замера и снятие мерок необходимо.

Комбат долго и настойчиво принуждал хозяйку, которой он был, видимо, обязан не только тем, что столовался и квартировался, обстирывался и обглаживался, но и значительно большим. В крайнем случае, так подумал, но не высказывал ничем Пётр, а только выполнял то, что просил его комбат. Хозяйка, розовощёкая молодка, при формах и стати и судя по тому, что Пётр ни в первый раз, ни сейчас не увидел того, что говорило бы о том, что у неё есть дети, была молода и энергична.

Да и какое его дело, кто она, как она и что у неё есть и чего нет. И при этом, Пётр, невольно вспомнил о своей Варваре. Он только сейчас понял, что всё реже стал вспоминать о жене, о детях. После выхода из окружения написал домой всего одно письмо и пока ответа не получил.

Поликарп попросил Петра, чтобы тот постарался и смастерил бы Клавдии Петровне, как он обращался к хозяйке, туфли или ботики. Сказать, что не смогу — нельзя было, да и ему самому захотелось вспомнить своё мастерство и не в починке кирзы, а именно в чём-то более тонком и изящном.

***

О командарме Андрее Андреевиче Власове в армии ходили легенды. Он, наряду с Г. К. Жуковым был любимчиком самого Сталина. И как часто бывает, человек обладающим высоким профессионализмом, как военного тактика, так и стратега, был раздражением для многих бездарных завистников. Кто-то откровенно ему желал провала в осуществлении его дальновидных планов и даже гибели, физической, в плену или лагерях ГУЛАГа.

37 армия, созданная им в первые же дни войны для обороны Киева, по понятным условиям, создавалась в кратчайшие сроки и, конечно, создав что-то новое, за несколько дней сделать её высокоорганизованной и боеспособной было очень сложно. И несмотря на это, командарм умело организовал оборону Киева, разбивая одну за другой германские хорошо вооружённые и обученные дивизии.

Даже, когда командующим фронтом был получен приказ Верховной Ставки главнокомандования и все командармы были оперативно оповещены, Власову приказ об оставлении Киева был отправлен со значи-

тельной задержкой. Это не могло не сказаться на обострении ситуации и попадании армии в котёл, в отличие от 21 армии, которая смогла прорваться из окружения, хоть и с большими потерями, но не в результате месяца ведения боевых действий в полном окружении, как это довелось пережить боевым подразделениям 37 армии, под командованием Власова.

Обессиленного, болезненного генерала бойцы на руках вынесли из окружения. После этих событий, даже германские офицеры, оказавшиеся свидетелями прорыва русской армии и беспримерного героизма личного состава, не могли остаться равнодушными, описывая эти события, как пример стойкости, преданности присяге и приказу командования советских солдат и офицеров.

Получив пополнение в результате второго формирования, в октябре-ноябре, 37 армия продолжила свой боевой путь, поступив в оперативное подчинение Южного фронта, но уже под командование генерала-майора Лопатина А. И. Но командиры и бойцы личного состава, служившие под началом генерала-майора Власова, переняли боевой запал от своего командарма и внесли его собой в новое формирование.

То, что стало с генералом Власовым затем — это вопрос второй и если имеет место для обсуждения, то не здесь и не сейчас.

Ранее, что было описано или осталось за строкой, в боевых, а позже с подразделениями снабжения, сначала армии, а вскорости и всего Южного фронта, Пётр Домашенко волей судьбы «возвращался домой», если так можно назвать отступление советских войск в ноябре 1941 года. Затем были: и Миус-фронт, но в 30—40 км (всего-то от родного дома) от Матвеева Кургана, севернее с. Куйбышево, и Ростовская стратегическая наступательная операция с освобождением г. Ростова-на-Дону

и вновь линия Миус-фронта, и мысли, которые теперь не давали, даже в минуты покоя уснуть — думал о доме, о родных, и как они были близки и, одновременно далеки...

Начало 1942 года отметилось участием армии в Барвенково-Лозовской наступательной операции и позже в наступательных боях на краматорском направлении. Летом и осенью 1942 года армия принимает участие в боевых действиях на Южном и Северо-Кавказском фронте.

Прошёл целый год войны, как это много. Самые крупные безвозвратные потери в живой силе, хоть этот термин и звучит как-то бесчеловечно и потери возвратные, санитарные, сотни тысяч пленных в многочисленных «котлах», потери смерти, в результате ранений, комиссовании и огромные потери в вооружении и технике.

Но были и плюсы. В чём? В том, что фронт мог остановиться и длительное время шли ожесточённые бои, отвлекающие и привлекающие вражеские дивизии на подкрепление этих фронтов, в том, чтобы и успехи в наступательных операциях, хотя бы в освобождении Ростова-на-Дону и другие. В советских войсках укрепилась уверенность, что фашистов можно и нужно бить, и этому были предпосылки: выросший многократно воинский дух, сломить который уже не сможет ничто, убить можно, сломить — нельзя.

Не только бойцы научились воевать, приобрели неоценимый боевой опыт, но не менее важно и то, что появилась целая плеяда умелых, стратегически мыслящих военачальников, ставших символами победы на фронтах.

XV

На оккупированной немцами территории, жизнь, называть жизнью можно было только условно. Василий не стремился отвиливать от работ, на которые привлекали гражданское население и, иногда, когда представитель от управы или волостной, староста обходил дворы, с целью привлечь ограниченное количество людей на какие-либо срочные работы, а не авральные, где требовалось собрать максимально-большое количество трудоспособного население, как на рытьё окопов, то он вызывался сам от домовладения, чтобы пожалеть мать. Такое допускалось. Тем более, что ему уже было шестнадцать лет, хоть он и не подросток сильно за год с лишним, но окреп физически, однозначно.

Часто привлекали на восстановление железнодорожного полотна, разрушенного в результате редких авианалётов советской авиации. Хоть в Матвеевом Кургане частей действующей германской армии не было, а только обслуживающие тыловые службы, но по железной дороге осуществлялись поставки вооружения грузов материально-технического обеспечения и продовольствия.

Так как железная дорога и прилегающие к ней территории относились к запретным зонам, то всем, кто привлекался неоднократно для работ в этих зонах, выдавали разрешительные документы, пропуски на проход в запретные для обычных граждан зоны. Кроме того, «благонадежным» гражданам, которые в управе и комендатуре даже заносились в отдельные списки, а неблагонадежные, прибывшие из других мест в поиске работ или по иным причинам, в том числе беженцы — в другие. На местных жителей, которых, в большинстве своём знал лично и староста, и сам бургомистр, могли положиться и даже доверять.

Угодить же новым хозяевам и одновременно пользоваться авторитетом и доверием у местного населения было очень трудно. Оскотиниться было бы в угоду комендатуры, но тогда бы рвалась связь с местным населением, авторитет и даже исполнительность по отношению к распоряжениям управы и лично бургомистра и работников отдела управы.

Бургомистром районной управы был назначен бывший заместитель управляющего МТС, Иван Михайлович Лозин. Это был мужчина непризывного возраста, ему было за 50, и он сильно прихрамывал на левую ногу. Это была память о службе в кавалерии самого Будённого, когда в бою, сначала был спасён от белогвардейской пули, подставленной ей навстречу головой верного коня, а затем от того же «спасителя» получил сложный перелом костей ноги, когда тот рухнул на него сверху, а нога осталась в стремени.

До войны Иван Михайлович вёл спокойный образ жизни, был уважаем на работе, как специалист и уважаем теми, кто с ним общался и имел хоть какие-либо общие дела. И за то короткое время, что он находился во главе управы, местное население о нём ничего плохого сказать не могло, тем более что понимали все — должность его «собачья».

Вася за то время, которое приходилось исполнять те работы, на которые привлекали, и во время охраны железной дороги, на которую его и ещё нескольких благонадёжных молодых людей, привлекали также по мере необходимости, никогда не имел нареканий, и тем более взысканий.

Сам бургомистр хорошо знал и отца Васи, Петра Леонтьевича, к которому иногда обращался или с личными просьбами, или с просьбами по работе в МТС. И, хоть и в меньшей степени, но был знаком с Варварой Максимовной.

Все знали, что у Ивана Михайловича было трое детей, две дочери, живущие давно отдельно, имеющие свои семьи и сын, живущий до войны в одном доме с отцом своей семьёй, женой и двумя детьми. Сын ушёл на фронт добровольцем, а его семья осталась также проживать по-прежнему с отцом.

Что могло быть, если бы «хозяева» узнали о сыне, а может они и знали, но просто внимательно следили за поведением и работой бургомистра, как знать. Но кляузников до этой поры на порядочного человека не нашлось.

Кроме отделов в управе, занимающимися гражданскими делами, при комендатуре имелась «служба порядка», проще говоря — отделение полиции, в которую набирали из местных, которые имели определённые «заслуги» перед советской властью и потому у них было большое желание отомстить ей за их былые обиды.

Изначально полицейские имели только удостоверения полицейского и нарукавную повязку, с желанием служить новым «хозяевам», что цепные псы — верно и яро. А уже летом 1942 года, когда немцы повторно стали наводить здесь порядки, получили личное оружие — винтовки. Германское руководство оккупационных территорий, желая экономить на выдаче заплаты полицейским, устанавливали правила, по которым, на каждого из них должно приходиться до 50 дворов, за порядком и законопослушностью проживающих в них должны были отвечать «смотрящие» и зарплату собирали за свой труд с них же, побором с каждого двора 1 рубля ежемесячно. А у кого «аппетиты» были побольше, то занимались ещё и продуктовыми поборами.

Зима вносила свои коррективы в устоявшийся распорядок, согласно указам, приказам и установленным германским оккупационным начальством правилам. Наступала уже вторая военная зима. И уже пошли слухи, что

под Сталинградом произошло то, что все с нетерпением ждали. Люди, при первой возможности обменивались скудными новостями из самых разнообразных источников. И после тех желаемых новостей, которые немецкая пропаганда выдавала за действительные, таких, как «взятие Москвы», эти новости не могли не поднимать дух народа и веру в скорую победу.

***

Зима, как и полагается русской зиме, была снежной и морозной. Вечер был тихий и морозный. То там, то тут из неразрушенных артиллерийскими обстрелами и бомбежками, при авианалётах хат и пристроек, поднимался вертикально вверх к ярко светящимся на ясном небосводе звёздам, дымок, пытаясь взять их в плен своей едкой паутиной. Топили кто чем горазд и, тем, что имелось под рукой, и тем, что удалось собрать где-либо на развалинах строений, которые восстанавливать уже никто бы не решился, нечего восстанавливать.

Окна были или закрыты снаружи ставными или завешены изнутри у кого чем нашлось. За светомаскировкой следили те же «участковые» полицейские. На Садовой, где проживала Варвара Максимовна с детьми, таким «участковым» полицейским был Костя Мокроусов с погонялой ещё до войны — Мокрый. Мокрый жил на Базарной улице, был старше от Васи года на два, но Вася его запомнил по уличным разборкам, как «гнилого» парня, который честным поединкам, предпочитал действия «исподтишка».

В лицо «участковый» знал практически всех подопечных и даже по фамилии, а по имени отчеству, лишь единицы, из проживающих на его участке. И считал это излишним, главное, знать фамилии и, главное — благонадёжность или наоборот — неблагонадёжность под-

опечных. Гордился тем, что он — «власть», особенно, когда ему выдали винтовку. Тогда его природная трусость подкреплялась возможностью припугнуть «пулей в лоб» или пинком приклада.

В этот вечер, по обыкновению на пустынных улицах посёлка никого не было, кроме тех, кому позволялось после наступления комендантского часа нести службу или просто шляться по личным надобностям и интересам. Сегодня не столько Мокрому нужно было тревожить, зачастую перепуганных хозяев лачуг, после стука прикладом в дверь или ставни «хозяина положения», а другое — чисто потребительский интерес.

А началось с того, что во время возвращения Мокрого с группой полицейских в составе и во главе с жандармами из проводимой по окрестным селам проверке наличия на территории лиц, не имеющих разрешительных документов, беженцев и сбора сведений о неблагонадёжности тех или иных, их повозку на время приостановил казачий пост. Молодой, рослый казак подошёл сначала к ездovому, пожилому мужику небольшого роста, в стареньком полушубке, с надвинутой на глаза шапке, из-под которой подходящего с улыбкой казака встречали недобродушный, даже презрительный взгляд. Казак прошёл мимо и остановился возле Кости, по втянутой под воротник шее которого было понятно, что он прячется не только от мороза, а от всего, что может принести ему неприятность.

— Мне ваши, с первой брички подсказали, что кто-то из вас следит за порядком в центре посёлка. Так?

— А, что? — с испугом и интересом спросил Костя.

— Я разыскиваю мою знакомую. Её фамилия Домашенко, а зовут Лидой...

— Да, есть такие на моём участке. За Лиду не знаю, а семья проживает, вернулись с эвакуации и проживают около года. А, что за ними что-то числится незаконное или как? — голос Мокрого начинал дрожать,

но не столько от холода, как от неизвестности и предчувствия неприятностей, как минимум.

— Да, нет же. Мы были знакомы, хорошие друзья, но прошло года полтора, и я хотел бы найти её... У меня для неё есть новости, хоть и не новые, но очень важные. А ты мог бы мне помочь их разыскать. С меня за это причитается. Как насчёт хорошего согревающего напитка? Есть и местного производства и фирменного из Германии или Венгрии?

Мокрый заулыбался, вытянул шею и довольно начал вращать головой, предчувствуя, что ужинать он сможет не «в сухую»:

— Чего же не помочь — помогу! Одним делом заняты, за порядком следим.

— Я в шесть вечера сменяюсь. Где мы встретимся?

— Ну тебе же нужно время, чтобы..., ну собраться там... Давай, я буду ждать, где же лучше... У входа в парк, в семь часов и встретимся.

— Ты меня на аттракционы решил сводить или на каток? — издевательски спросил Дмитрий, назвавшимся знакомым Лидии.

— Чего??? — не поняв издевательского вопроса Мокрый, — я не на речку зову, а потому, что рядом с парком и живёт семья твоей знакомой.

— Договорились! — сказал казак и кивком указал, чтобы повозка продолжила путь от поста на въезде в Матвеев Курган со стороны с. Ротовка.

Костя начинал уже пританцовывать на месте, чтобы не замёрзнуть, как со стороны железнодорожного вокзала к нему быстрыми шагами приближалась сначала чёрная тень, а потом начал вырисовываться на белом снегу силуэт высокого молодого человека в шинели — это был тот казак, назвавший себя тем, кто желает найти свою знакомую девушку.

Как Костя не пытался вспомнить Лиду, но не смог, возможно, что они не были одногодками и не гуляли в одних и тех же компаниях. Его вотчиной был «колхоз», как называли северную и северо-западную окраину посёлка с рынком и церковью. А здесь в центре в довоенные годы ему и таким, как он «ничего не светило». Это он сейчас здесь «участковый», тот к которому, как говорится, «нужно обращаться на „Вы“ и шёпотом».

— Ну и жмёт, а!

— Что жмёт, — не поняв, спросил подошедший к Косте, паром дышащий Дмитрий, — сапоги?

— Мороз! Какие сапоги?!

— Ах, да! Держи! Как обещал, — вынув из-за пазухи, блеснувшую при слабом лунном свете, обещанную бутылку, — добрый первачок!

— Ну это нужно ещё опробовать...

— Ну, а кто не даёт? Вот и согреешься заодно...

Мокрый взял бутылку, быстро откупорил самодельную пробку и приложился к горлышку, и, после двух глотков, также резко отстранил бутылку с возгласом:

— У-а-а! Да! Горилка, не иначе! — занюхав вывернутым краем полушубка, Мокрый закупорил бутылку, спрятал у себя за пазухой и теперь уверенно скомандовал:

— Пошли!

Подходя к перекрестку, Костя первым заметил мелькнувшую в глубину улицы тень, которая до этого, затаившись за столбом электропередачи, надеялся, что следовавший эскорт, не заметив его, прошествует вдоль центральной улицы.

— Стой! Стрелять буду! — громко крикнул полицейский и буквально следом прозвучал звонкий звук передегивания затвора винтовки, посылающего патрон в патронник.

— Стой! — Кричал Костя вдогонку убегающему человеку небольшого роста вверх по улице Садовой и быстро вскинув снаряжённое оружие выстрелил навскидку. Выстрел эхом разнёсся по пустым улицам посёлка и отозвался лаем собак, чудом уцелевших за время фронтового противостояния буквально по западной границе посёлка, вплотную подходящей к левому берегу реки Миус, за время эвакуации хозяев и многочисленные обстрелов улиц, домов и подворий дальноточной артиллерией немцев, занимающих укрепрайон на возвышенностях Донецкого края, когда в посёлке располагались советские войска.

Тень растворилась в темноте также неожиданно, как и появилась.

— Сука, ушёл! — расстроено произнёс Мокрый, вешая винтовку на плечо, — а ты почему не стрелял? — обратился требовательно к Митьке, который стоял неподвижно и наблюдал, как суетится его новый знакомый, с которым пришлось познакомиться по необходимости.

Мокрый долго чертыхался отборным матом, эхом, ломаясь, разносившимся по тихим зимним улицам. Дмитрий стоял молча, дожидаясь, когда его новый знакомый закончит свой диалог сам с собою.

— У тебя, небось, навыки стрельбы по «движущимся мишеням» получше моих и оружие, в отличие от меня, не вчера получил? — не унимался Мокрый.

— Возможно. Год, как взял в руки оружие. Хотя, для казака умение пользоваться оружием прививается с детства. Посвящение в казаки у нас, как правило, состоит из четырёх этапов. Впервые происходит посвящение в казаки, когда у младенца появляется первый зуб. Мальцу впервые подрезали чуб и отец, передавая сына матери, говорил: «Держи казака!». И в это время «на зубок» новому казаку дарили что-либо из оружия или боеприпасов: лук, стрелы, порох, а могли подарить даже шашку или

ружьё. Мне подарили шашку, вот она, — казак слегка выдвинул её из ножен и резко со звуком, характерным для вставления холодного оружия в ножны, резко вернул обратно.

— Ну, вот. И из ружья, наверное, ни как я, три месяца назад впервые выстрелил и... — как будто удавившись большим куском старой говядины, Костя замолчал.

Дмитрий выждал немного и не услышал больше от своего «проводника» ни звука, продолжил:

— Лет в 5—6 проводят второе испытание. Его проводят на майдане, в центре села, в присутствии атамана — это экзамен в умении уверенно держаться в седле. Если не проходишь испытание, то оставляют на второй год, как в школе, а через год вновь экзамен повторяется. С детства мы проходили «курс молодого бойца» в военных играх, учили обращаться с шашкой и стрелять из лука, ружья. Как только сил хватало держать ружьё, мы отправлялись охотиться на пернатую дичь в донские степи. Я добыл первую дичь, когда мне шел девятый год. Эту куропатку я запомнил навсегда, хоть потом было много дичи и пушной, и копытной. Лет в пятнадцать нас разбивали на две группы и устраивали сражения в виде игр и не боевым оружием. А уже с 17-летнего возраста мы становились допризывниками и нас собирали в Казачьих лагерях под Новочеркасском на сборы и там мы уже учились серьёзно и боевым премудростям в том числе. Так что, ты, брат прав, стреляю я давно, а сейчас война и тут, или ты кого, или кто-то тебя. Так?!

— Вот, смотри! Я так и знал, что это лазутчик-агитатор, — Костя тыкал пальцем в столб, на котором белела какая-то бумага, — листовки, гад «краснопузый», развешивал. Глянь!

Костя резким движением сорвал листовку и не читая передал напарнику в вынужденном патруле. Дмитрий

включил фонарик и бегло прочитал содержание, в которое говорилось следующее:

«Товарищи! Не верьте оккупационным властям и фашистским прихвостням. Читайте правду о Красной армии. Советские войска одержали сокрушительную победу под Сталинградом. По всем фронтам идёт наступление и освобождение занятых карателями территорий...

Карающий меч занесён над фашисткой гидрой. Враг будет разбит. Победа будет за нами!».

Так же резко Мокрый выдернул листовку из рук Дмитрия и стал её поджигать. Это у него не получалось и тогда он начал с яростью рвать листовку на мельчайшие кусочки, а разбрасывая по сторонам, втаптывал их в снег.

Идти пришлось совсем недолго, так как домик, который изначально был целью, находился не далее, чем в 100 метрах от места встречи двух «представителей власти». Мокрый даже прошёл нужную калитку, видимо под впечатлением от случившегося и злости, которая затмила разум. Он остановился, задумался на пару секунд, достал заветную бутылку и с особой жадностью сделал несколько глотков, поперхнулся, оторвал бутылку в сторону, немного пролил и закашлялся.

Его попутчик стоял рядом молча и насмехался над незадачливым и расстроенным, если не сказать взбешённым «проводником». А Костя думал о другом, о том, что вечер в теплой хате отменяется и он не успокоится, пока на его участке не проверит все углы и места, где возможно, ночной нарушитель покоя сумел оставить агитационные листовки. И упаси. Боже, чтобы об этом узнало его начальство, «стружку крупную снимут» зазубренным «резцом».

***

Василий быстро вбежал в дом с раскрасневшимся лицом, задвинул дверной засов. Снял валенки, быстро обмел с них тряпкой снег и положил их на табурет, установленный в аккурат напротив духовки печки, с открытой дверцей.

— Где ты был, труженик наш? — поинтересовалась мать, — комендантский же час давно.

— Ма, меня чего-то того. Ну в нужнике я просидел, что чуть не примерз там...

— От чего тебя могло пронести-то? В доме и еды почти нет. Где ты что смог ухватить? Друзья угостили?

— Ага! — быстро ответил Вася и нырнул под кожух на застланный топчан и всем видом показал, что он сильно замерз, будучи на дворе.

— Василёк! Вот от отца письмо как получим, я про тебя напишу, что не исполняешь его наказ, — тонким голоском, стараясь, чтобы её не услышала мать, пригрозила брату Маша, — и что меня никуда с собой не берёшь, расскажу. Я уже выросла, мне давно 14 исполнилось, а ты...

— Куда я тебя, в нужник должен брать? — сердито ответил Вася.

— Знаю куда ты ходил. Не возьмёшь, я мамке могу рассказать...

— Молчи, ябеда!

— Что вы собачитесь? Нашли время и место, — пригрозилась на обоих Варвара Максимовна, — угомнитесь.

Их спор прервал шум во дворе и стук в дверь.

— Кто там, в такое-то время? — заволновалась хозяйка, Варвара Максимовна.

— Открывайте, полиция! Проверка разрешительного режима и соблюдения комендантского часа, — не дружелюбно ответил Костя, а потом, глянув на постоянно улыбающегося казака, видимо в предчувствии скорой

встречи со старой знакомой девушкой и сменил тон, — хозяйшкa, это я, Константин Мокроус, вы меня знаете — ваш участковый полицейский... Я при исполнении!

Загремел засов и из дома вырвался клубами пара теплый воздух, пытаясь отогнать от дверей мороз и заодно незваных гостей.

— Заходите, коль «при исполнении». Мы — граждане законопослушные, и раньше были, и теперь приходится, — с неким укором высказалась хозяйка, — и что нас проверять, мы всегда на виду: я на работу, когда призывают, хожу и сын Вася никогда не отваливает, даже рвётся, чтобы, хоть как-то семью прокормить. Все дома и дочурка, куда же ей, малой?!

У Кости, стоявшего за спиной Мокрого, блеснули глаза и не только от слабого света лампы на столе, а от упоминания о дочери:

«Почему — дочурка и малая?» — недоумевал казак, машинально взяв папаху в руку, поёрзал на голове: то на двигал на глаза, то напротив — на затылок, а потом снял вовсе, держа её в руку у груди.

— Ваша дочь Лида?! — толи спросил, толи хотел выдать действительное за желаемое, отодвигая Мокрого движением левой руки и проходя вперёд, спросил Дмитрий.

В это время, Костя, достав из-за пазухи сложенную вдвое тетрадь, начал её листать и остановившись на третьем листе, начал тыкать в него пальцем и читать:

— Домашенко Варвара Максимовна, да?!

— Ну, да! Я и есть.

— Василий, сын?! Где он? — стараясь придать голосу начальственный тон, продолжил полицейский.

— Дома. Где же ему быть. Приболел он, лежит в той комнате, — Максимовна наотмашь показала комнату, — на «железке» видимо перетрудился, «живот со-

рвал». Нужно б мне его бабке Федоре показать, она животы «правит». Пацан же ещё, а там такие тяжести тягать надо.

— Все мать тягают и бабы, сама знаешь. Зачем тут ныть. Где он?

— Вася, сынок, ты не спишь? Выйди, покажись.

— Чё, ма?! А, да, час выйду, — отозвался Вася сонным голосом, отодвинув тюлевую, давно не стиранную занавеску в дверном проходе и всовывая ноги в «обрезы» из валенок, служащие вместо комнатных тапочек, зашаркал, продирая глаза и отворачиваясь от света лампы, которая контрастно резанула своим бледным светом.

Наступила тишина. Костя внимательно всматривался в прищуренные глаза Васи, в которых читалось пренебрежение незванным гостям, потом спросил:

— Ты куда вечером ходил?

— Никуда, окромя нужника не ходил, второй день уже. Как с Закадычного с работ привезли нас, больше никуда и не ходил. Чего-то и буряк отварной в рот не лезет, рву всё, что туда, а оно обратно.

— Буряк, али бурак? Бурак — кацапская еда, они любят его в щи заправлять, — с неким презрением высказал свое мнение молодой казак с верхнего Дона.

— Не знаю, как у вас сейчас, а нам скоро придётся не то, чтобы бурак, а сыромять и юфть, что хозяин на обувь не использовал, придётся варить, да жевать, чтоб не подохнуть, як мухи зимой... — хозяйка тяжело вздохнула и продолжила, — так шо тебе надо? Яка така проверка? Проверяй. Машуня, поди сюда!

Из дальней комнаты выскочила юркая чернявая девчушка с двумя плотно заплетёнными косичками и в объёмной, свисающей до колен практически, кофте, явно с маминого плеча.

— Вот мы и все. Документы нужны, «аусвайсы»?

— У меня два документа, ещё и пропуск в «запретные зоны» есть, я же тружусь на «железке» в основном. Меня сам бургомистр знает хорошо. Можете спросить.

— Спросим, коли нужно будет.

— Пустила б хозяйка, за стол присесть, — опять «сменив гнев на милость», набивался Костя, — тут у моего товарища разговор к вам есть.

— Да я бы не против, только угощать нечем, разве буряком, вот сварила, горячий.

— Пойдёт и буряк. Так говоришь, что никуда не ходишь, благонадежный, стало быть?! А кто листовки по посёлку развешивает, знаешь? — снова, как на допросе, Костя, обратился к Васе.

— Да, откуда!? Вот, когда неделю назад самолётом разбросали, так нас заставили собрать все до единого и после же ещё нас шмонали, чтоб ни одной бумажки не унесли.

— Ну, если ты такой правильный и законопослушный, почему к нам не идёшь на службу? И с пайком было бы проще, да и вообще...

— Маловат, как говорят и ростом, и возрастом. Мне только 16 исполнилось. К весне, как вытянусь чуток, чтоб носом «мушку» доставать, может приду.

— Шутишь?! Ну-ну! Хозяйка, а пары стаканов не найдётся?

— Найдём, чего-же не найти, найдём! — Максимовна поспешила к буфету и поставила на стол две гранёные рюмки на ножках, — или стаканы? — Спыхватилась, отбросив в голове хмурые мысли.

— Сойдёт! Мы уже особо не спешим, да, Митька?! — начиная краснеть от тепла и уже выпитого ранее на морозе Константин.

Тот молча кивнул. Хозяйка поставила порезанный дольками бурак, положила горбушку хлеба и поставила солонку. Сама присела на лавку и прижав к себе, подбе-

жавшую дочурку, смотрела на незваных гостей и самые нехорошие мысли о старшей дочери Лиде сами всплывали и заставляли волноваться всё больше, но торопить события боялась.

Мокрый налив самогон в рюмки, кивнул Васе, мол — «тебе тоже», но тот отрицательно кивнул головой. Попробовали и угощение, но восторга не высказали по поводу «изысканности» блюда.

Дмитрий, полез в карман шинели и достал маленькую шоколадку, с улыбкой протянул её Маше, а та, сначала переглянулась с матерью и поняв по взгляду её одобрение, подошла и кокетливо взяла из рук рослого чубатого молодого казака угощение, поблагодарила при этом словами и улыбкой.

— Ваша дочь, Лида, в Ростове жила? — спросил Дмитрий.

— Да! А почему жила? — насторожилась Варвара Максимовна, — она сейчас должно быть в Средней Азии, с фабрикой эвакуировалась. вы что-то знаете о ней?

— Не волнуйтесь, пожалуйста! Я думал, что она уехала домой, когда в Ростове готовили заводы и другие производства к эвакуации. Я — друг парня, с которым Лида встречалась. Она, наверное, вам писала о нем? Мой друг, ещё с детства, Пётр Логвинов, а я — Дмитрий Колесников. Возможно, что Лида и обо мне говорила?! Если бы не война, то Петя и Лида точно поженились бы. Но не судьба, видеть... Лида — замечательная девушка, она и мне очень понравилась, но выбрала друга. Но я не об этом.

Наступило недолгое, но утомительное молчание, было слышно, как Мокрый жевал со специфическим хрустом бурак. В печи раздался треск от горевшего полена, на что никто не среагировал, кроме Маши, которая невольно вздрогнула.

— В последние дни, перед оставлением Красной армии Ростова, мы не были с Петром вместе. Я уехал до-

мой, а Пётр оставался в Ростове, да и Лида тогда ещё была в Ростове. И то, что она эвакуировалась с фабрикой, я тоже не знал. Три месяца тому назад, в октябре, нас, казачков, собрали в Новочеркасске. Был избран штаб Войска Донского и началось формирование казачьих частей. Так я оказался на фронте...

— С какой стороны ты оказался на фронте? — со скрежетом зубов спросил Вася, сжавшись в комок на противоположном, от того края, где сидела мать с сестрой, конце лавки и злобно смотря снизу вверх исподлобья на высокого казака в шинели и казалось, что вот-вот, ещё одно слово, которое может создать эффект горящего фитиля пушки, выполняющей поджигание порохового заряда и последующего выстрела ядром, но Дмитрий замолчал и с любопытством посмотрел на парня, который, если встанет, будет ему по грудь, но сколько в нём ярости и ненависти, ненависти к нему, кто, по стечению обстоятельств принял на фронте сторону.

— Вася, ты болен. Иди, приляг, — стараясь быть спокойной, сказала мать, кивая головой в сторону комнаты, из которой тот вышел минутами ранее.

Вася лишь опустил голову, чтобы не было видно, что творится в его глазах. А в них была дикая ярость, с которой он сейчас безмолвно боролся, стараясь не подвести мать и не довести ситуацию до греха. А затем поднялся и молча, но неохотно ушел в свою комнату, где тихонько прилёг вновь на лежанку и прислушивался к разговору в соседней комнате.

Митя, посмотрев вслед парня, тихо сказал Максимовне:

— Вы, мать, следите за сыном. Горяч он очень! С такой вспыльчивостью и до беды недалеко. Как я понял, он единственный кормилец?! Берегите его. Добрый бы казак из него получился, только.. — Костя умолк не доска-

зал что-то важное, возможно, из-за присутствия Мокрого, который разливал по рюмкам последний самогон.

— Мать, а у тебя «горючего» нет? — пробормотал Костя.

— Какого горючего? Для лампы?

— Да, нет! Для души, — с этими словами полицейский провёл растопыренной ладонью от подбородка до живота, прикрыв при этом глаза, а затем поднял над столом пустую бутылку, добавил, — вот такого!

— Да, нет, конечно! Откуда? Но, если сильно «горит», то я спрошу у соседки, бабы Глаши. Хоть, Маша, сгоняй, ты швыдце, возьми бутылку и попроси, если есть, пусть одолжит.

Маша набросила пальтишко и нырнув ногами в валенки, тихо притворил дверь, ушла.

— Я, когда попал снова в Ростов, где-то в ноябре месяце и первым делом решил узнать, где и что с Петром и Лидой. Нашёл тех общих знакомых, кто в Ростове остался. За Петра рассказали. Погиб Петр, в добровольную оборону вступил, на острове Зелёном погиб ещё в 41-м, героически погиб... — Дмитрий смотрел в пол и молчал.

— А ты, что же, казак? За немчуру воюешь? — возмутилась Варвара Максимовна, — ой, Господи, как же это? Прости, Господи! — отвернувшись, трижды перекрестилась.

— Мать, не суди — не судима будешь! Всё не так просто, а всё рассказывать — не место и не время. Значит, Лида эвакуировалась. Будем живы, может и встретимся. А Петра пусть не ждёт — не дождётся, сколько бы лет не прошло. Сведения эти точные и проверенные. И не потому я это говорю, что тоже влюблён в вашу дочь, нет, а потому, что живым о живом надо думать и жить не воспоминаниями, а планами на будущее.

Забегала Маша, улыбаясь, поставила наполненную бутылку на стол и осмелев спросила:

— Так, что там Лида? От Лиды писем давно нет. Вы давно её видели?

— Давно, красавица, давно — в той жизни, — казак поднял на Машу глаза, увидел в её искрящихся глазах любопытство, добавил, — да хорошо всё с твоей сестрой, всё хорошо!

Маша сбросила пальто и подбежав к матери, крепко обняла её своими маленькими ручонками.

Выйдя на улицу из комнаты, где воздух казался душным, но это в сравнении с крепчающим на ночь морозом, патрульный дуэт разошёлся не сразу. Мокрого развезло, толи от плохой закуски, толи от того, что он был слаб на выпивку, да и не только, но и возможно от качественного продукта, «принятого на грудь», тем более, что его сегодняшний собутыльник не ради выпивки пришёл и несколько рюмок пропустил в «пользу» Мокрого или во вред, как сказать.

Явно «захорошевшему» Косте хотелось общения. Ну не домой же идти, не «выносить же мозг» матери, а тут — вот они, уши свободные.

— Слушай, а девочка ничего-а! Может, давай её того... Люблю чуть недозре-ре-релые эти, как их... а — фрукты, яблоки с кислинкой. Ты вот любишь мочёные яблоки, а? Я обожаю, в капусте засоленные. Слуш-ш-шай, а девка ни-че-во!

— Слышишь, ты! Как тебя? — расвирепел Митя и из его глаз посыпались искры.

В крайнем случае такое могло привидеться Косте, который, сначала оторопел, а потом, под натиском решительного казака стал пятиться назад, пока не упёрся в глубокий сугроб на обочине улицы и сел со всего маха на зад. Винтовка выпала из рук, он сидел, растопырив

в стороны руки, опираясь на них, а они погружались всё глубже и глубже в снег и оттого он начал сильнее крепиться на спину, как бы пытаясь таким образом спастись от наседающего на него того, кого он считал совсем недавно «единомышленником».

— Ты, чё? Ты, чё!? — зашебетал Костя.

— Ты, сволота! И думать забудь, она же ребёнок! Узнаю, услышу, что плохое — кадык вырву. Так и знай, тогда ты — не жилец!

— Ты, чё? Да, я, ты чё?! Пош-ш-шутил я, ну, чё, ты? Пош-ш-шутил! — вытаращив глаза и пытаясь подняться, отнекивался перепуганный до смерти «страж порядка».

Дмитрий нагнулся, ухватил «тело» за шиворот полушубка обеими руками и резко дёрнул на себя. Костя, как оловянный солдатик предстал перед грозным противником его мнения, по поводу возможно повеселиться, поразвлечься с молодой, даже ещё не девушкой, а подростком 14-летней девчонкой, не знающей ни только мужчин, но и невинных поцелуев.

Митя долго смотрел Мокрому в глаза с такой ненавистью, что у того и хмель стала улечучиваться со скоростью мысли и мысли не заторможенного спиртным человека, а мыслью человека, который висит над пропастью и вот-вот сорвется в бездну и шансов на то, чтобы выжить нет.

— Ты меня понял?! — грозно спросил Дмитрий, приклонив ближе к себе, протрезвевшую, но дышавшего в лицо спиртным смрадом и ещё больше выкатившие, как орбиты глаза и ухватив правой рукой цепко за шею, медленно сжимая её, — понял? Достану, где-бы ты не был и убью, гадина. Молись, чтобы с этой семьёй ничего не случилось, иначе... Иначе я тебе твою «хотелку» с корнем вырву, чтобы ничтожество и мразь не плодились... с корнем!

— Да, понял, я! Понял! Отп-п-пусти-и!

Когда Митя ослабил сначала, а потом отпустил хват и отошёл на пару шагов от этой мрази, тот судорожно стал лапать себя по шее, как-бы проверяя — на месте ли кадык.

Понимая, что полицейай ещё долго будет приходиться в себя, Митя нагнулся и откопал из снега винтовку Кости:

— Держи, вояка! А-то тебя за утерю винтовки точно «под монастырь подведут» или расстреляют.

— За что меня рас... рас... треливать? Я служу честно, верой и правдой...

— Ага, как и я. Но кому? Трудовому народу?! Я давал присягу в 20 лет, присягал у алтарей станичных соборов на верность казачьей династии. Я по нашим казачьим законам подчиняюсь и беспрекословно выполняю приказы штаба Войска Донского, какими бы они не были. Я клятву давал. А ты, нечисть, кому клятву давал?

— Я... я принят на службы и тоже выполняю приказы.

— А что тебя советская власть такого сделала, что ты её так ненавидишь? Раскулачила твоего отца? Или шашкой зарубили красные комиссары, як моего и не только, полстаницы, посчитай загубили. Ответь мне «блюстителю порядка». Твои родные подвергались таким гонениям, как мои, были вынуждены покинуть Родины и «рыдали белугой», видя, как удаляется крымский берег, которого им больше никогда не придётся увидеть в своей жизни? Что молчишь? Даже, если это было бы так, то это ещё не значит, что нужно теперь издеваться над теми, с кем ты ещё вчера сидел за одной партией, жил мирно по-соседству, насиловать женщин, детей... Мразь!

Дмитрий «смачно» плюнул в сторону полицейая, собрав заодно в плевок весь негатив, который он испытывал к этому, возмнившему в себе того, кому всё позволено, низменного человека и уходя повторил:

— Ты меня понял!?

— Понял-понял!! — затараторил Костя.

Ясное небо начали заволакивать облака и вышедшая на небе «узколикая» луна, то пряталась за них, то с «усмешкой», как малые дети, дразня взрослых, вновь выглядывала, как из-за угла, из-за тучки. Видимо, предвиделась кратковременная оттепель или метель.

XVI

— Иван Михайлович, можно у вас спросить, — догоняя районного бургомистра, идущего морозным утром в управу, Вася, сбиваясь с дыхания от быстрого бега и желания догнать начальника районной управы раньше, чем тот ступит на ступени у входа в контору, кричал ему вдогонку со спины.

— А почему, не «пан бургомистр»? Меня так сейчас принято величать или забыл? — остановившись в 5—6 шагах от конторы и повернувшись к оторопевшему парню, бургомистр «сменил гнев на милость», — ладно, не напрягайся по стойке «смирно», а вот, если бы мы говорили уже за той дверью, тогда мной сказанное — обязательно было бы, таков порядок.

— Извините, пан бургомистр! Я же привык к вам так обращаться, ещё до вой...

— Ладно-ладно, я тебе по этому поводу уже всё разъяснил. Что стряслось?

— Дядя Ваня, меня батя за кормилица оставил, а я уже не знаю, что делать. На работы сейчас не берут. А как до весны дотянуть? Вот, если бы вы мне дали специальный пропуск для того, чтобы я прошёл по сёлам и смог бы выменять на продукты кое-какие вещи, без которых мы обойдёмся, а без жратвы... сами понимаете.

— Да, понимаю! Чего-же не понят, понятней не бывает. Каждый второй и третий голодает, а каждый первый, не считая тех, кто на службе у новой власти, ну, как я, тем полегче, однако будет. А, что сам хочешь пойти, зима же, морозы? Как бы не сгинуть где-нибудь в степи.

— Думал с Машуткой пойти. Люди увидят — дети, разжалобятся и глядишь — уважают, обменяют товар на еду.

— А мать-то в курсе, отпустит? — недоверчиво спросил Иван Михайлович.

— Да, отпускает, я спрашивал. Кое-что из батиных припасов возьмём, от Лиды вещи тёплые остались, она писала, чтобы мы продали, если нужно, ну и что мамка найдёт.

— Как-же всё это добро понесёте? Сестру твою, хоть саму носи...

— Так у нас сани добрые есть, папаша нам сам мастерил, мы все втроём с кургана к речке съезжали. Полозья стальной лентой подбиты, широкие, сани добрые и я сам, семнадцатый год пошёл, силёнка есть. Так, что, дядя Ваня?! Простите! Иван Михайлович, край нужно. Тогда мы до весны точно «ноги не протянем». А весной уж...

Бургомистр смотрел сверху вниз на разгорячённого парня и думал: «Добрый наследник растёт у Петра Леонидовича!», — похлопал Васю по плечу и спросил:

— От отца нет известий? Жив-ли?!

— Да, посчитай больше, чем полгода ничего нет от него, фронт-то, где...

— Понятно! Да в том-то и дело, что фронт не так-то и далече. Вот оттого я и не решаюсь. Как объявит комендатура у нас прифронтовую зону и что тогда? Ладно, пойду я вам на уступку, тем более что ты и правда работник, весь в отца. Хвалили тебя бригадиры, где ты трудился, хвалили, «хваткий» — говорят. Ну, заходи!

Вася заулыбался и, чинно пропустив начальника, последовал следом. В конторе Иван Михайлович подвёл к двери с надписью «Паспортный отдел», повернулся к Васе:

— Вы в какую сторону собирались идти и каким маршрутом?

Вася объяснил, что собирается пройти до станции Успенской, заходя по пути в села, которые совпадали с маршрутом, Алексеевка, Александровка, Самарское...

Бургомистр открыл дверь, где его приветствовал, приподнявшись со стула, находившийся уже на своём рабочем месте, Савелий Петрович — начальник отдела. Иван Михайлович разъяснил, какой документ нужно написать парню, с указанием маршрута следования и когда дело дошло до дат, повернулся к Василию и спросил:

— Думаю, что 10 дней вам с лихвой хватит, если нигде себе зазнобу не найдёшь... Хотя, ты же не сам.

— Да, хватит! Спасибо, пан бургомистр! — умышленно громко ответил Вася.

Бургомистр только заулыбался, но на это ничего не сказал, а выходя только заметил Васе:

— Петрович бумагу напишет, придёшь ко мне, подписью с печатью заверю.

На выходе из конторы управы, Вася почти лоб в лоб столкнулся с полицаем Мокрый, который шел с опущенной головой, явно в плохом настроении и таком же неважном самочувствии, причиной которого было, без сомнения то, что вечером проводил обход, где его хозяйева, чтобы задобрить угощали «от души» тем, что исстари являлось показателем гостеприимства и средством для поднятия настроения. Конечно же, речь идёт о самогоне и это был неопровержимый факт, так как, столкнувшись на ступенях, Мокрый резко вскинул голову и чего-то буркнул, а вместе с этим выпустил «змея Горяныча» из глубин «души», располагав-

шейся у него, не как у всех — в груди, а пониже — в брюхе.

Духан был убойный. И узнав Васю, он счёл за должное, чтобы «отыграться» за неудачу, которая постигла его при предыдущем визите в дом тех, из которых ему сильно влетело от «народного заступника», как про себя Костя стал называть казака Митьку.

— Смотри, куда прёшь! — заорал полицай на Васю и при этом резко оттолкнул его в сторону, — не видишь, власть идёт!

И ступив на верхнюю ступень крыльца, резко закинул голову назад, придержав и поправив шапку, зашагал на планёрку, где все полицаи отчитывались по своим, вверенным им, территориальным участкам, о происшествиях и других важных событиях, произошедших за ночь.

«Встреться ты мне где-нибудь в укромном уголке, я бы тебе башку отвернул, пёс цеповой, шавка немецкая!» — мысленно обложил «власть» Вася. Сейчас цапать ему с этой самой, называемой себя «властью» совсем не резон. Это могло сорвать то важное дело, к которому он готовился долго и вот уже завтра сможет притворять планы в жизнь.

Вася явился домой сияющий:

— Мам, собирай нас в дорогу. Бумаги готовы. Завтра с утра и пойдём. Радуйся, Дюймовочка, надышишься свежим воздухом. А-то совсем из смуглянки в «белянку» скоро превратишься. Только сразу говорю, или безоговорочно меня слушаешься, или вовсе никуда не пойдёшь. Также, мам?!

— Так-так, Вася! Маша, слушай во всём Васю, не противоречь, да ещё в чужом краю. Соберу, сейчас начну укладывать. И денежек, что остались в дорогу вам положу, и покушать, что есть на перекус, пока не разжи-

вётесь, даст Бог. Я Богу за вас каждый день буду молиться, пусть вам помогает и бережёт вас.

— Вася, Маша носит и тебе крестик повяжу...

Вася в другой раз бы стал возмущаться и то, что он комсомолец, и то, что бога нет, и кто его видел..., но не сейчас. Сейчас Вася вспомнил слова раненного бойца Макара «...пусть матери повяжут нательный крест. Верите вы в Бога или нет, но Он меня спасал и не раз, поверьте мне...». Кому другому, то навряд-ли, а этот фронтовик, прошедший через ад, внушал доверие, и Вася поверил его словам и потому не стал матери противоречить, а коротко ответил:

— Хорошо, ма! Повяжешь!

— Я ещё золотые серёжки завернула в платочек, ты, Вася подумай, куда лучше припрятать, чтоб всегда с тобой были. В узлах ненадёжно.

— Может, на Дюймовочку повесим, сразу жениха найдёт...

— Дурак! — Маша налетела на Васю с кулаками и хоть её удары для него были просто, как «указанием на его злой язык», который нужно было удерживать за зубами, не более того, но ярость, с которой она колотила брата по спине была не в шутку.

— Ну, ладно вам! Если вы и дальше так будете друг к другу, то...

— Да я пошутил, ма! Я за неё, ты же знаешь, любого...

— Вот потому и не доводите до этого. Где нужно — промолчите, где нужно и враньё — не грех, если для благого дела. Будьте умницами, не расстраивайте мать! — заключила в итоге Варвара Максимовна, подойдя к детям и обняв обоих со слезами на глазах.

Снег под валенками скрипел, иней от дыхания оседал на ресницы и ворсистых краях шапок. Вася, распределив обязанности, впрягся в санки, перебросив их по-

водок, сделанный отцом из вожжей, благодаря чему он не врезался через пальто в тело и чтобы руки всегда были свободны, он уже сам соорудил что-то, похожее на лошадиную сбрую, переброшенную через плечи и распределяющие нагрузку от саней и на грудь, и на плечи. Маша должна была идти за санями, следить, чтобы увязанные узлы не растерялись и там, где будет Васе тяжело, подталкивала сани сзади.

На посту у развилки дорог, прямо на север — на Ротровку и дальше в сторону с. Куйбышево, а та, что на северо-запад дорога шла в сторону х. Степанов, с. Алексеевку и Александровку, а дорога направо путников не интересовала, она вела в сторону г. Таганрога и к указанному в пропуске подробному маршруту отношения не имела.

На посту дежурили казаки. Вася по требованию предъявил документ и отвечал на все вопросы, которые задавал постовой. Отрылась дверь дежурного помещения поста, где размещалась отдыхающая смена и старший поста. Вышел казак, который по всему виду был старшим, он спросил у проверяющего:

— В чём проблемы, Степан?

Вася сразу повернулся в сторону старшего на посту, так как узнал его по голосу — это был уже знакомый, недавний гость, посетивший их в тот вечер, после того, как Василий убежал от него и Мокрого, «спалившись» при развешивании листовок, Дмитрий, друг Лиды, как он представился.

— Проверяю разрешительные документы, господин урядчик! — ответил казак по имени Степан, как его окликнул урядник Дмитрий, слегка напрягшись перед подошедшим старшим на посту.

Подойдя ближе и убедившись, что это и есть те, о ком и подумал он, услышав голоса, попросил постового казака:

— Разреши посмотреть документы.

Казак молча передал пропуск и «аусвайсы» старшему.
— Свободен! — приказал Дмитрий постовому и указав на место у шлагбаума.

Повернувшись и убедившись, что их никто не услышит тихо начал говорить Васе:

— Вы постарайтесь уложиться, уладив свои дела не за 10 дней, а пораньше. Что-то мне подсказывает интуиция, что через неделю фронт будет здесь, вдоль Мисуса. За дальше не знаю, уж очень старательно и долго немец укрепления сооружал.

— Да, я знаю. Осенью гоняли нас на гору, камень там под ДОТы долбили, — подтвердил опасения Дмитрия Вася.

— И лучше, если вы будете возвращаться... сейчас посчитаю. Сегодня — 12 февраля. 18-го и 20-го я должен быть здесь. В крайнем случае, если меня не будет, а возникнут по какой-либо причине проблемы, то смело не меня ссылайтесь. Запомните, я — Дмитрий Котельников, казачий урядник. Вася, береги сестру!

— Спасибо, Митя! — тихо, чтобы не услышал постовой, но от души поблагодарил Вася, несостоявшегося зятя, с лёгким поклоном.

Казачий урядник, отдав документ Васе, улыбнулся и подмигнув укутанной в полушалок сестре Васи, Машеньке, приказал постовому открыть шлагбаум и скомандовал:

— Пропустить!

Вася нажал на лямки упряжи, Маша подтолкнула сани, и они двинулись, хоть и по намеченному маршруту, но в неизвестность. Маша исподтишка пару раз оглянулась назад и видела, как этот высокий казак, который приходил к ним пару недель назад, пристально смотрел им вслед.

«Кажется, что и человек он всё же хороший, — подумала Маша, — а вот предателем оказался. Неужели Лида

не могла распознать тогда его сущность, увидеть в нем того, кем он станет?...».

Что представляло собой с. Ротовка перед началом войны, кто помнит и что оно стало представлять сейчас — это несопоставимо. И причина тому не частично разрушенные или сгоревшие дома. Таковых в Матвеевом Кургане было в разы больше, не в количественном сравнении, а в процентном.

До войны село было процветающим, в нем большей частью проживали немцы, приехавшие сюда осваивать земли Примиусья по приглашению русской императрицы Екатерины II. Немцы, умеющие трудиться и применять в производствах всё передовое, жили во многом лучше и зажиточнее местных жителей. В 1941 в результате депортации они были вывезены в Сибирь и Казахстан. Что случилось с их домами?

Кто успел, смог «улучшить» свои жилищные условия за счёт выселенных соседей, но не недвижимостью, а той редкой утварью, которая не попала в опись. В большинстве случаев, имущество подлежало описи и было конфисковано в пользу государства.

Без малого полдня вынужденные путники-менялы перемещались по селу, где их встречали во дворах редкие собаки и закрытые ставни домов, иногда это был и немецкий говор. Но это был характерный говор не хозяев, а тех, кто пришёл из той-же Германии, но не с добрыми намерениями, как те, кто обжил эти добротные плодородные земли Примиусья, ставшие им более полутора веков назад родными, где родилось не одно поколение немцев-колонистов — это были незваные гости, явление которых ставило другие цели.

Хорошо, что среди этих «квартирантов» не было представителей действующей армии, а больше служб обеспечения Вермахта. Это были в основном служащие подразделений RAD, перед которыми ставились задачи,

кроме строительных и ремонтных, выполнение в том числе, охранных, полицейских и анти-партизанских функций.

Вася неплохо уже разбирался в знаках различия на военной форме немцев и мог отличить, если встречались те, которые относились к организациям СД или гестапо. Но, как быто ни было, менять у них «шило на мыло» не имело резона, а могло только накликать неприятность.

И всё же Васе с сестрой удалось сменить у пожилой женщины, назвавшейся просто Семёновной материнский полшалох и валенки, которые отец покупал старшей дочери, Лиде, а та вскорости уехала в Ростов, и они ей не понадобились. Торг был короток и сердобольная женщина, которой по душе пришлись эти, в принципе дети, а, как для неё, так внуки, как и те трое, что на печи сидели. Вот для старшенькой и пришлись почти впроу валенки. Где и как она сохранила зерно, которое и стало «мерилом» торга на выдавшем виде рычажном безмене или, как его иначе называли, кантаре, только Бог и знает.

— Детки, дала бы вам муки, но мужиков в доме уже сколь нету, потому... Сейчас, обождите, — худощавая, но быстрая на ногах женщина, сделав отмашку рукой, а другой придерживая у шеи незастёгнутый на пуговицы ватник, засемила по натопанной в глубоком снегу, посреди двора, тропе.

Вынесла, улыбаясь неполный глечик с молоком и краюху хлеба:

— Перекусите, детки, путь-то не легкий ваш.

— Спасибо, но мы...

— Потом спасибо скажите, попейте. Вот утрешнее осталось. Благо, коровку сберегли, она наша кормилица, иначе... — бабушка Семёновна всплакнула, вытирая освободившейся от глечика натруженной рукой, уголком

платка слёзы с глаз, выдавших и счастье, но больше трудностей, лишений и горя.

— Сыновья мои на фронте все трое. Дочка на Украину замуж вышла, на шахтах живёт. А вот внуки, двое старшего сына, а один среднего, со мной. Вот на среднего похоронку ещё в 41-м получила, в Харьковской области погиб, на старшего — весной 42-го... Не теряю надежду на то, что меньший вернется живой и здоровый, давно правда писем нет. И невестка старшая от бомбежки не успела укрыться, дети сиротами остались. Благо, что вторая невестка помогает мне справляться и с детьми и коровку, худо-бедно, а сохранили.

— Бабушка, спасибо вам и низким поклон! — расчувствовавшись и от души поблагодарил Вася Семёнову, передавая от Маши пустой кувшинчик из-под молока, — очень вкусно. Давно мы такого не пили. Спасибо!

— Храни вас, бог! — ответила хозяйюшка, перекрестив вслед уходящих в войну детей.

Да, именно в войну, так как до мирного времени было, ох, как далеко и никто не мог точно сказать, сколько ещё на людей свалится горя, страданий и скитаний, и все ли смогут всё это перенести, пережить, выдержать, чтобы жить и радоваться этой жизни.

Конечно, можно было где-то срезать и укоротить путь, но не сейчас, не зимой и с таким глубоким снежным покровом, какой случился в эту зиму. Поэтому пришлось протопать по селу добрых полкилометра, чтобы возвратиться до развилки и свернуть на дорогу в сторону с. Авило-Успенка, где первым по маршруту был хутор Степанов.

Хутор располагался на высоком косогоре кряжа, который тянулся, как и русло реки Миус, в долине от сёл Петрополье, Кульбаково и Большая Кирсановка. Перейдя по мосту через реку, пройдя проверку на полицейском посту, путники с трудом преодолели подъем от моста

вверх, где влево располагалось с. Алексеевка, а вправо хутор Степанов в несколько дворов, а чуть далее более крупный посёлок Надежда Новая.

Когда «санный обоз», состоящий из «упряжи» в составе одного «коренного», упёртого парня Василия и «толкача», маленькой, но тоже с характером, девчонки Маши, замедлял ход, когда, скользя на подъёме, кто-то из них падал, полицаи, наблюдающие эту картину, дружно ржали. А Василий матерился про себя и скрипя зубами, лишь глубже в снег загонял ноги, как ездовой в тремя лошади и сильнее наклонял туловище вперёд, налегая на вожжи. Когда сани совсем останавливались и даже грозились скатиться вниз, Вася командовал Маше, чтобы по команде на «раз-два», рывками сорвать их и продолжить подъём.

Когда подъём был преодолен, Вася, буквально упал вперёд, лицом в снег и пролежал так неподвижно с пол минуты. Потом повернул голову к Маше, которая присела на край саней и внимательно смотрела на своего брата, конечно же переживая за него и жалея думала: «Почему я — девчонка? Почему такая малая ещё и так мало силёнок у меня? Господи, помоги нам!..».

— Ну, ты как, Дюймовочка?!

— Я, хорошо! А ты, Василёк?!

Вася улыбнулся, ему было приятно, что сестренка назвало его так нежно и сомневаться в том, что она любит своего брата, сомневаться не приходилось.

— Главный подъём мы совершили. Дальше будет полегче. А ты. Молодчина! Как я пойду на фронт, ты будешь у меня «вторым номером», как Анка-пулемётчица, — Вася шутил, но шутка не была, как раньше он это делал, колко и обидно, шутка была доброй и приятной похвалой.

— У тебя, с тобой? Буду! — гордо почти во весь голос так, что пришлось оглянуться, не услышат ли полицаи,

для которых интерес к подросткам, преодолевшим трудное препятствие, пропал и они окружили разбитый невдалеке от сторожки костёр, о чём-то громко и с хохотом обсуждая.

Медленно опускался вечер и путникам, помимо с решением главного вопроса об обмене вещей на продовольствие, нужно было и решить вопрос с ночлегом. Обойдя в х. Степанов несколько дворов и не определившись с ночлегом, Вася с сестрой решили попытаться в посёлке и зайдя на центральную улицу, свернули с неё на ту, что ближе к реке.

Этот посёлок был немецко-лютеранским поселением, как и с. Ротовка, в котором Вася с Машей уже побывали ранее. Поселение с названием Ней-Гоффнунг, организованное в 1878 году, состояло из переселенцев колонии Рибенсдорф. Если до войны в посёлке проживало около 400 человек колонистов, то теперь картина была подобной той, что наши менялы наблюдали уже в предыдущем селе.

Так получилось, что хозяйка во второй от крайней хаты согласилась приютить их на ночлег, не видя в принципе-то, в добродушных детях, не от хорошей жизни ушедших из дому в зиму, угрозы для себя, её не было никакой, но лишь предупредила, что с продуктами у них туго, помочь не сможет, чтоб не рассчитывали на то.

Хата была не большая и не маленькая, сложенная из самана по «типовому проекту», распространённому в довоенные годы в этих краях. В хате, кроме гостеприимной хозяйки, проживали старики, свёкор и свекруха, как потом выяснилось и дочь хозяйки лет восьми.

Хозяйка представилась, как тётя Сима. Определила, что спать Маша может с её дочерью Катей на одной койке. Старики «по штатному расписанию» направлялись на печь, где в холодные зимние ночи греть бока — это величайшее счастье.

— Ну, а ты, как зовут-то тебя? Вася? Вот, Вася, выби-рай или на лавке в прихожей, если не свалишься в ночи, или, если беспокойный, то сразу я тебе чего-нибудь на полу постелю.

— Хорошо, тётя Сима, я на лавке умещусь, — ответил с благодарностью Вася, — спасибо за заботу!

Но когда пришло время, как свёкор Серафимы, дед Савелий его назвал — «время червячка заморить», невестка посмотрела на прижавшихся на лавке друг к другу «пришельцев» и скомандовала:

— Снимайте одёжку! У нас, слава Богу, лес «под носом», не то, что у вас, в Кургане, натоплено. Снимайте и к столу.

Вася и Маша в один голос стали отнекиваться, но хозяйка не обращала на то никакого внимания. Взяла сначала Машу за рукав кофты и усадила на скамью рядом с Катей, дочкой хозяйки, рыжеволосой и курносой девочкой, а Васе просто указала место напротив.

Подойдя к печи, Серафима убрала заслонку, взяла ухват из-за запечка и, нагнувшись «ушла» головой в окно шестка, а затем медленно отступив, вынула из пода топки, со слабо тлеющих углей дров парующий казан со снедью. По запаху, быстро распространившемся по хате, можно было понять, что это не борщ, но что-то тушёное, с характерным запахом капусты, который забивал другие запахи.

Освободив казан от ухвата, хозяйка взяла рушник, сложила его вдвое и взяв теперь казан руками через полотенце, водрузила его на середину стола. Расставила всем едокам миски, взяла деревянный черпак, открыла крышку казана и сама, оказавшись окутанной паром, начала раскладывать в миски картошку и капустные листья. Затем разломил на небольшие куски пресную пышку, положила каждому рядом с мисками.

Старики, прежде чем приступить к трапезе прочли молитву и перекрестились по обычаю. Катя сидела молча

и внимательно изучала гостей. Ели молча, фыркая на горячую картошку.

Под конец ужина, хозяйка спросила:

— Если не секрет, каким товаром вы богаты? Дело в том, чтобы вы зря время не тратили и не выслушивали от некоторых граждан нелицеприятные высказывания (у нас такие имеются чистюли), я подскажу к кому можно и даже нужно зайти.

Вася охотно поделился тем богатством, которое собрано у них в узлах. Потом подумав, добавил, что есть ещё немного денег и сережки мамины.

— А, что сейчас деньги? Они ничего не стоят. Пуд муки стоит 1000 рублей! У кого могут быть такие денжищи?! Тем более, когда полтора года война идёт и ни где-нибудь, а у нас... Месяц нужно ежедневно на немцев горбатиться, чтобы заработать на ведро картошки. Благо, что мы сумели правдами и неправдами посадить и убрать картошку, и огороды к Миусу выходят. Так я ночами ведрами поливала... Да вы ешьте, я не в упрёк. Знаю, что у вас там труднее, чем у нас. Тем более и вокзал, и нефтебазу, и элеватор бомбили не раз, да и домов сколь пострадало. Потому знаю, что у меня сестра в Кургане живёт, домик разбило. Я её к себе звала — отказалась, говорит, буду восстанавливать. Муж придёт с фронта, а я дом не сохранила, да и самой на месте нет. Вот как...

Подумав, вспоминая видимо и подняв голову хозяйка продолжила:

— Запоминайте! Людей сделала жадными война. Они же не были такими, простые колхозники в основном, готовые с любым поделиться горбухой хлеба, но материнский инстинкт сохранения, даже не себя, а детей — он руководит действиями. Даже, когда вам отказывают и даже гонят от калитки, вы не спешите, сделайте паузу, не настаивайте на своем, найдите нужное слово, чтобы

разжалобить материнское сердце или отцовское, но лучше всё же вести разговор и торг с хозяйкой. Моё же сердце вы могли растревожить, хоть и, грешным делом, хотела вас отправить дальше искать пристанище. А, если бы не нашли и замерзли?! До конца бы жизни меня этот грех терзал и в петлю тянул. Любая хозяйка — она, как экономка лучше всех знает всё и про всё в доме. Ну и запомните, я буду называть хаты, в которые вообще не стоит заходить и злить хозяев, которым впрямую переходить на службу в Вермахт фашистский или того лучше, в гестапо. И запомните хорошо те, где вам, как я думаю должны помощь, а главное, что у них есть то, ради чего мы странствуете. Второе дело, нуждаются ли они в том, что у вас есть им предложить, это факт.

Катя потянула новую знакомую Машу в свой угол. Она так была рада новой знакомой и ей не терпелось с ней наговориться. Вася остался сидеть с хозяйкой за столом, когда она прибралась со стола, после ужина.

— Утро вечера мудренее! — в заключение сказала Серафима, — если потребность будет «до ветру», то в ту дверь, там хлев и я свет в лампе оставлю, только фитиль притушу чуток, сходите на край короба рештака. Знаешь, что такое рештак? Туалет для коровы.

Вася засмутился, но ответил:

— Хорошо! Я знаю, не в городе же жил. Спасибо вам за всё. Мы вас что должны за угощение и ночлег?

Серафима перестала улыбаться, долго смотрела в глаза Васи, а потом, видимо растрогавшись до того, что слеза накатилась, опустила голову вниз и тихо ответила:

— Вы, главное, дети, живы оставайтесь, не расстройте мать обратным... — поднялась и пошла в свою комнату, где в святом углу горела лампадка под иконами.

Через входную дверь в прихожую падала тень от молящейся женщины, образованная светом масляной лампы. Вася лежал в полутьме, а в его голове одна мысль

сменяла другую, что пулемётная лента в известном ему ещё по фильмах о революции и, главное, по фильму «Чапаев», вспомнив который, Вася и предлагал сестрёнке стать для него «вторым номером», как Анка-пулемётчица.

Дед Савелий храпел, бабуля, видимо толкала его в бок и тот менял «мелодию» и шумно переворачивался на лежанке печи. Катя с Машей тихо шушукались в своём углу. Но самое таинственное происходило в красном углу хаты, где хозяйка, помолившись, предалась обряду переодевания.

Видеть, как переодевается мать, хоть незначай и приходилось, но Вася всегда быстро и со стеснением отворачивался и это было результатом воспитания и понимания того, что можно и что табу в любых случаях. Возможно, и были исключения, если человек болен и ему необходима помощь, но ему с этим, к счастью, сталкиваться не приходилось. Часто, дома, залетая в комнату он мог застать старшую или меньшую сестру за таким обрядом, но молниеносно получал тем, что попадало в руки сестёр и от того, пригибаясь, и закрывая голову, быстро удалялся, даже не поняв, «а, что это было».

Здесь было совсем другое. Он не видел совсем весь силуэт молодой женщины, но даже по, не совсем естественной, удлинённой тени силуэта её красивой фигуры без одежд, а красоту не портила даже тень, Вася мог судить о том, какая же она, должно быть, привлекательна для мужчин и красива, как лицом, так и телом и душой, что она уже это доказала.

Вася по-настоящему ещё ни разу не влюблялся, хотя у него были девочки, симпатизирующие ему и в школе, и помимо, но не более того. Большинство его ровесниц были чаще всего даже выше его, и он рядом с ними выглядел нелепо. Больше всего по параметрам подходили

ему девочки возраста сестренки Маши и её подружки, но до войны им было не более 13-ти, в лучшем случае, четырнадцати лет. В них ещё присутствовала угловатость форм и детские интересы.

Другое дело, когда он увидел «кино», игру светотеней, что было в разы интересней и загадочнее, чем увидеть, скажем, как переодеваются девушки где-то на берегу Миуса, под защитой насаждений кустарника, но из ветвей-то развесистой вербы это «бесплатное кино» было менее интересным. В крайнем случае, сейчас Вася находился под сильным впечатлением. Юноша вырослел и на смену детским играм, приходило всё возрастающее влечение к противоположному полу и это было так естественно, как приём пищи или сон.

XVII

Утром отблагодарив гостеприимную хозяйку и попрощавшись с домочадцами, Вася с сестрой двинулись по составленному ими уже утром, на основе рекомендаций — к кому заходить, а к кому не стоит — по нижней улице до конца, чтобы, возвращаясь по верхней выйти снова через хутор Степанов в аккурат на Алексеевку.

Видимо Серафима очень хорошо знала селян, потому что её предсказания по поводу того, кто может и чем поделиться и в обмен на что. «Какая прозорливая женщина...» — думал после этого Вася.

Войдя в с. Алексеевка, встретили женщину и со слов словоохотливой местной жительницы, которая поделилась с ходоками краткой историей села и сколько дворов было до войны, получили много важной информации. До войны, со слов тёти Нюры, как она представилась, в село, которое входило в колхоз «Победа 1» насчитыва-

лось около 300 дворов и проживало более двух тысяч населения. Сейчас, конечно, и некоторые дома пострадали и население заметно поубавилось, только на фронт ушло без малого пол тысячи человек. По словам той же тётки Нюры, колхоз был славный, богатый, а трудовые успехи даже на ВДНХ были отмечены.

У Васи даже начало складываться впечатление, что в селе с ней уже никто не хочет разговаривать из-за прилипчивости и она решила ликвидировать этот недостаток, «загрузив ходоков» исчерпывающей информацией. И поговорка «Соловья баснями не кормят» ей совершенно незнакома. Но всё же подсказала, к кому в первую очередь можно было зайти, назвав фамилии Мазуровы и Куличенко и примерные ориентиры их домовладений.

— Спасибо, тётка Нюра! — с облегчением поблагодарил женщину Вася и тронулся в путь по улице, ведущей сверху под уклон вниз к реке.

— Вы, если вам не станут отворять, скажите, что вы дальние знакомые Анны Кузьминичны, меня так тут все знают, из Кургана пришли. Вот, как-то так..., — уже вдогонку поясняла тётка Нюра.

Село было большое и на обход его пришлось потратить большую часть дня. Немного вещей получилось обменять.

По счастливому стечению обстоятельств судьба свела меня с местным сапожником, который, когда узнал, что у них есть на обмен заготовки для обуви и материал, сам подрядился помочь в поиске тех, у кого можно было обменять на муку, сало или зерно, крупы имеющийся товар. А сам при этом обещал людям, авансом отпустить нуждающимся, записав на его счёт из того расчёта, что он выполнит их заказы, при наличии у него нужного материала. Вот такая взаимовыручка получилась, хоть и сложная, но эффективная. Иначе говоря, дед Федот оказался «посредником» сделки.

Но люди, живущие давно рядом друг с другом, хорошо знали какими аргументами можно было манипулировать, чем и когда «козырнуть» и зная, что своих обманывать никто не станет, жить-то и краснеть придётся в одном селе, как минимум или вообще по соседству. Сделки состоялись: ходоки получили продовольственные «пайки», а взамен, после исполнения заказа мастерового деда Федота, получают добротную обновку, а он «остаток» по договорённости. Сложно, но сработало.

До следующего пункта следования было около трёх километров, но день клонился к закономерному концу и засветло дойти до Александровки ходоки не успели бы, да ещё, неотступно следовавший за ними неугомонный дед Федот, предложил молодёжи переночевать у него в хате, где он проживал вдвоём с бабкой. Бабушку звали Марией и узнав, что чернявую девочку, как она посчитала, что похожую на неё в детстве, тоже зовут Марией, сильно разволновалась и стала уделять детям внимание и заботу.

— Деда, правда, что Маша на меня в детстве похожа, а, скажи? — дёргая за рукав рубахи, не унималась бабушка.

— Отстань! Думаешь, что я помню? Ты тогда ещё сопливая была, а я на девок постарше засматривался. Может и была, не помню, — словно отрубил, чтобы не приставала бабка.

А тем временем сам пристал в Васе с расспросами о том, как в Матвеевом Кургане немцы себя ведут, не зверствовали? Как в 42-м на Волковой горе тысячи морячков полегло и успели ли их похоронить, и где? Как ведут себя полицаи? Звереют-ли казаки?

Расспрос о казаках имел за собой давнюю предысторию. Дед Федот в Гражданскую в кавалерии у Буденного служил и с казаками у него была не одна стычка.

— Они мне память на всю жизнь оставили, вот видишь, — дед Федот засучил на себе левый рукав рубашки

и показал длинный шрам от кисти до середины лучевой кости и пальцы этой руки у него разбегались веером, — они меня сделали калеккой, я о казаках говорю.

Старик явно волновался, свернул дрожащими руками самокрутку, закурил и продолжил рассказ:

— Это было в начале мая 1918 года, мы пытались противостоять, усмирить взбунтовавшихся казаков, но баланс сил и воинская удача была на стороне Добровольческой армии, они её так называли. Я дрался храбро и пару человек, если и не зарубил, то свалил с коней. А этот налетел коршуном, что я в последний момент его заметил, когда он шашку уже занёс. Я машинально прикрыл голову не шашкой, а той рукой, как щитом, что с его стороны была, левой, вот этой... Он и рубанул меня, да так, что я с коня и рухнул. Видимо в азарте он подумал, что зарубил меня — не стал добивать или отвлекся на кого-то. Вот так, рядом с трупами и застреленными лошадьми и пролежал я до темна. Благо, что нашёлся и вовремя, быстро «удавку» выше локтя сделал, остановил кровь, иначе бы мне каюк, — старик притих, демонстрируя Васе, что пальцы его левой руки не совсем слушают его.

Потом бывший красноармеец рассказал, как ему удалось спастись. Рассказал, что есть на земле добрые люди, которые пришли ему, истекающему кровью, на помощь. И что на этом его не долгий, но славный боевой путь закончился. А в заключении, спросил Васю:

— А ты в Бога веруешь? Хотя, ты же комсомолец, атеист!

Вася нерешительно пожал плечами и тем высказал истинное его духовное состояние в ту пору, когда он уже не был упёртым атеистом, но и ещё не стал верующим. Он стоял на распутье между верой и тем, что внушалось в школе — отрицанием Бога, а верой в светлое будущего человечества.

— А как же вы сапожничаете? — заинтересовался Василий.

— Так я же правша, левая рука у меня лишь подсобная — гвоздь держать, придержать сапог на лапке, протягивать материал при шитье. В основном и главную работу я правой делаю. Я вообще видел сапожника без одной руки и управлялся, но сложно это, конечно.

— Машуня-красотуня, а как же нам быть-то по поводу картошечки, сварганишь или как? — обратился дедушка к своей жене, но её молодая тёзка, вздрогнула от неожиданности.

Дед Федот, заметив смущение девочки добавил:

— Да, была моя старушка в молодости красоткой, вот такой, как и ты. Помню я её, с детства помню. И дрался за неё, всё было, а всё равно же моею стала. Во, как!

Маша смущённо заулыбалась:

— Да, бабушка Маша, она и сейчас красавица, хоть куда. Ну, чуть годы коснулись лица, конечно, но всё равно — красивая женщина. Вам, дедушка, сильно повезло, наверное?! — стесняясь, ответила Маша деду Федоту.

— Наверное! — коротко ответил дед

Вася оставил деду Федоту всё, что причиталось по договору. Тот, не отлаживая на потом отнёс то, что для него было на вес золота, где-то спрятал и пришёл без ничего.

На взгляд Васи, который он счёл, как молчаливый вопрос, ответил:

— «Дальше положишь — ближе возьмешь».

***

Начался третий день с довольно быстрого перехода в с. Александровка. И первым делом Вася решил зайти в церковь, его почему-то сильно потянуло именно туда. Повлиял ли на этот рассказ деда Федота или сильное

впечатление оставили слова раненного бойца Макара, но потянуло и объяснения у него не было.

14 февраля, воскресенье и в церкви шла служба. Вася с Машей топтались напротив входа в церковь, как вскоре из нее вышел хромой старик, держа шапку в руках. Выйдя из церкви, повернулся и высоко подняв голову в сторону креста на куполе, быстро перекрестился с поклоном, развернулся, одел шапку и заметил странников, пожурил:

— Припоздали, родимые. Служба заканчивается. Или вы по другому делу? Не венчаться ли вы пришли? А благословенье родители дали? — толи в шутку, толи всерьёз интересовался у поставленных в ступор подростков, а потом подойдя ближе, посмотрел внимательнее на Машу, задал вопрос — ты же цыганка?

Маша, переглянувшись с Васей, улыбнувшись и стесняясь, тихо ответила:

— Нет, не цыганка я. Да и мы брат с сестрой, русские мы, русские! — уже сердито в конце ответа повышая голос.

— Покорно прошу прощения! Уж сильно ты на цыганочку схожа. Прошу прощения, старика!

— Ты на санях посиди, отдохни, а я зайду к батюшке ненадолго. Хорошо? — когда старик отошёл, Вася обратился к сестре.

— Хорошо, Вася! Я обожду, ты же не долго?!

Вася молча кивнул в знак согласия головой, подошёл ближе к церкви, снял шапку, хотел повторить то, что делал старик, но попытка перекреститься была неудачной, он сбился в правильности наложения знамения и чуть заметно, в сердцах сделав рукой отмашку, шагнул в церковь, из которой начинали выходить люди. В основном, это были пожилые и старые женщины, молодые женщины с детьми и несколько стариков.

Пропустив выходящих, Вася, ещё потоптался в нерешительности на паперти, а потом решительно двинулся

через крыльцо в притвор. В сравнительной полутьме, он увидел небольшое количество старушек, которые стояли в центре у иконы на наклонном столике-тумбе, крестились по очереди и целовали лежавшую сверху икону. Другие устанавливали свечи «за здравие» и «за упокоение усопших» на канун. Многие женщины были в чёрных платках и повод траура их во многом был понятен. Вдовы и матери погибших защитников Отечества приходили помолиться за упокой души убиенных в войне мужей и сыновей.

Батюшке стоял чуть поодаль от центральной иконы, рядом с амвоном, стоял молча и наблюдал за прихожанами. Женщины подходили к нему, целовали крест и руку батюшки, а кто-то только крест.

Вася за всем этим наблюдал молча, было интересно и волнительно, а также было чувство неуверенности и боязни не сделать чего-то предосудительного, чтобы поступок не был расценён, как богохульство. Потому, пока не поймёт, хоть йоту того, что нужно знать, он не решался сдвинуться с места. Но и неподвижность вызвала повышенный интерес.

В воздухе витал запах ладана и плавящегося воска от множества зажжённых свеч. Некоторые свечи легко потрескивали. Возможно, это слышал только он, от сильного напряжения и зренья и слуха и какого-то, пока неизвестного чувства восприятия.

Когда прихожане разошлись, святой отец степенно подошёл к Василию и обратился первым:

— Раб Божий, что тебя привело в храм Божий, нужда, дело, желание вероисповедания или в поиске помощи Божией?

— Простите, батюшка, меня, грешника! Я многого не знаю и не понимаю.

— Бог милостив, Бог простит! Говори, раб Божий. Ни в одном из моих прихожан я не видел таких черт лица,

которые бы говорили, что среди них есть твои родные. Ты откуда, странник?

— Вы правы. Я из Матвеева Кургана. Нас с сестрой война заставила странствовать.

— Понимаю. Война многих сделала странниками и многим указала верный путь к спасению — в Вере. Многие пришли к Вере и, веруя спасают, и свою заблудшую душу, и свое тленное тело. Ты крещённый?

— Да, батюшка!

— Это хорошо. Чем я могу помочь, кроме того, что ты с сестрой примите от Господа, из моих рук помощь Божью?

— Спасибо! Вы могли бы нас благословить, чтобы Бог помогал нам в наших странствиях?

— Конечно, я могу и сделаю это. А ты сам-то креститься умеешь? — посмотрев на растерянное лицо парня, продолжил, — смотри на меня и повторяй за мной.

Святой отец перекрестился трижды, а затем пронаблюдал за тем, как это делает его ученик, раб Божий Василий.

— Молитвы ни одной не знаешь? Тогда можешь молиться, как умеешь, как сердце велит, обращаясь к Богу с просьбами и благодаря Его за всё, что Он даёт, и день, и пищу, и помощь, и защиту. Он имеет много имён: Он — Бог, Отец Небесный, Господь, Всевышний, Спаситель, Творец. Никогда не лукавь, не проси богатств, проси по нужде для больных и страждущих, проси себе сил для благих дел, проси помощи, когда обессилен, и Господь всегда поддержит тебя, спасёт и укажет верный путь. Не обязательно молиться вслух, можешь подойти к иконе и про себя общаться с Богом в молитве. Это Божий храм и Бог точно тебя услышит и поможет.

Батюшка положил левую руку на плечо Васи, отчего Вася вздрогнул и поднял глаза на высокого, почтенных

лет седого священника, внимательно и уже смело посмотрел ему в глаза.

— Вот, другое дело. Как тебя зовут?

— Василий!

— Я, Отец Иларион или можно, как ты зовёшь, батюшка. Ты, раб Божий, знаешь, что означает твоё имя? Царственный! Два дня назад церковь отмечала праздник, Собор Трёх святителей: Григория Богослова, Василия Великого, Иоана Златоуста. Даже в Москве одной из самых знаменитых храмов является храм Василия Блаженного. Знал? Конечно, не знал. А завтра большой праздник, помолись обязательно, где-бы ни был. Стретение Господне — это встреча с Господом. Молись, раб Божий, молись и пусть Господь навсегда поселится в твоей душе, в душе появится Вера. Без Веры ну никак нельзя.

— Спасибо, Отец святой! — Вася развернулся и хотел уходить.

— Вот видишь, ты разумный и толковый ученик. погоди. Бог велел делиться с нуждающимися. Сегодня это к вам с сестрой больше всех подходит. Пойдём со мной.

Святой отец наделил Васе продуктов из пожертвованных прихожан, перекрестил вслед со словами:

— Ступай, раб Божий Василий, с Богом! Храни тебя и твоих родных Господь! Спаси и сохрани!

Маша начала нервничать, из-за того, что Вася долго не выходил из церкви. Она поднялась с узлов на санях и начала, словно часовой обходить средство транспортировки груза, уплотняя и так изрядно утопанный в этом месте прихожанами снег. Выходящие из церкви люди внимательно осматривали девочку, принимая её за цыганку. Попрошаек у церквей в этих местах, в отличие от городских соборов очень редко можно было встретить. И всё же, одна сердобольная старушка подойдя к Маше, достала из кармана старенького пальто платочек, развязала его и, достав несколько монет из довольно скудного

их наличия, не считая, протянула, как она поняла, нуждающейся в них большее, чем она сама.

Маша отрицательно покачала головой и даже попятилась от улыбающейся старушки, пока не упёрлась в сани.

— Возьми, детка, от души. Храни тебя Господь!

Передав деньги, старушка перекрестила девочку, затянула плотнее за углы дешёвый шерстяной платок на голове и переставляя посох, изготовленный из ветки фруктового дерева, медленно двинулась к открытым кованым воротам церковного подворья.

Вышел Вася и на лице Маши засияла детская счастливая улыбка. Он нёс в левой руке шапку и узелок. Выйдя из церкви, повернулся лицом к Храму Господнему, трижды с поклоном перекрестился, одел шапку и также сияющий бодро зашагал к ожидающей и пристывшей на морозе сестре.

***

Церковь располагалась на северо-восточной окраине села Александровка. Западная окраина ограничивалась витиевато руслом самого большого притока Миуса, реки Крынка, берущей свое начало также на взгорьях Донецкого края и впадающей в Миус в трёх-четырёх километрах южнее, среди дубового массива Алексеевского леса.

Уже имея определённый опыт, осматривая подворья селян, ухоженность строения, наличие подсобных помещений, сараев и хлева и по другим признакам, определяли, стоит тратить время на общение с хозяевами, если они отзовутся или нет. А потому, немалое по подворьям село они обошли сравнительно быстро. И пока ещё солнышко не стало касаться высоких, с крутыми склонами, поросшими в основном кустарником и низкорослыми деревьями, гор края, закатом напоминая о времени, странники уже оставили это очередное село намеченного

маршрута за плечами и двигались на север вдоль русла реки Крынка.

В трёх-четырёх километрах в долине Крынки располагался хутор Авило-Федоровка, в непосредственной близости от границы с Украиной. Для того, чтобы попасть в хутор, нужно было пересечь дорогу, идущую из Таганрога в Успенку и дальше на Украину, через Кутейниково в г. Сталино.

На северо-востоке слышалась канонада артиллерийских обстрелов. Если бы время было летнее, то их можно было бы принять за раскаты приближающейся грозы. Но это была наступательная операция советской армии, последовавшей после освобождения 14 февраля соединениями Южного фронта Ростова и продолжение развития боевого успеха движением на запад всем фронтом.

Мобильные соединения фронта, получили задачу форсировать реку Миус и занять район Анастасиевки. Северная группировка Южного фронта «Дон» освободила Ворошиловоград силами воинских соединений 1-й гвардейской армии, 3-й гвардейской армии и 5-й танковой дивизии. Был осуществлён прорыв в районе сёл Степановка, расположенного на реке Ольховчик и с. Мариновка ниже по течению этой же реки, притока Миуса.

Конечно же, всего этого Василий с сестрой не знали, но за 20 месяцев войны уже во многом начинали разбираться и без сводок Совинформбюро, так как уже семь месяцев находились на оккупированной территории, и без радио и газет, лишь с редкими сведениями из листовок активистов, партизан и сбрасываемых с самолётов, и той невидимой связи, которой славится земля — быстрой передачи слухов и новостей «на ушко», тайно и осторожно.

И уже этим вечером можно было наблюдать зарево в непривычной для заката стороне, не на западе, а северо-восточном и северном направлениях.

Мысли разного толка приходили в голову. Одно не могло не радовать — то, что началось долгожданное наступление Красной армии и возможно скорое освобождение от оккупантов. Вторая мысль грустная — это то, что маршрут ходоков теоретически, а может быть и практически мог пересечься с направлением одного из основных наступательных ударов указанных выше воинских соединений.

На вопросы Маши, Вася её успокаивал, говоря, что это очень далеко, а слышно канонаду и видно зарево вспышек потому, что стоит ясная, тихая и морозная погода, хорошо передающее всё это на большие расстояния.

***

Почему-то именно сейчас Васе пришли в голову те знания, которые он получил не на уроках истории в соответствие со школьной программой, а благодаря своей любознательности, перечитав много библиотечных книг, так или иначе, в которых описывались события истории родного края, Примиусья. Он прекрасно знал, что некогда земли Примиусья, были заселены казаками войска Донского по Указу самого Петра Первого. А затем и Екатерина II, для развития этого края и усиления южных границ России, начиная от Таганрога, заложенного, как крепость на Азовском море самим Петром Великим, все земли бассейна Миуса, с притоком Крынкой и Кальмиуса, продолжила заселение земель.

Так как на территории нынешнего Донбасса, даже судя по картам того времени располагались земли, заселённые и принадлежавшие донским казакам в Примиусье, после взятия русскими войсками турецкой крепости Азов в 1696 году. Земли были переданы в пользование согласно Указу Петра I казакам Войска Донского. В нём го-

ворилось: «...Коли теперь России сии земли отошли, то селиться на них всем русским, кои пожелают в Примиусье жить...». Всего пятнадцать лет этим землям было суждено принадлежать России, а уже в 1711 году после неудачного Прутского похода Петр I, Примиусье было возвращены вместе с Азовом туркам.

Когда же в 1736 г. русская армия вновь заняла Азов, то по Белградскому мирному договору 1739 г., город Азов был присоединен к России. А, что касается Примиусье отошедшее к России, то оно стало спорной территорией между запорожскими и донскими казаками. Дело иногда заканчивалось не «ссорой соседей», а воинствующие казаки брались за оружие. И потому, императрица Елизавета Петровна, своим Указом от 7 октября 1742 года запретила донским и запорожским казакам конфликтовать, до размежевания земель.

После процедуры размежевания, Сенат, Указом от 30 апреля 1746 г. постановил: «...отвести запорожцам земли, расположенные между реками Днепром и Кальмиусом, а далее до берегов Дона, — донцам...». И после этого, официальным кордоном между запорожскими и донскими казаками стала река Кальмиус.

Ещё позже административная единица Области Войска Донского стал Миусский округ, учреждённый в 1835 году. В него входили, отошедшие постановлениями советского правительства, такие населённые пункты, как Макеевка, Дмитриевка, Луганская, Грабово, Троицко-Харцызск и другие. В 1988 году Миусский округ был объединён с Таганрогским и получил наименование Таганрогского.

И уже после этого указа донские старшины и атаманы начали создавать имения на пустующих войсковых землях, от территорий, издавна принадлежащих донским казакам, от рек Дон и Северский Донец до реки Кальмиус и называть своими именами. Большую часть

Миусского, а позже Таганрогского округа Войска Донского заселил род донских казаков Иловайских. Самым первым из них был старшина Войска Донского Иван Мокеевич Иловайский, в 1685 году поступивший на казачью службу.

В истории Примиусья июль 1762 года стал отправной точкой его развития. Дворцовый переворот, приведший с помощью донских казаков, на трон Екатерину II, дал множество привилегий казачеству, расцвета и развития для этой земли, в благодарность за верность Отечеству.

Увековечили свои имена в названиях населённых пункстов, сёл, посёлков и городов донские старшины и атаманы, Герои Великой Отечественной войны 1812 года: Матвей Платов, Андриан Денисов, чьи отцы поддержали российскую императрицу и Дмитрий Иванович Иловайский, второй сын первого старшины Войска Донского Ивана Мокеевича Иловайского. Дмитрий Иванович, как и его братья, Алексей и Василий, также атаманы войска Донского оставили заметный след в истории. А Дмитрий Иванович, к тому же, стал отцом четырёх генералов от кавалерии. Славные сыны донского казачества, честь и гордость Отечества...

— Василёк, ты о чём задумался? — тормоша брата за плечо, спрашивала, испуганная какой-то отрешённостью брата.

***

Первый раз странникам с ночлегом не очень повезло. Уже стемнело и они были вынуждены не увлекаться в выборе крова для ночёвки, потому что в такое время люди могли их уже и вовсе не пустить. Потому, уставшие, замерзшие и с желанием чем-либо подкрепиться, без споров и претензий на лучшие условия, согласились на предложенный хозяином хлев с коровой и запасом се-

на, вместо постели, но с условием, что никакого огня, свеч, фонарей не зажигали, и тем, что хозяин их на ночь запрёт, для верности, а рано утром откроет и отправит «с Богом».

После трёх дней ходьбы в не самых комфортных природных и климатических условиях, юные ходоки были рады и этому, где сравнительно комфортная температура, не дует за воротник и можно согреться под слоем сена, укрывшись тряпьем и прижавшись друг к другу, согреваясь дыханием. Но прежде, практически на ощупь, Вася достал кое-какие съедобные припасы, готовые к употреблению и невольно вспомнив батюшку из Александровки и про себя, перекрестился и поблагодарил Господа за то, что Он послал им на их пути Его представителя, наставника, учителя и просто доброго человека. И только после всего этого обряда понял, что он, как и рекомендовал батюшка, молился и улыбнулся этому.

Перекусив, без особого удовольствия, как это было в предыдущих случаях и не имея возможности согреться кипятком, Вася с Машей улеглись в копну сена, используя узлы в качестве подушек. Вася сначала изрядно укрыл сестру сеном, потом себе приготовил лёжку рядом, прикрылся, насколько мог и сам «степным одеялом», напоминающим ему летние сеновалы, и, прижавшись к Маше, только и сказал:

— Спим! Утро вечера мудренее. И подъём завтра нам предстоит серьёзный. Нужно силы восстановить. Спим!

Утром «квартиранты» проснулись рано, даже раньше, чем хозяин попросил их: «пожалуйста, пошли вон!», хотя это было бы слишком, хотя... Маша проснулась первой и начала дергать Васю за рукав. Тот спросонья резко вскочил и головой ударил Маше в подбородок — щелкнули зубы.

— Ты, что? Я же так мог тебе не только зубы «пересчитать», а если бы между ними был язык? Или был?!

— Да, нет! Слышишь, как бухают?!

— Ты, что не слышала никогда такого. Удивила, ох и удивила. А я её вторым номером...

— Вася, не смейся. Страшно.

— Нам нужно побыстрее до Успенки добраться. Оттуда будет маленькая возможность, к поезду прицепиться и до Кургана, «с ветерком». Если по-хорошему, то часа за три можно дойти. Вот только бы на гору подняться. Тут придётся попотеть. Хотя!

— Что, Вася? Что?

— По ходу расскажу. Давай, будем собираться и тронем...

Выйти из хлева не удалось. Хозяин действительно их прикрыл, для «страховки».

Вася подёргал двери и услышал мужской голос:

— Чего гремишь? Не ломай, сейчас открою, — ответил хозяин подворья.

Загремел засов и со скрипом открылась входная дверь. На дворе было ещё темно, только появлялись признаки рассвета.

Мужчина осмотрел детвору, заулыбался и спросил:

— Ничего не приховали в узлах?

— Нам бы своё добро до дома дотянуть, — обидчиво ответил Вася.

— Какое там у вас добро? Тряпки! Ладно. Могу вас только кипятком угостить. Прихолонули за ночь-то? А вы точно брат с сестрой или..., — он ехидно усмехнулся.

— Точно! — почти грубо ответил Вася, — ну, если не жалко, от кипятка не откажемся.

Хозяин, не приглашая ночных гостей в хату, вошёл в неё сам и вскорости вышел с парующим чайником и двумя кружками. Подав кружки, налил в них кипятка.

— В фляжку немного можно? — спросил Вася, — а-то в ней вода замёрзла.

— А, чего же не дать, дам и в фляжку. Я же не кацап какой и не казак — у них снега зимой не выпросить, я хол обрусевший. Держи, налью.

Фляжка от кипятка затрещала, в ней происходил процесс оттаивания льда и превращения в среднее из трёх её состояний — жидкое. Отогревая руки и всю свою плоть одновременно, Вася с сестрой попили кипятку, фыркая и дуя в кружки, чтоб не обжечься.

Когда ходоки отблагодарили хозяина и собирались уходить, он их остановил и спросил:

— Вы собрались у нас в хуторе попытать счастье что-либо обменять? Это гиблое дело. Даже не знаю, у кого тут хоть что-то осталось из провианта. Вы слышали канонаду?! Даже не уверен, что вы успеете домой возвратиться. А родни у вас нигде тут поблизости нет?

— Да, откуда. Нам бы в Успенку попасть, — ответил Вася.

— А потом?

— Ну, там же станция. Может посчастливит, чем-нибудь по «железке» добраться, — неуверенно, но с надеждой ответил Вася.

— Я бы вас у себя оставил, пока... пока всё разъяснится, но у меня, «хоть шаром покати», с голоду вас морить не буду. Попробуйте счастье, попробуйте.

Выйдя на главную дорогу, Вася задрал голову вверх в направлении на северо-запад да так, что шапка свалилась с головы:

— Видишь этот подъём на гору? — подняв и отряхивая шапку, спросил у Маши.

— Ого! — только и ответила сестра, взглянув на тяжкой и крутой подъём.

— Значит так. Слушай меня и запоминай. Будем подниматься «ступенями», перебежками.

— Как это, — не поняла Маша.

— Мы большой куль с вещами оставляем в начале подъема, на обочине. Остальное на санях затаскиваем метров на пятьдесят вперёд. Ты остаёшься сани с продуктами охранять, чтоб волки не съели, а я вернусь за узлом, его сам волоком дотяну.

— Ага! Я волков боюсь. Не оставляй меня одну, я с тобой.

— Нет тут волков, их война прогнала. Не бойся. Делай, как я скажу. Помнишь, что отец тебе говорил, когда на фронт уходил? Вот, слушай старшего брата.

Четыре-пять переходов потребовалось, пока уставшие и вспотевшие, как минимум Вася, вышли путники на более-менее пологий участок дороги. Отдышались и двинулись дальше, но не долго им пришлось пройти по дороге пологого плато Донецкого края. Не далее километра впереди их остановили на полицейском посту.

Полиции не хотели даже слушать объяснения и читать разрешительный документ.

— Kein Zug! Sperrzone! Zurück! Zurück! Sperrzone! — кричал, выскочивший на помощь полицейам вспомогательной службы, по всей видимости унтер-офицер, насколько Вася успел различить его по знаком различия или унтер-фельдфебель.

Но не это было важным, а то, что так, в принципе удачно начатая «экспедиция» с целью обмена товара на продукты подошла к концу.

— Что он говорит? — испугано, дёргая Васю за рукав, спросила сестра Маша.

— Ну, что он может сказать тебе, кроме того, чтобы слушалась старших — ничего.

— А разве сейчас время для шуток? — обиделась Маша, поняв, что брат постоянно упрекает её в непослушании и тем самым подчёркивая свое превосходство.

В другое время она бы надула щёки и просто поколотила бы брата своими маленькими кулачками, но не сейчас, сейчас — не время.

— Нельзя дальше, сестрёнка. Говорят: «Назад! Запретная зона!» — даже, если бы Вася плохо знал школьный курс немецкого языка, то видя подобные надписи на многочисленных щитах, объявлениях и табличках на вбитых в землю кольях, для жителей оккупированных районов были вместо словаря.

Полицай, подстёгиваемый криком его немецкого командира, взяв винтовку в обе руки, соорудив тем самым своеобразный шлагбаум, двинулся на подошедших вплотную к закрытому шлагбауму поста, конструкции поворотного консольного крана и начал буквально в грудь толкать, стоявшего впереди Васю.

— Уходим, уходим! Не слышали, что Негг офицер сказал?! Запретная зона! «Краснопузые» фронт прорвали, в Успенку нельзя. Или назад идите, если успеете, или вот влево дорога проселочная, там в 2—3 километрах хутор есть. Там, кажись ещё можно будет вам, пока..., — и в заключении ехидно добавил, — а ваш пропуск — уже «Филькина грамота». Прифронтная зона с сегодняшнего дня. Пошли вон! — при этом полицай перехватил винтовку на изготовку, чтобы можно было пустить в дело приклад.

— Nein, das musst du nicht! — размахивая обеими руками, закричал унтер-офицер, — Dumme Kinder, lass sie nach Hause gehen.

Понял его полицай или по интонации голоса и жестам понял, что не стоит детей трогать и потому, опустив винтовку, более спокойно сказал:

— Возвращайтесь домой или сворачивайте в сторону хутора. Не задерживайтесь. Шнель!

Вася кивком головы показал, что нужно идти, показав головой и своим разворотом саней влево, туда, куда

указал полицай, а сам подумал: «Ох и чистоплюй ты, шавка немецкая! Повязочку с буковкой „Р“ выстирал перед сменой и выгладил или жену заставил, „русский полицай“. Выслуживайся, глядишь, дослужишься до „креста“, но не до „Ордена железного креста“, а до берёзового, в лучшем случае, если посчитают нужным захоронить тебя в родной земле, которую ты продал, как и всю Родину „с потрохами“. Бедная твоя мать...».

Странники свернули на плохо-наезженную дорогу, но благо, что она протянулась по плато возвышенности, даже с небольшим уклоном на запад, что облегчало движение. За спиной слышался рёв двигателей. Это немцы перебрасывали в срочном порядке бронетехнику, чтобы дать достойный отпор наступающим соединениям Красной Армии.

***

Основной удар северной группировки Южного фронта был направлен севернее с. Авило-Успенки, железнодорожного узла, со станцией и инфраструктурой. В 1868 года на земле есаула Федора Авилова, была построена деревянная станция, обслуживающая железную дорогу. Имя станции было дано по названию близлежащего украинского села — Успенская, расположенного ниже в долине реки Крынки. А начальное названия Авило, происходит от фамилии помещика Авилова, на чьих землях тогда была построена станция.

Отсюда, с горы была видна вся низменность, от реки Крынки внизу, до реки Миус на небольшом расстоянии восточнее. И, если бы можно было воспользоваться биноклем, то можно было рассмотреть даже Матвеев Курган, а без этого на таком удалении это практически было невозможно, кроме самих контуров

поселения, как и лесного массива и других сёл, и хуторов.

Что произойдёт через два дня никто ещё не знал. Лишь нам позволено, воспользовавшись «машиной времени» переместиться в будущее, не далеко, всего чуть более двух суток. Опустив вольность изложения авторского изложения текста, обратимся к сухим сведениям о тех днях в сводках командиров и политработников:

«...К концу 17 февраля 4-й гвардейский механизированный корпус в районе Матвеева Кургана форсировал реку, и на плечах отступающих немцев ворвался в Анастасиевку. Надо отметить, что к этому моменту в корпусе было всего 14 танков, он был обессилен предшествующими боями. 2-й и 3-й гвардейские механизированные корпуса вышли к реке только 20 февраля, т. к. ожидали подвоза горючего. Стрелковые части также отстали, за 4-м гвардейским мехкорпусом успели переправиться только два полка 33-й гвардейской стрелковой дивизии...

Немецкое командование воспользовалось отрывом передовых советских частей от основных сил и в ночь на 20 февраля закрыло брешь в районе Матвеева Кургана, используя мощные укрепления линий многокилометровых укреплений Миус-фронта. 4-й гвардейский мехкорпус и два стрелковых полка попали в «котёл» в районе Анастасиевки. 2-й и 3-й гвардейские мехкорпуса и части 2-й гвардейской армии попытались деблокировать окружённых, но не смогли. В ночь на 22 февраля по приказу командования окруженцы пробились к своим. До конца месяца советские войска пытались пробить немецкую оборону, но успеха не добились. Линия фронта стабилизировалась на несколько месяцев...».

XVIII

Хутор Первомайский представлял собой маленькое поселение в три десятка домов, выстроенных в одну улицу с севера на юг. Скромные хаты, традиционно крытые камышом, кроме трёх или четырёх, где проживали более-менее зажиточные хуторяне, позволившие себе покрыть крыши черепицей, а границы усадеб с фасады были «очерчены» оградами из серого бутового камня местных каменных карьеров. Такое складирование камня, кроме использования, как ограды, имело ещё не менее важное значение. В случае, если приходилось, после женитьбы или ещё до того, как, строить отделяемому сыну жильё, то этот камень использовался в качестве фундамента. А с учётом того, что фундаменты под стены хат делали мелкие, то фасадной кладки бутового камня хватало не менее, чем для фундаментов двух вновь строящихся хат. Хаты-то все, построенные с 1927—1930 гг. уже имели размеры не 4х6, а 6х8 метров. Семьи-то в деревнях были большие, и даже просторные по тем временам «хоромы», были для домочадцев, что консервная банка для уложенной в неё кильки.

У крайних хат южной окраины села собралась немецкая бронетехника, около десятка танков и конные упряжи с противотанковыми орудиями, выпускаемые для армии Вермахта с 1930 г. и имеющая несколько модификаций. Эта пушка хорошо себя зарекомендовала в боях, как основное противотанковое средство. Она могла на расстоянии 100 м пробить броню толщиной 34 мм 37-мм бронебойным снарядом.

По всему было похоже, что немцы суетились и спешили куда-то на усиление линии фронта, где намечался прорыв войск Красной армии. И когда колона тронулась в сторону Самарского, где был переезд через железнодо-

рожное полотно, то можно было предположить два варианта развития событий. Первый, подкрепление двинется на Новониколаевку и далее в северном направлении, где происходил прорыв северной группы войск Южного фронта, чтобы усилить оборонительные порядки огнём артиллерии и танков. Второй вариант, за Самарским они могли взять курс на юг, где усилили бы и без того прочные долгосрочные укрепительные сооружения 3-х линий обороны, начиная от возвышенностей над с. Александровка и далее вдоль границы кряжа, и правого берега реки Миус, на которых уютно размещались небольшие, давно обжитые хутора Зевина, Круглик, Демидовский, Шапошников, Красный Бумажник, Дарагановский и далее, как горные исполины, стражи важной в стратегическом значении дороги Матвеев Курган — Латоново.

Вот эти крайние оборонительные укрепления немцев на линии Миус-фронта, скорее всего штурмоваться не будут, по опыту неудачного штурма в марте 1942 года, ставшем трагическим для многих морских пехотинцев и не давшим нужного результата. А вот, вдоль Широкой балки в районе х. Дарагановский и других, было наиболее предпочтительное направление прорыва Миус-фронта.

Так, сидя на санях, рядом с сестрёнкой, думал будущий «полководец» Василий, хоть и пока без воинских званий и титулов, но с огромным желанием того, чтобы на этот раз бойцам Красной армии повезло больше и они, наконец-то, погнали фашистов на запад, и желательно, не давая им передыху, до самого их фашистского логова. Конечно, внешне он скорее был схож с Наполеоном, своим малым ростом, а вот глубиной и шириной души русской, однозначно, с великими русскими полководцами, такими, как Суворов и Кутузов.

До мозга костей русские люди, будь им шестнадцать лет, как этому пареньку на санях или старику, которому,

если нет, то вот-вот исполнится 80 лет, медленно передвигающему ноги по скользкому, наезженному техникой, снежному покрытию, к колодцу, расположенному примерно в центре села. Дедуля набрал половину ведра воды и медленно двинулся в обратный, ещё более трудный путь.

Люди, если и появлялись на улице, то старались долго в поле зрения «хозяев» оккупированной территории не находиться. Женщины, при необходимости, опустив голову, быстро пересекали улицу поперёк, если нужно было к кому-либо из соседей напротив. При этом, переходя через снежные валы по краям дороги, высоко поднимали юбки с фартуками, поверх них, дабы ненароком не наступить на полы в глубоком снегу, что неминуемо приводило бы к падению и, в лучшем случае, гортанному ржанию, нет, не жеребцов — немецких солдат, внимательно наблюдавших за каждой, из редко появляющейся на улице женщиной.

Вася с Машей, тоже были «мишенью» пристального внимания, так как, обессилев и не знаю, впервые за время странствования, что дальше делать. Стройный план резко обломился. И, хотя в этом был и положительный момент, но нужно было решить, что же делать и лучшим ответом в этой ситуации было — ждать. Действительно, сейчас была неопределённость. В такие моменты можно было бы вспомнить напряжённость, изображённую А. П. Бубновым на картине «Утро на Куликово поле», но он её, в лучшем случае, только начал писать и закончит в 1946 г.

После того, как сформированная колонна танков, артиллерии и грузовиков с личным составом двинулись по второму, из двух описанных ранее, возникших в раздумьях молодого человека, маршрутам, хотелось бы вспомнить другую знаменитую картину Михаила Авилова «Поединок Пересвета с Челобеем на Куликово поле»,

но и этот художник, по всей видимости, ещё не закончил работу, хотя она и будет датироваться 1943 годом. Но ведь год только начался и ещё ничего не решено на поле боя, нет, ни на Куликовом, более, чем пятьсот лет тому назад, а вот здесь и сейчас, и ещё не весть знать когда, и как долго. Но это будет, обязательно будет, и в том уже никто не сомневался, только не знали точную дату этой победы здесь, на Миус-фронте, и какой ценой она достанется...

Уже, когда хутор был в поле зрения и это придавало дополнительные силы, в голове уже витало радостное «дошли!», как Вася услышал громкий и пугающий вскрик Маши. Резко обернувшись, увидел сестру, упавшую в снег и, со стоном и слезами держащаяся за правую ногу.

— Что стряслось? — нагнувшись и вглядываясь в глаза, покрытые слезами, спросил Вася, взяв сестру за руку, — упала?

— Нет, я ногу... не знаю, сломала и подвернула. Больно вот тут, — Маша показала на валенок то место, которое было выше пятки и означало проблемы с суставом или растяжение сухожилий, но это в лучшем случае.

— Ну, что же ты! Мы почти пришли, а ты... — Вася покрутил головой, а потом приказал, — хватит ныть. До свадьбы заживёт! Хватай меня за шею, я тебя, что барыню Морозову повезу.

— Ой, Вася, не нужно. Оставь...

— Что значит, оставь? Ты даже волкам не интересна, такая Малявка, только в зубах у них застрянешь занозой. Сопли подтереть и слушать старших! — строгим голосом сказал Вася и не дожидаясь ответа, взял сестру на руки и рассовывая узлы, взгромоздил на сани.

— Сейчас, я только багаж закреплю и помчим. Всё хорошо, Дюймовочка. Нам всё равно дальше не разрешат пока идти, а за это время у тебя и нога пройдёт.

— Ну как же это, а? — не могла поверить случившемуся Маша.

— Ты только меня сильно не понукай и не хлестай кнутом, я лучше медленно, но уверенно тебя доставлю по назначению. Командуй — «Но! Пошёл, вороной!» — и одновременно с азартом взялся за упряжь.

Сидя на санях, «припаркованных» к неприметной усадьбе с небольшой покосившейся хатой и наполовину разобранный на дрова оградой из плетня, Вася, отдышавшись, достал из-за пазухи фляжку с водой и предложил Маше.

— Будешь, сестра, жар снимать?

— Не, не хочу. Холодно.

— А мне жарко, — демонстративно сделав три глотка, Вася, тихо крикнул и продолжил размышлять.

Как только немецкая колонна ушла и гул моторов уже слышался в южном направлении, местная власть негласно перешла к новому «хозяину положения», полицаяу, который, провожая немцев, угодливо крутился рядом возле них и даже издали была заметна его сутулая фигура, гнувшаяся вниз не от старости, а желая услужить. Он распрямил спину, выпучил свою впалую грудь, поправил обмундирование и ремень винтовки на плече, а затем медленно и чинно начал маршировать от южной окраины к центру хутора.

Замечая выскочивших во двор, порой одетых налегке хуторянок, лишь с накинутым платком на плечи, чтобы убедиться, что немцы ушли из села, хоть на время, полицай не упускал возможности, чтобы затронуть всех и показать свой непоколебимый статус, что он теперь тут главная власть, ну не считая сельского старосты.

Он давно заметил пришельцев, так как жителей в селе не так уж много, чтобы не знать всех. Если сравнивать с матвеевокурганскими полицаями, то местный был загружен максимум на «2/3 ставки», судя по коли-

честву домов с подопечными. На вид полицаю было лет пятьдесят, возможно чуток более. Он был худощав, шустрый в движениях, с быстрыми, бегающими глазами и казалось, что и нюх у него был острым, как у легавой охотничьей собаки.

Из-за своей, по большому счёту, ничтожности и физической слабости, он нагонял на себя важности, даже грозности и требовательности, которые больше были показными, дабы начальство видело это и по достоинству оценивало.

— Ага, диверсанты! А, ну-ка, руки в гору! Шнель! — не снимая с лица улыбку, вместо «здравствуйте», обратился хуторской страж и представитель законной власти.

— Тю! Дядько, вы шо? Яки мы диверсанты?! У нас и документы есть, исправные документы, самим районным бургомистром подписанные, — пытаюсь не показывая испуга, а как-бы принимая «условия игры», которую предложил полицей.

— Я не шучу! И пальнуть могу, если чё! Ты, давай... это, как его... ну показывай свой документ, — не ожидая такого ответа от юноши и сам растерявшись, поправив повязку с буквой «Р» на рукаве и снял для верности винтовку с плеча, представитель «службы порядка», приставил её к ноге, чем вызвал смех, вместо строгости.

Вася достал документы и сдерживая себя, чтобы не рассмеяться, передал их полицаю.

Видимо, у мужика были ещё и проблемы со зрением, а может он и давно не мог читать, но после долго шмыгая носом, вращая бумаги и просматривая их на свет, он заключил:

— Бамаги уже недействительны. Эти бамаги только для нужника гожи. Они же писаны, когда? Когда фронт где был? За Ростовом. А ныне, фронт в 20—30 км отсель..., — опомнился, что много наговорил, сразу начал исправляться, — только я тебе ничего не говорил, лады?

— А вы мне ни чего и не говорили. Что вы хотели сказать? Га? Я не чув. Що ви говорили? А, нічого! — продолжая вести опасную словесную игру, Вася не выдержал, чтобы не улыбнуться.

— Смотрите у меня! — при этом он сжал грозно левую руку вместе с разрешительными документами, сминая бамагу, как называл её полицаи.

— Можно наши документы забрать? — протянув к грозному полицаю руку, спросил Вася.

— Держи! — повертев в руках, документы, отдал, но добавил, — зайдёте к старосте вон в ту, крытую черепицей, напротив колодца, хату. Вас нужно на учёт поставить. У Пантелеевича, Ильи Пантелеевича не забалуете! Он вас выведет на чистую воду.

— Эй, ты, Макарыч! Чего ты детей мурыжишь и морозишь, — набросилась сходу женщина, которая долго наблюдала из окна соседней хаты с той, напротив которой странники остановились.

— Ивановна, так это, для порядка документы проверяю, чтоб бамаги были с печатями, не фальшивые и действительные, — начал оправдываться перед подходящей на «разборки» командиром «женского батальона», а сам батальон был тоже в одном, её лице.

— Як ты кажишь? Фальшивые?!

Подойдя ближе, развела руками и с радостью или действительной, или с хорошо сыгранной для представителя власти, запричитала:

— Ой, Божечки, мой! Ой, Мать Господняя! Дети, как же вы вот, так и без письма! Ой, племяннички мои дорогие! — прижав в себе Васю, шепнула на ухо, — я ваша тётя Вера, понял? Сестра вашей мамы, я — тётя Вера!

— Тётя Вера, здравствуйте! Я вас не узнал сразу, — подыгрывал Вася, — Маша, ты не помнишь, это тётя Вера, мать говорила, если удастся свидеться — кланяйтесь сестре сердечным приветом.

Полицай, которого новоизъявленная родственница «окрестила» Макарычем, стоял с отвисшей челюстью и не знал, что тут происходит, толи и вправду долгожданная встреча, толи спектакль.

— А, ну-ка, дай! — тётя Вера попросила у Васи документы, — сейчас отогрею вас кипяточком, чуток отойдёте с дороги, и я вас сама отведу к старосте. Ты, Макарыч, будь спокоен. Ты же меня знаешь, будет всё исполнено в лучшем виде.

Подойдя к Маше, женщина нагнулась, поцеловала в лобик и спросила:

— Что с тобой, красота моя?

— Ногу она подвернула или растянула. Короче, не заметила под снегом канавку.

— Сейчас, разденетесь, посмотрим. Как сама не смогу, у нас есть бабушка костоправ, починит, будешь, как новенькая.

Вася с женщиной, назвавшейся Васе и Маше тётей, подхватив упряжь за вожжи, быстро затянули сани вместе с Машей во двор. Вася помог сестре подняться и допрыгать на одной ноге в хату. Затем занёс следом все вещи по указанию той же тёти Веры. Разделись и хозяйка усадила «новоиспечённых» племянников за стол.

На прищельцев из-за печи наблюдали две пары детских глаз. Как потом выяснилось, это были дети Веры Ивановны, которых она представила, как: «старшая дочь, Зина», которая была, примерно, на год старше Маши, «а это сын, его зовут Владимир», он был лет десяти.

— Выходите, банда, из-за печи, знакомиться будем. Вы, наверное, уже поняли, что я никакая вам не родная тётя, — обращаясь к Васе и Маше, сказала хозяйка, — вы же знаете, что дети без родителей становятся легкой добычей тех, кто собирает на оккупированных территориях молодых людей и отправляют в Германию. А освободят нас от этих извергов в этот раз или как в 42-м, посто-

ит-постоит фронт... одному Богу известно ещё сколько. Спаси и помилуй, Господи!

Зина явно стеснялась, а Вова, немного помешкал, затем скромно подошёл к гостям и молча пожал Васе, а затем Маше руки, стараясь высказать рукопожатием, какой он сильный.

Наступила тишина. Каждый из присутствующих помнил противостояние на Миус-фронте, обстрелы и бомбежки. Что будет на этот раз, разве можно было уверенно ответить. Этого никто не знал.

— Поживёте у меня. Как говорят: «В тесноте, но не в обиде» — обидеть я вас не дам. Я смотрела-смотрела на вас через окошко, сердце разрывалось. Как представляла, что вместо вас там могли быть и мои дети... Не дай, Бог! Сердце разрывалось, и я не сдержалась. Поживёте пока, а там видно будет. Фрицев прогонят, вы домой поедете... или напишете, за вами приедут, заберут. Отец, небось, на фронте? Был бы дома, детей не пустил странствовать.

— Да, на фронте батя, с июля 41-го, как ушёл, так и воюет... мы думаем, что жив. У матери сердце не ёкало.

— У меня тоже не ёкало, а оборвалось враз, как похоронку ещё в ноябре 41-го получила. Самое обидное, что в пятидесяти километрах от дома, а похоронить по-человечески не смогла. Вот, как доживём до конца войны, до победы, поеду, земельки родной отвезу ему на могилку...

Вера Ивановна, скомкав угол фартука, стала вытирать слезы, а потом резко поднялась и перешла за ширму между печью и стеной, откуда слышались слабые всхлипывания молодой, крепкой духом и одновременно такой слабой и ранимой женщины.

— Да, дети, Зина всегда в платочке ходит и только дома может позволить себе его снять. Вы уже взрослые, ты,

Вася, да и ты, Маша, потому я расскажу, но это наша семейная тайна, хорошо?

— Хорошо! — за обоих ответил Вася.

— Зина ростом в отца удалась, рослая, да и лицом смазливая и так..., ну, короче, уже девахой стала. А как немцы стали искать, к кому постояльцами пристать, я быстро сообразила, как несколько проблем решить. Ко всему ещё, она чернявая и впрямь на евреечку схожа была. Вот я, грешным делом, не только обрезала ей её смоляные косы, но и голову побрила. Все на хуторе думают, что у Зины лишай стригущий, он переходчивый и все десятой дорогой сторонятся. А главное, что Макарыч, местный полицей знает. Раз он знает, то знают все. Теперь вот вы правду знаете и баба Марфа, местная лекарка, она подсказала, как правдоподобно сделать, мазь безвредную, даже для волос благодатную на основе смальца приготовила. Если какой обход или облава, мы сразу Зину мажем и платочек. Если попробуют проверить, то даже не поймут, что там у неё на голове... — мать Зины помолчала и добавила, — хватит нам того, что отца не сберегли. Я поклялась на его памяти, что детей спасу и сохраню, чего бы мне этого не стоило и вас детки не дам в обиду. Я сильная, сильная духом...

Зина, слушавшая рассказ мамы, подбежала к ней, присела и положила голову ей на колени.

Вера Ивановна гладила дочку по голове через ситцевый платок, плотно завязанный вокруг головы:

— Потерпи, доча! Верю, не долго нас осталось эту мразь фашистскую терпеть. А вы не бойтесь, Зина не разная. Так нужно было. Машенька, хоть ростом больше на ребёнка схожа, а Зине-то скоро 17 лет, невеста уже. Ничего, красавица, вырастут твои смоляные кудряшки, женихов отбоя не будет. Да, Вася?

— Конечно, тётя Вера!

***

А что же в это время происходило на Южном фронте? Находящиеся в резерве и на доукомплектовании 4-й механизированный корпус, получив 12 февраля приказ о наступлении, за сутки сделал бросок на 120 км и во второй половине дня уже сражался с 336-й немецкой пехотной дивизией в районе г. Новошахтинска. Немцы разбежались в панике от неожиданного удара русских танков.

Один за другим освобождались крупные населённые пункты и войска Вермахта несли большие потери убитыми и пленными. В ночь с 14 на 15 февраля передовым отрядом 4-й механизированный корпус, составленным из 15-й механизированной бригады и усиленными танками других бригад, под командованием начальника штаба корпуса гвардии полковника В. И. Жданова внезапным ударом, с востока вступил в Матвеево-Курганский район. Немецкий гарнизон, расположенный в с. Марьевка, был застигнут спящим в домах и уничтожен. В скоротечном бою был разбит гарнизон, в котором насчитывалось до 500 человек.

И уже во второй половине дня 16 февраля, преследуя отходящего противника, механизированные бригады вышли к реке Миус. Упорное сопротивление противника, при подходе к Матвееву Кургану встретило наши передовые части. Командир корпуса, вновь решил взять посёлок Матвеев Курган ночной атакой 17 февраля двумя механизированными бригадами: на северную атаку наступала 15-я, а на южную 14-я бригады, без проведения артиллерийской подготовки, огневой обработки переднего края противника, чтобы атака была внезапной и стремительной.

Матвеев Курган стал серьезным узлом сопротивления, так как имел сильные заградительные сооружения на подступах к посёлку, не говоря уже о сложных линиях

сложных инженерный укреплений и коммуникаций за рекой Миус, на вершинах Донецкого кряжа.

Начиная с 16 февраля, пошел густой, мокрый снег, а уже вечером сильно похолодало и ударил мороз. Глубокий снег повсеместно покрылся ледяной коркой. Атака, как и планировалось, началась в полночь.

Мотопехота пошла в наступление, но из-за скользкого наста на снегу, продвигалась слишком медленно. Бойцы, стараясь соблюдать скрытность, не открывая огонь, шли вперед на врага. Но на этот раз, немцы вовремя определили направление удара южном направлении и подпустив пехоту на близкое расстояние, открыли шквальный огонь из пулеметов и автоматов, ударила по наступающим и артиллерия.

В ночь на 17 февраля танкисты прорвали оборону на подступах п. Матвеев Курган и всю ночь наводили на улицах посёлка страх и ужас у немцев. К 9 часам утра Матвеев Курган был полностью освобождён.

Командующий Южным фронтом 18 февраля создал мотомеханизированную группу в составе 3-го и 4-го гвардейских механизированных корпусов, перед которыми ставилась сложная боевая задача. Третий гвардейский механизированный корпус, под командованием генерал-майора Т. И. Танасчишина должен был к исходу 18 февраля, с поддержкой соседнего механизированного корпуса, овладеть с. Анастасиевка, с. Мало-Кирсановка, и в дальнейшем наступать на Мариуполь, где соединиться с подвижными войсками Юго-Западного фронта. Этим же приказом 2-й гвардейской армии была поставлена задача: к исходу 19 февраля выйти также на рубеж Анастасиевка и в 10 км севернее ее.

Части 4-го механизированного корпуса, форсировав р. Миус, с боями продвигались в направлении Анастасиевки и днем 18 февраля смогла сходу овладеть селом. Однако стрелковые соединения 2-й армии не выдержали

большого темпа наступления и выйдя на левый берег Миуса, дальше продвинуться не смогли. Воспользовавшись заминкой, противник успел подтянуть подкрепление со стороны с. Латоново и закрыть образованную 4-м механизированным корпусом брешь.

Воинские соединения 2-й армии 18 февраля овладели селами Большая Кирсановка и Алексеевка, форсировав Миус вели бои за с. Александровку на западном берегу Миуса. Также велись бои за овладение хуторов Демидовка и Шапошников.

Шли наступательные бои и южнее Матвеева Кургана. 2-й механизированный корпус вёл бои за овладение сёл Ряженое и Рясного.

Перечислить все воинские подразделения отважно сражающихся за овладение рубежами Миус-фронта не представляется возможным, как и назвать те населённые пункты, где, при их освобождении пали сотни и тысячи советских солдат. И самое обидное, что и на этот раз чего-то и где-то не хватило, толи оперативности, толи ещё чего, из-за чего войска Вермахта снова смогли вовремя подтянуть резервы и остановить освободительный порыв от самого Ростова на этих неуступчивых рубежах Миус-фронта, это, если ничего о них не сказать.

***

Какое же всё таки счастье, если можно в такой ситуации назвать положение беженцев, Васи и Маши, в том, что они успели уйти из села Александровка, где уже какой день идут ожесточённые бои и ночью, и днём рвутся мины и снаряды, и от их разрывов трясутся саманные стены хаты Веры Ивановны. А в этой хате, под одеялами шепчутся две группировки, разделенные по половому принципу: юноши и девушки или мальчики и девочки.

Конечно же, когда чувствуешь плечо товарища или подруги, даже, если ещё пару дней назад которые и знакомы не были, то и страх — совсем не страх, а звуки взрывов, лишь повод для обсуждения кто, откуда и чём по ком бьёт, и чем тому первому второй отвечает. Конечно, хотелось, чтобы утром, проснувшись, в окно можно было увидеть советские танки или просто красноармейцев, а Вася, в отличие от детей тётки Веры, которые знали о гибели отца, хотел однажды встретить отца Петра живого и здорового.

И даже под артиллерийские канонады и свист миномётных обстрелов, которые происходят всего в 5—6 километрах в той долине, пойме реки Крынка, из которой Вася с Машей с таким трудом поднялись на затаянном подъёме, пригревшись под ватным тяжёлым одеялом, устав от разговоров, можно было уснуть крепким детским сном. Что им снилось? Один Бог знает, что снится детям и подросткам при обстрелах, во время войны, не той, что далеко, а той, что рядом, под боком...

А, что снится Вере Ивановне и тысячам женщин, потерявшим на войне своих мужей, отцов, сыновей? И спится ли им вообще? Когда последний раз к её щеке прислонялась шершавая натруженная рука мужа, который, проявив таким образом свою скудную мужскую ласку, спросил бы её:

— Ты, чё не спишь, голуба?

Когда последний раз она стирала не эту отвратительную робу, с петлицами, с нашивками и запахом немчуры, а промасленную, с заплатами, пропахшую маслом и соляркой, что приятней духов, одежду любимого мужа, который пришёл поздно с трудовой смены и бросает одежду в угол, а она старается к утру выстирать и выгладить всё да ещё, если он не спит, подарить ему в усладу женского тепла и ласки, а если уснул, то просто прижаться к сильному плечу и радоваться этому счастью...

А, как сейчас чувствует себя мать Васи и Маши, которая проклинает себя и волосы на себе рвут потому, что Матвеев Курган уже четвёртый день, как освобождён от немчуры, а детей нет рядом и неизвестно где они сейчас и живы ли? Сегодня истёк срок их «командировки», и они должны были вернуться. Должны были, но... Что с ними могло случиться? Да, что угодно! И как она могла их отпустить от себя, как? Нужно было, если идти, то идти всем. Если попали бы в беду, то она, может быть, могла как-то им помочь, защитить, закрыть собой. Но она этого не сделала. Как же так?!

Двое детей отпустить зимой неведомо куда, ну зачем? Матвеев Курган как-то единым порывом освободили. Жители, которые оставались в оккупации в своих домах, даже не поняли, что конец оккупации, что им больше не видеть фашистские рожи, не готовить им еду, не стирать им бельё, не рыть для них окопы и укрепления Мисус-фронта.

Они встали утром 18 февраля и на улицах не увидели прислужников оккупационных войск, старост и жандармов, комендатур и проверок «аусвайсов» на постах и у границ «запретных зон». Некоторые из них лишь были свидетелями того, как днём раньше казачий батальон яро противостоял передовым соединениям наступающей Красной армии, на красный цвет у которых была «аллергия», ведь их любимый цвет — голубой. Но и не только поэтому. У них с давних пор «кровная вражда». Но, почему-то казаки, иммигрировавшие в 1920 году во Францию, Канаду, страны Южной Америки, когда немцы напали на их исконную Родину, Россию, когда топтали их донские земли кованые сапоги фашистов, которые убивали их родных, оставшихся на исторической родине, танками разбивали их родовые курени, они не остались в стороне, но не пошли, как эти, оставшиеся на Дону воевать против Красной армии, на стороне немцев. Они

собирали средства на строительство танков и самолетов не для войск Германии, а для Красной армии, против которой двадцать с лишним лет назад сходились на донских просторах для сабельных сражений. Почему?

Почему вот эти казаки, которых объединил в казачьи формирования бывший полковник царской армии С. В. Павлов и его инициатива была поддержана П. Н. Красновым, воевали на стороне врагов Отечества, против Красной армии? Можно было, конечно, сделать такое сравнение, когда соседи живут много лет и не мигают, ругаются и дерутся между собой. А когда пришёл на их землю чужеземный враг, то они объединяются и дают ему отпор, а после победы на гулянках, изрядно подпив, вспоминают старое и давай друг другу морды бить.

Из казачьего формирования, размещенного в Матвеевом Кургане, кто не погиб в бою, были взяты в плен и без долгой процедуры содержания и следствия, и в отличие от пленных немцев, им был зачитан приговор на балке, проходящей параллельно и между улицами 1 Мая и Московской. Эта балка была естественным стоком дождевых вод, внизу, в районе моста, вода попадала в реку Миус. Здесь, в низине балки эта группа казаков была и расстреляна.

Среди них был и наш знакомый, казак из далёкой казачьей станицы Верхнего Дона. Он остался навеки безымянный, как и его сослуживцы, благо, что был захоронен, хоть и не совсем по человечески, без почестей и не в братской даже могиле, а в глубокой балке, русло которой постоянно вымывалось сильными потоками во время ливней и несли с бурунами в Миус.

Но Дмитрию Котельникову повезло даже, хоть какое тут везение, кто-то скажет. Да, повезло в том, что его тело было погребено по христианскому обряду, в отличие от морских пехотинцев, штурмовавших Волкову гору

и после их гибели, в течение не дней и недель, а месяцев, не могли быть погребены из-за непрекращающихся обстрелов поймы реки Миус и подступов к немецким оборонительным рубежам. Вот такая она, война.

Прошёл февраль, прошёл март, наступила весна, а дети всё не возвращались. И сердце Варвары Максимовны разрывалось на куски и мысли сводили с ума. Но, ведь «надежда умирает последней» и только надеждой жила женщина. И эта надежда её держала.

Получила пару писем от мужа. Он жив и здоров, и, оказывается, что, пройдя с отступлением чуть севернее с. Куйбышево, вблизи от дома, дойдя до самих Кавказских гор, с наступлением, вновь оказался на Миус-фронте и снова не смог попасть домой. Интересуется, как дети? Что она могла ответить ему на это? Не смогла уберечь, отправила на верную погибель?! Хоть в петлю лезь, не жизнь — каторга и каторга не в труде, труд мог бы отвлекать от пагубных, угнетающих мыслей, каторга душевная, душа томилась, страдала и пыталась утянуть за собой на дно жизненного омута надежду. Но, к счастью, надежда была нестигаемой.

Затем пришли сначала сразу три, а потом стали приходить одно за другим письма от старшей дочери Лиды. У Лиды было всё хорошо, хоть и была она далеко сейчас от матери и не могла её полностью успокоить.

«Ну, вот, дура-баба, — в мыслях говорила сама себе Варвара, — муж жив, дочь Лида жива. Почему же меньшие дети должны были погибнуть, если они и жизни не видели? Нет, такого не должно быть, такого не будет, такого Господь не допустит. Я же им обоим повязала крестики, они спасут и сохранят их. Не крестики, а Господь через веру с крестом, животворящим спасёт и сохранит моих дорогих деток. Господи, прошу тебя, Господи: Спаси и сохрани!!!»

XIX

Первые дни, пока не установился стабильно фронт, после неудачных попыток его прорыва и выхода Южного фронта в район Мариуполя, было очень тревожно, если ничего не сказать. Надежды, которые в душе затаили люди, что вот-вот и они смогут ликовать, отмечать, пусть небольшую, но победу над ненавистным врагом. Но, увы и ах! К сожалению, этого не случилось. Из-за стремительной атаки механизированных соединений, не дающих фашистам опомниться, пехота и артиллерия стрелковых дивизий не поспевала за передовыми мобильными частями Красной армии.

Второй и не менее важной причиной, нужно признать без утайки, это была оперативность командования германских войск, которые, несмотря на неожиданность и стремительность атак, сумели, имея значительные резервы вдоль трёх оборонительных рубежей Миус-фронта, организовать оборону, с переброской мобильных соединений на наиболее уязвимые места прорыва. И даже прорыв, в соответствии с разработанным штабом Ставки Верховного Главнокомандующего планом наступления, механизированного корпуса в район с. Анастасиевка, попал в окружение по тем же причинам, указанным выше, и Красная армия в этой операции понесла большие потери.

Трудно и, наверное, неправильно сравнивать Красную армию с хищником, скорее наоборот, но, если попытаться сравнить действия хищника, после неудачной охоты, попытки настигнуть желаемую дичь, он не выкладывается на полную силу до тех пор преследуя быстроногую лань, пока сердце самого преследователя биться перестает. Конечно, нет. Бесспорно, на основе ошибок и промахов, он начинает готовить более изощрённый

приём и просто восстанавливает силы, перед последующими бросками и действиями на охоте.

Войска Вермахта не были лёгкой «дичью», а высокоорганизованными и мобильными соединениями. А если говорить о том, откуда они брали живую силу, в отличие от многонационального государства, с общей численностью населения почти 200 миллионов человек, но не стоит забывать следующее. По пальцам одной руки можно было перечислить те государства Европы, чьи солдаты не воевали на стороне Германии. Достаточно сказать, что здесь, на Миус-фронте отметились, если так можно сказать, венгры, румыне, болгары, итальянцы, словаки.

Так, к примеру, на позициях линии Миус-фронта севернее от с. Голодаевки (Куйбышево) до Белояровки, Мариновки, вдоль реки Ольховчик, притока Миуса находились словаки, занимая часть участка дивизии «Викинг». Именовалась эти соединения словаков, как Подвижная дивизия.

В Матвеевом Кургане Василий сам встречал не раз группы подразделений румын, относящихся к действующим, передовым частям Вермахта. И как он смог сделать вывод по тем, с кем приходилось, как минимум сталкиваться, они не вызывали особого страха, как при появлении немцев, особенно, если они из передовых отрядов, жандармерии или служб СА, СД или СС.

И вот эту многонациональность войсковых подразделений германской армии, которую Василий наблюдал ещё в какой-то мере, будучи в Матвеевом Кургане, сейчас проявилась ещё более отчётливо. Какие-только голоса не приходилось слышать из часто проезжающий транспортных средств, перевозящих вооружение, материальное обеспечение и живую силу, для подкрепления или смены состава, через Самарский железнодорожный переезд и направляющихся на передовые линии Миус-фронта, в основном в район с. Александровки.

И этот разноголосый говор, среди привычного русского, украинского языка и суржика — смеси двух языков, людей живущих по соседству на, как территориальных, административных, так и двух языковых областях, границы между которыми за последние две с половиной сотни лет, от Перта Великого и Екатерины II или также Великой, менялись, устанавливались указами между запорожскими и донскими казаками, был привычен местным жителям. Стали уже привыкать за более, чем полтора года и к немецкого, бьющему, что пощёчина по слуху местных жителей и многие, часто употребляемые немцами слова и словосочетания, особенно опросов и требований, были понятны и они могли сносно отвечать на ломанном немецком языке. Хотя при этом нельзя быть застрахованным от удара прикладом за слова с неприемлемым в данной ситуации смыслом, вместо похвалы «Gut! Gut!...».

Когда, Вася, слышал разговор военных славянского происхождения, то в его разуме это вызывало, кроме недопонимания ещё и вопрос — «почему?». Было понятно и не только с уроков истории, но из книг, прочитанных помимо школьного курса, то, почему русский народ со времён великих князей, объединяющих Русь на борьбу с иноземным игом, и Великих императоров России, поднимался и плечом к плечу шёл на священную битву за свою землю, за Отечество.

Он понимал, что руководило Великими русскими полководцами, такими, как Суворов, которые в Итальянском и Швейцарском походах выполнял освободительную миссию стран центральной и юго-восточной Европы от одержимого величием французского императора Наполеона Бонапарта. И при этом Россия была движима не сугубо личными интересами, а интересами союзников, придя им на помощь.

Забыли румыны и, особенно болгары, что Россия их освободила через сто лет после походов Суворова

от Османского ига. И хоть, воюя на стороне Германии, Болгария объявила войну только США и Англии, пытаюсь держать Россию, в составе СССР, как козырную карту в политических отношениях. Но, почему, как мы говорили, «братский болгарский народ», принимает участие в Великой Отечественной войне, но на стороне Германии?

«Грязное это дело — политика! А потому, так часто разногласия по политическим вопросам, наряду с экономическими, становятся поводом для раздора и войн?» — думал Вася длинными зимними ночами, пытаюсь найти ответы на непростые вопросы.

Но чаще всего, ему не давали покоя мысли — «как там мама?». Он не мог найти выхода, как можно передать весточку, что её дети живы и, спасибо этой святой женщине, в приюте и накормлены, и в тепле.

И сразу думки его уже были о женщине, которая, как заботливая мать, не боясь трудностей, которых у нею точно увеличилось вдвое, если детей стало не двое, а четверо. Он уже не помнил, но примерно через месяц, возможно случайно, при общении с немецкими солдатами, и при обращении к ней прозвучало впервые — «Mutter». Вера Ивановна сначала ничего не сказала, а вечером, в семейном кругу, сказала:

— Ведь мы теперь одна семья, так?

Все молчали, хотя и понимали к чему идёт разговор, но боялись дать необдуманый, скоропостижный ответ, ждали разъяснений.

— Не по «метрике», а по сути, вы, Вася и Маша, для меня, как и кровные — мои дети. Так, что можете называть, как Mutter, это — не мать, не мама, а что-то, как мачеха. А, если я услышала нечаянно произнесённое слово, то забудем. Вы мне дороги и я, пока жива не дам вас в обиду, как и своих родных, кровных. А вы, Зина и Вова, принимайте наших, некогда гостей,

как единую семью, как приёмных брата и сестру. Договорились?

Дети Веры Ивановны, смотря в пол, молча покачали головой. Это было сложно для быстрого осознания, как это? Только что у матери было двое детей и вдруг сразу четверо, непонятно, требует времени на осознание.

— Хорошо, Mutter! То, есть, Вера Ивановна, хорошо! — сбиваясь, ответил Василий за двоих.

— Ну, вот видишь, душа сама подсказывает, как поступить. Вот и договорились. А теперь, что Бог послал, тем и подкрепим силы. За стол всем, — радостно улыбаясь,скомандовала «многодетная» мать.

А ранее, как Mutter и обещала полицаю, да и без него понимала, что детям нужно «выправить» документы местного «пошива». Тогда, при проверке не будет лишних вопросов, а стало быть, и проблем. Перед тем, как идти к местному старосте, она что-то собрала и завернула в тряпицу, сложила в небольшое лукошко. Потом подробно рассказала, что нужно говорить, при расспросах, кто-бы, когда и при каких обстоятельствах не спрашивал.

— Запомните, фамилию вы мою могли бы и не знать, но как зовут, кто я вашей маме, Варваре Максимовне Домашенко, правильно я назвала? Так вот, я и ваша мама сёстры двоюродные, бабушки наши, моя — Федора, а вашей мамы бабушка, хоть вы её и не видели никогда — Анна, мама вашей бабушки Марии. Так?

— Да, так, кажется..., — стесняясь ответил Вася.

— Без кажется. Говорите всегда уверенно и тогда, даже, если соврёте, все поверят. Ложь для благого дела — не ложь! И когда кого-то нужно обмануть, но в благих целях, например, чтобы самим спастись и кого-то спасти от беды, то, когда говорите и уверенно, спокойным голосом, смотрите, не мигая человеку в глаза.

— О, целая философия!

— Я университеты жизненные заканчивала, но тактика проверенная, ручаюсь. В таких условиях, как мы сейчас, очень даже может пригодиться. Маше это ни к чему, а ты, парень смышлёный, тебе за двоих перед матерью отвечать, если рядом меня не будет и помощи не у кого попросить будет. Понимаешь?!

— Да, Mutter, я вас не подведу и маму не расстрою. Всё будет хорошо. Надеюсь, что вот такое состояние неопределённости скоро закончится и семьи объединятся и отцы... — увидев, что за большое тронув, Вася, немного изменил в речи то, что сказал и продолжил, — отцы, кому суждено живыми остаться, добьют эту фашистскую гадину и вернуться домой. А кто героически погибнет, мы не забудем, а коли придётся, то и отомстим за них и за все страдания людей. Вот так!

— Жаль, Вася, что война перебила тебе учёбу. Ты мог бы большим человеком стать.

Вася засмеялся и прислонив руку к макушке и продлив движение ладони, как-бы показывая, что переносит размер на измеритель и что не сможет он стать большим, если сейчас рост «метр с кепкой».

— Знаешь, как о людях таких говорят? «В корень пошёл». Ты парень способный. В тебе есть то, чего нет в других, поверь мне. Я хоть только педагогическое училище закончила, но деток разных повидала и, что с ними потом стало: кто из «троечника» стал способным, а кто из «отличника» сейчас полицаем служит. Я в Новониколаевке в школе работала, пока немцы не пришли и своих учителей привезли. Благо, что недолго они детей портили.

— Да, я знаю, у нас тоже малолеток собирали и мозги их кисельные «конопатили». Спасибо вам за доброе слово, Вера Ивановна. Сколько мы у вас живём и до сих пор не знали, что вы были учителем... и будете ещё детей исправлять, после вмешательства немчуры. Да, у нас и отец

ростом не великан и сестра вот, Дюймовочка. Старшая только, девушка статная, красавица.

— А где она, с вами, в Кургане?

— Нет, она в Ростове на фабрике работала и осенью 41-го эвакуировалась с производством в Среднюю Азию.

— Теперь-то Ростов освободили, все говорят. Слухами земля полнится, а Таганрог по-прежнему под немцами. Ты прав, не долго, я также думаю, что недолго им тут ещё господствовать.

— Давно хотел спросить, можно? Только у меня два вопроса и оба серьёзные...

— Сказал «А», говори и «Б».

— У вас фамилия редкая, Едуш, не еврейская? — тихо и наклонившись ближе к Mutter, чтобы её дети и Маша, которая сдружилась с Зиной и заодно с её братом Вовой, который был очень компанейским малым.

— Ты не первый, кто так думает. Совершенно нет, мы по документам считаемся русскими, но судя по тому, что отец детей, мой муж... — Вера Ивановна глубоко вздохнула и продолжала, — он родом из хутора Едуш, что рядом с селом Покровкое. Только село на левом берегу Мисуса, а хутор на круче правобережья расположен. Селение появилось там в XVIII веке, благодаря императрице российской Екатерине II Великой. Скорее всего его прадеды были или ляхи или литовцы. Как и заселение земель Примиусья немцами-колонистами, так и другими переселенцами по велению Екатерины Великой. А хутор и сейчас носит название Едуш и там проживают родственники мужа, его братья, сестра и племянники. В роду у них много было знатных, уважаемых людей.

— Теперь понятно.

— Муж меня здесь нашёл, а мои родители были, что старoverы, упёртые и властные. Они не хотели отдавать меня замуж за Гришу. Тогда он, бросив шапку в пол, сказал отцу: «Хоть убейте, а я Веру люблю, и она меня лю-

бит. Если не отдадите дочь, то я в примы к вам приду жить, согласны?!». Родители переглянулись и поняли, что этот парень не отступится и согласился. И стали мы жить здесь. Гриша в Новониколаевке в МТС работал, ну а про себя я уже говорила, учителем. И жили мы счастливо, Гриша никогда грубого слова не сказал за всё время и вот...

При каждом воспоминании о муже, хозяйка проти-рала глаза и потому, даже вопрос о том, как выжили, был излишен, у неё и на лице всё было видно и слезами доказано. Тяжело вздохнув, Вера Ивановна обратилась к Васе:

— Ну давай и второй вопрос, коль допрос начался.

— Да какой допрос?! Мне просто интересно. Я вообще любознательный. И вот это мне не даёт покоя, если можно, то ответьте: почему вас этот полицаи, как я понял, боится?

— А ты не понял? Он видел в моих глазах решительность и то, что, если моим требованиям не подчиняться — капец ему может прийти, прибыю, сожгу в хате ночью, утоплю головой в бочке — вот то, что он прочитал в моих глазах. Веришь?

— Хоть и это не поддаётся логике, но, наверное, оно так и было. Он, как ошпаренный стоял и шею под ворот втянул, чтоб её не оттяпали и глазища выпучил, как будто ому удавку накинули на шею и затягивают и, думаю спит с открытыми глазами, чтобы успеть из горящей хаты выскочить.

Вера Ивановна рассмеялась забористо, может-быть так впервые со дня получения похоронки, так, что все дети, занимающиеся втроём каким-то интересным занятием к углу хаты, резко повернулись и могли подумать: «А всё-ли в порядке с головой у матери?».

— А ещё, открою тебе маленький секрет, чтоб девчонки не слышали, у них на лбу написано «по секрету — все-

му свету», — после этих слов, теперь пришла очередь Васе смеяться, — вот и ты с этим небось сталкивался уже и не раз!? Я знаю о нём то, что никто не знает, а если на хуторе узнают, ему или сбегать отсюда навсегда или точно головой в петлю лезть.

— Что же это такое может быть?

— Вася, лучше и тебе не знать, не могу сказать. Иначе, «крючок» разогнётся, на котором я его держу и всё пропало, его страх пропадёт, бояться нечего ему будет, а что он натворит — даже Господь не берётся предсказать.

— С вами нужно быть «на чеку», иначе — вжик и нет головы!

Вера Ивановна снова закатилась смехом, как будто и войны нет и в пяти километрах от дома не стоит фронт и не приходится, при случае «нырять» в погреб и сидеть там до тех пор, пока налёт или обстрел не закончится. Совсем было бы обидно, если погибнешь от обстрела своих же. А в гору как стрелять, когда артиллерия бьёт из долины под углом градусов в тридцать, а-то и того больше? Как чуть «переборщил», так и улетел снаряд не в блиндажи с окопами и по ДОТам на вершине, а у немцев над головами и прямоком по хутору. Он-то в аккурат на линии обстрела из Александровки расположен.

— Ох, не к добру это я раздухарилась, не к добру. Господи, прости! — хозяйка, вытирая слёзы, но на этот раз от смеха, отошла от стола, села на лавку, прислонилась спиной к стене, откинула голову и закрыла глаза.

В хате наступила тишина. Дети родные и приёмные понимали, что мать (Mutter) сейчас лучше не тревожить. Сейчас она не здесь, а там, где ей хочется побыть. Она там побудет совсем немного и, вспомнив, что здесь остались дети, моментально вернётся назад. И станет прежней домашней и заботливой мамой и Mutter — Ersatzstoff,

т.е. заменяющая мать. Мыслей у неё было очень много в голове, а времени, чтобы все думы обдумывать не хватало.

***

Время шло. Наступила весна, март, а за ним и апрель. В чём-то хуторянам стало легче, а в чём-то тяжелее. Все знают поговорку, которая гласит — «Нет ничего хуже, чем ждать и догонять». В данном случае, люди ждали, ждали и дни, и ночи, ждали того момента, когда по единственной улице хутора загрохочет гусеницами советский танк или, услышат голос седовласого, выдавшего виды русского солдата, который попросит: «Мать, дай-ка водички испить!». А, та, которую он матерью назвал или ровня ему, или моложе этого солдата. Но это не важно. Женщина с обеих ног бросится за ковшиком, чтобы угостить солдата-освободителя студёной водичкой из колодца со слова: «Сейчас, милоч! Сейчас, сыночек дорогой!».

Конечно же, многие ждали и надеялись увидеть своих сынов и мужей, живыми, пусть израненными, но живыми. И даже те надеялись, кто, уже получив «похоронку», не верили, не теряя надежды, что эта нелепая ошибка будет исправлена — вот сколько радости-то будет.

Дети — есть дети и даже война не стала помехой, чтобы не найти времени на какие-то забавы, которые и детскими не назовёшь, так как на них отпечатался оттенок войны, её след, и для взрослых не подходит, так как взрослые, в принципе в подобные игры уже не играют, если это не интеллектуальные игры, такие, как шахматы, развлекательные, как лото или азартные, как игральные карты.

Конечно же, их взрослые далеко от дома не отпускали. В такое время можно было ждать всё, что угодно. Особенно опасались за пацанов, которые, из-за своей

любознательности и не только, могли притянуть что угодно, от гранаты и мины, до огнестрельного оружия. И хорошо, если так, а если где-то с этим арсеналом что-то сделают, что может быть?

А от парней, юношей, таких, как Вася, тем более, когда они переполнены злостью к фашистам и к тому же, если те убили отца, тогда трудно представить на какие поступки способны они, в случае конфликта с теми же службами, жандармерией, полицией порядка, подчиняемой СС — гиблое дело, упаси, Бог!

Ещё одна опасность заключалась в том, что молодые люди, попав во время облав вне дома, могли стать кандидатами на «командировку» в Германию, где явно не хватало рабочих рук на заводах, фабриках, шахтах и для работы на земле.

За детьми всегда «нужен глаз да глаз», а в таких условиях и двух не хватало. Приходилось старшим «нанимать», а вернее создавать собственную сыскную службу, в которую входили, в качестве «агентов» младшие братья и сёстры, если они отличались благонадёжностью.

***

Так как фронт стоял в непосредственной близости, то в хутор часто привозили сменившихся из окопов и блиндажей немцев, чтобы те могли отмыть с себя, осевшую после обстрелов пыль и копоть тола и от блиндажных буржук. Немцам давали время отдохнуть, попить шнапс, если посчастливится, то и поласкаться в объятиях в основном тех дам, кто желал таким образом чуток заработать себе и детям, а оплата была, хоть и скудная, но всё же продуктами, которые давали надежду на выживание.

Интендантская служба базировалась глубже в тылу, скорее всего в Новониколаевке, как и служба снабже-

ния. Это можно понять по тому, как ежедневно через хутор проезжали грузовики, гружённые боеприпасами и продовольствием в виде сухих пайков, полевые кухни и санитарные машины. В зависимости от погоды, часто можно было видеть и конные упряжки с гружёнными телегами.

Раненных солдат и офицеров, а также, если были таковые, убитых, также везли на запад в санчасть и полевой госпиталь. Погибших на линии фронта или умерших уже в госпитале солдат хоронили в специально отведённых местах на окраине села. Погибших офицеров отвозили на ст. Успенскую, где грузили в вагоны и отправляли на родину, в Германию.

Обстирывать немцев, что прибывали на хутор на побывку, приходилось местным женщинам, как выполнять другие работы: топить печи, готовить постояльцам, у кого они квартировали, топить бани, которые организовали в двух более подходящих для этого хат.

Выдачей «нарядов на работы» занимались представитель служб снабжения в сопровождении полицая и, реже, самого сельского старосты. Иногда, немцы сами загружали хозяйек «индивидуальными» заказами, когда хотели, чтобы их формы были выстираны нужным образом и выглажены, в отличие от «коллективных прачечных». В этих заказах был определённый куш, а в случае, если не угождал кто заказчику, то грозило большими неприятностями.

И ещё один принцип, которого придерживались офицеры, отдающие наказ о выполнении работы — это то условие, чтобы хозяйка была опрятной и, желательно не очень старой, и даже не потому, что рассчитывали на интим, а просто у старушек зрение послабее и могли не заметить где-то загрязнение, прореху или не разглаженные складки. Вот с такими работами часто обращались к Вере Ивановне, да и Макарыч всегда

расхваливал способности интеллигентной и аккуратной женщины.

Такие работы приносили хоть небольшое подспорье к скудному обеденному столу, в виде, иногда даже невиданным деликатесам, а обычно — тушенка, булка хлеба, сахар, пара шоколадок.

Вася помогал в мелком ремонте, и чистке одежды и обуви, много навыков перенял, как от матери, так и от отца. Обязанность его была работа истопника и заготовка дров. С дровами здесь было туже, чем даже в Матвеевом Кургане. А вот, что касается угля, то можно было разжиться, из-за того, что железная дорога рядом, в Самарском был небольшой склад угля и по договорённости, даже немцам ничего не стоило, для своего же комфорта, завести немного угля, чтобы можно было не в холодной воде стирать форму, а если нужно, то и «вшей погонять», вываривая бельё до бела и убивая «русских партизан», как они называли маленьких нательных назойливых паразитов.

Вася стал замечать, что когда он подходил к хуторскому колодцу, то неведомо откуда появлялась рыжеволосая, курносая девчонка и ей, из-за веснушек и курносости невозможно было определить сколько ей лет. Скорее всего, она была постарше сестры Маши и не только судя по росту, но и округлости форм под пальто, которое ей было уже маловато и это в свою очередь лучше подчёркивало сочность девичьей фигуры.

Вася, конечно, делал вид, что он не только глух и нем, но и ещё к тому же слеп. Мог даже умышленно слегка зацепить её плечом, если девушка, так будет правильнее называть это создание «солнца», приходила раньше, и переваливаясь с ноги на ногу, с прищуром наблюдала в ту сторону улицы, откуда должен был вот-вот появиться этот паренёк, как принц свалившийся

с неба на её голову, лишив, как говориться сна и покоя.

Не прошло мимо глаз местной шпаны это дефиле рыжеволосой, они стали её задевать и дразнить. Сестра Маша тоже заметила вызывающее поведение незнакомки. И как только она была свободно от какой-либо работы, состоявшей часто в помощи Вере Ивановне или под её руководством. Часто какую-то объёмную работу она делала с Зиной, они сдружились, несмотря на разницу в возрасте более, чем в два года.

Маша не сразу шла за братом, а отпустив его вперёд на несколько метров, выбегала следом с пустым ведёрком. Обычно шагая задорно, размахивая пустым ведёрком.

Увидев, что за парнем спешит девчонка, явно имеющая виды на парня её мечты, рыженькая решила или сейчас, или может быть уже никогда. Когда Вася подошел к колодцу и не замечая «охранный пост» у колодца, как почётный караул, начал вращать за рукоятку ворот, опуская ведро через сруб в недра колодца.

— Меня Таней зовут. А тебя как? А это твоя сестра, да, что за тобой гонится или подружка?!

Вася не успел даже ответить ей ничего, как ревнивая сестра Мария, с разбега набросилась на деревенскую рыжеволосую девчонку, которая была чуть повыше самой Марии ростом и, видимо возрастом также на год-два старше её, предприняв незамедлительную попытку отстоять брата, отбить его от незнакомки:

— Слышь, ты, барыня! Отвали от моего брата!

— А-то, что? — пыталась не сдавать свои позиции Таня.

— А-то узнаешь, какие у меня цепкие пальцы, острые ногти и крепкие зубы! Волосы-кудряшки вмиг на кисточки для рисования пушу... Да и то не подойдут, их выравнивать нужно — это дело очень хлопотное. Разве, что

сначала разгладить прямо на голове. Ты как предпочитаешь, чтобы я тебе твои кудряшки разгладила, рубелем или угольным утюгом? Что молчишь? Ладно, пожалею, рубелем пройду с слегонца по твоей угловатой головешке и её заодно подправлю. А?!...

Рыженькая девчонка стояла, открыв рот, прижав своими ручонками кудряшки к голове, видимо, представив процесс глажки её красивых завитков рыжих прядей и качала отрицательно головой:

— Не-а!.. Не нужно мне... я... Не нужен мне твой... твой братец! Забирай его себе, не сильно и нужно было.

— Ага, я так и поняла: не сильно, но нужно. То-то же!

Вася стоял в сторонке покраснев, с желанием прервать это «детский» лепет в недетской теме и не мог. Ему с одной стороны было приятно, что его меньшая сестрёнка, за которую ему часто приходилось вступаться и защищать от всяческих нападков, теперь сама, как тигрица встала, как она считала на его защиту от незнакомки, а с другой стороны было жалко эту, почти незнакомую девчонку и неудобно за сестру, которая набросилась на ту, отстаивая его, брата, как свою собственность. И, когда Маша, сжав кулачки, ринулась на пятившуюся назад несостоявшуюся «невесту» Васи, Вася резким движением схватил сестру за запястье и резко дернул на себя, от чего сестра завращалась, что юла на той ноге, которая в этот момент была опорной.

— Отпусти! — блеснув зелёными глазами исподлобья, пыталась безрезультатно вырваться из «мёртвой хватки» брата.

Также, держа сестру за руку, подошёл к девочке, назвавшейся Таней, сменил правую руку, которой держал сестру на левую, а освободившуюся добродушно протянул новой знакомой и произнёс:

— Я — Вася, а это моя сестра Маша! Она хорошая, не бойся, успокойся, вы подружитесь, — при этом за-

улыбался и легонько подтолкнул сестру к «сопернице», кивнув, мол — действуй.

— Ну, ладно, посмотрим, — не унималась Маша, а увидев сердитое выражение прищуренных глаз брата, добавила, — Маша!

Таня, чуть подержав Машину руку, отдёрнула её для верности и спрятала за спину.

— Таня, ты местная? Мы из Кургана пришли, вещи на еду хотели сменять. У нас с этим совсем туго стало. Ну, а тут нас фронт и догнал.

— Да, местная. А почему вы не общаетесь с нашими парнями и девушками? — пытаюсь завязать разговор, спросила Таня, толи у Вася, толи у Маши.

— Да, как-то не время посиделки устраивать. Вот, как война закончится, так и устроим посиделки до утра, с песнями, плясками, гуляньями, — серьёзно ответил Вася, — а сейчас, какие посиделки, если в шесть часов комendantский час начинается. Не комсомольские же собрания проводить с утра вот тут у колодца?!

— А я вас заметила, когда вы к деду Илюшке приходили с Верой Ивановной, это мой дед, двоюродный. А Вера Ивановна — моя учительница, учила в начальных классах. Знаете, где я живу, заходите ко мне, Вася и Маша, когда обстановка позволит.

— Хорошо, зайдём, если получится, — ответил Вася, — пирожки пеки. Варенье есть?

— Ой, даже не знаю, может и есть. Да мать давно ничего не печёт.

— Не скучай, Татьяна! Рады знакомству. Да, сестрёнка?!

Маша в ответ лишь фыркнула и отвернулась, а потом стрельнула на улыбающуюся Таньку и толкнув брата, скомандовала:

— Набери и мне воды. Я ж тебе помогаю тягать, а ты тут лясы тачаешь. Давай, наливай!

— Сестрёнка, ну вот такую услугу для тебя я с большим удовольствием исполню. Могу даже с горкой налить, если не расплескаешь.

Вася сиял своей, по-детски наивной улыбкой. Таня чувствовала себя неловко из-за того, что стала причиной, хоть и исчерпавшего себя, но всё же конфликта между братом и сестрой. Маша же только фыркнула и не дожидаясь, пока ведро будет полное, резко дернула его за ручку, окатив валенки брата водой, которая быстро стала превращаться в лёд и с гордо поднятой головой, не дожидаясь брата, засеменила, не оглядываясь, по протоптанной в снегу тропе.

***

Оглавление

Пролог	3
Часть первая	24
Примиусье	24
I	24
II	38
III	51
IV	67
V	79
VI	96
VII	110
VIII	128
IX	142
X	157
XI	173
XII	184
XIII	196
XIV	212
XV	230
XVI	250
XVII	266
XVIII	287
XIX	304

Александр Иванченко

Вишни

Роман в двух книгах. Книга первая

Редактор Александр Иванович Иванченко

Дизайнер обложки Александр Иванович Иванченко